

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ISSN 2307-2539

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№1 (11) • 2015

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2015

Главный редактор:

А.А. Тишкин

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
С.П. Грушин,
чл.-кор. РАН Н.Н. Крадин,
А.Л. Кунгуров,
Н.Н. Серегин (отв. секретарь),
С.С. Тур,
А.В. Харинский,
Ю.С. Худяков,
Е.В. Шелепова (отв. секретарь)

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель, Россия),
Д.Д. Андерсон (Великобритания),
А. Бейсенов (Казахстан),
А.А. Бондаренко (Россия),
Е.Г. Дэвлет (Россия),
Иштван Фодор (Венгрия),
А.А. Ковалев (Россия),
И.В. Ковтун (Россия),
Л.С. Марсадолов (Россия),
Д.Г. Савинов (Россия),
А.Г. Ситдииков (Россия),
Такахама Шу (Япония),
Чжан Лянжэнь (Китай),
Д. Эрдэнэбаатар (Монголия),
Ю Чжиюн (Китай)

Адрес: 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61,
каб. 211, телефон: (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

Журнал основан в 2005 г.
Выходит 2 раза в год

Утвержден к печати
Объединенным
научно-техническим
советом АлтГУ

© Алтайский государственный
университет, 2015

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
ALTAI STATE UNIVERSITY

ISSN 2307-2539

**THEORY AND PRACTICE
OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH**

№1 (11) • 2015

Barnaul

Altai State
University Press
2015

Editor in chief:

A.A. Tishkin

Editorial staff:

V.V. Gorbunov (deputy editor in chief),
S.P. Grushin,
Associate member
of the Russian Academy of Sciences N.N. Kradin,
A.L. Kungurov,
N.N. Seregin (executive editor),
S.S. Tur,
A.V. Kharinsky,
Yu.S. Khudyakov,
E.V. Shelepova (executive editor)

Associate editors:

Yu.F. Kiryushin (chairman, Russia),
D.D. Anderson (Great Britain),
A. Beisenov (Kazakhstan),
A.A. Bondarenko (Russia),
E.G. Davlet (Russia),
Ishtvan Fodor (Hungary),
A.A. Kovalev (Russia),
I.V. Kovtun (Russia),
L.S. Marsadolov (Russia),
D.G. Savinov (Russia),
A.G. Sitdikov (Russia),
Takahama Shu (Japan),
Zhang Liangren (China),
D. Erdenebaatar (Mongolia),
Yu Chzhiyun (China)

Address: office 211, Lenin av., Barnaul, 656049,
Russia, tel.: (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

The journal was founded in 2005
There are 2 times in a year

Approved for publication by
the Joint Scientific and Technical
ouncil of Altai State University

© Altai State University, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Марсадолов Л.С.</i> Салбыкский культурно-хронологический этап в истории древней Хакасии	7
<i>Соенов В.И., Трифанова С.В.</i> Парциальное погребение гунно-сарматского времени на некрополе Степушка-2	32
<i>Сотникова С.В.</i> Гравированные изображения на дисковидных предметах раннего железного века и Средневековья в свете индо-иранских параллелей (по материалам Урало-Сибирского региона)	41
<i>Цимиданов В.В.</i> Погребения срубной культуры с астрагалами из Новопокровки-2 (Нижнее Поволжье): «игроки» или медиаторы?	56

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>Горбунов В.В., Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Мухарева А.Н., Мунхбаяр Ч.</i> Продолжение исследований тюркских оградок на территории Монгольского Алтая ...	70
--	----

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Бородовский А.П., Тишкин А.А.</i> Обломок китайского зеркала из Шагирских юрт в Барабинской лесостепи	87
<i>Вертман Е.Г.</i> Масс-спектрометрический мультиэлементный анализ артефактов древнего бронзолитейного центра и шаманской атрибутики Таймыра	94

ИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

<i>Руденко К.А.</i> Уникальные находки эпохи раннего железа из Татарстана	113
<i>Тишкин А.А., Фролов Я.В.</i> Новая находка вислобушного топора с территории Лесостепного Алтая	135

СООБЩЕНИЯ, ЗАМЕТКИ, ХРОНИКА

<i>Бородовский А.П.</i> Российско-польские археологические экспедиции в Горном Алтае (начало XXI в.)	145
<i>Бородовский А.П.</i> Секция археологии Международной мультидисциплинарной конференции социальных наук и искусств (SGEM) (Албена, Болгария)	149

СТАТЬИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

<i>Бусова В.С.</i> Опыт реконструкции конской маски раннего этапа пазырыкской культуры	153
<i>Головченко Н.Н.</i> Критерии реконструкции одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа	169
<i>Список сокращений</i>	174
<i>Сведения об авторах</i>	175
<i>Правила оформления статей</i>	177

CONTENTS

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Marsadolov L.S.</i> Salbyk's cultural and chronological stage in the history of ancient Khakassia	7
<i>Soenov V.I., Trifanova S.V.</i> Partial human burial in the Stepushka-2 necropolis of hun-sarmatian time	32
<i>Sotnikova S.V.</i> Engraved drawings on discoid objects of the early iron age and the middle ages in the light of the indo-iranian parallels (on materials of the Ural-Siberian region)	41
<i>Tsimidanov V.V.</i> Timber-grave culture burials with astragals from Novopokrovka-2 (Lower Volga region): «players» or mediators?	56

FOREIGN ARCHAEOLOGY

<i>Gorbunov V.V., Tishkin A.A., Seregin N.N., Muhareva A.N., Munhbayar Ch.</i> Continuation of research of the turkic enclosures in Mongolian Altai	70
--	----

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Borodovsky A.P., Tishkin A.A.</i> Fragment of the chinese mirror from shagirsky yurtas in the Barabinsk forest-steppe	87
<i>Vertman E.G.</i> Mass spectrometric multielement analysis of artifacts from the ancient bronze-foundry center and shamanistic attributes from Taimyr	94

FROM MUSEUM COLLECTIONS

<i>Rudenko K.A.</i> Unique finds of the epoch of early iron from Tatarstana	113
<i>Tishkin A.A., Frolov Ya. V.</i> New find of the bronze axe from the territory of forest-steppe Altai	135

REPORTS, NOTES, CHRONICLE

<i>Borodovskiy A.P.</i> Russian and polish archeological expeditions in the Altai Mountains (at the beginning of the 21st century)	145
<i>Borodovskiy A.P.</i> Section of archaeology international conference multidisciplinary social sciences and arts (Albena, Bulgaria)	149

PAPERS OF YOUNG RESEARCHERS

<i>Busova V.S.</i> Experience of reconstruction horse-mask of early pazyryk culture	153
<i>Golowchenko N.N.</i> The criteria for reconstruction clothes settlement Verhnego Priob'ya in early iron age	169
<i>Abbreviations</i>	174
<i>Authors</i>	175
<i>Article submission guidelines</i>	177

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 902.63

Л.С. Марсадилов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

САЛБЫКСКИЙ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТАП В ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ХАКАСИИ*

За 300-летний период научного изучения археологических памятников Южной Сибири несколькими поколениями ученых пройден сложный путь – от раскопок объектов, первичной классификации объектов по материалу, выделения археологических культур до применения независимых от археологии методов датирования памятников. Первый курган в Сибири, ныне относимый к тагарской культуре, был раскопан с научной целью в январе 1722 г. по инициативе Д.Г. Мессершмидта. Неоднократно ученые возвращались к проблемам систематизации археологических материалов на новом уровне обобщений.

За последние 40 лет даты археологических памятников Хакасии были уточнены разными методами – археологическим, радиоуглеродным и дендрохронологическим. Огромный пласт больших курганов в окрестностях Салбыка свидетельствует о сильной группировке и концентрации тагарских племен именно в этом районе. Салбыкский период в Хакасии продолжался с VIII по VI в. до н.э., но традиции этой культуры уходят и в более поздние исторические периоды.

Ключевые слова: Хакасия, хронология, тагарская культура, радиоуглерод, дендрохронология, курган, элита, рядовые погребения.

DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-01

Краткая история датирования тагарских памятников

На долгом пути научного определения дат археологических объектов Южной Сибири и памятников тагарской культуры были пройдены три основных этапа.

1. Классификация и периодизация объектов по материалу – XVIII–XIX вв.

Как известно, еще в VIII–VII вв. до н.э. древнегреческий поэт Гесиод выделил в истории человечества пять веков: «золотой, серебряный, медный, героический и железный», а римский философ Тит Лукреций Кар в 1-й половине I в. до н.э. в поэме «О природе вещей» разделил древнюю историю на три больших периода в зависимости от материала, используемого человеком для изготовления орудий: «каменный век, медный и железный». Эти идеи нашли дальнейшее развитие в эпохи Возрождения и Просвещения.

Изучая памятники Сибири, Г.Ф. Миллер в середине XVIII в. обратил внимание, что «...вместо золотых и серебряных украшений и сосудов, кои находят в других могилах, здесь все состояло из красной меди, как то: медные ножи, кинжалы, стрелы и все то, к чему, впрочем, железо гораздо удобнее. Итак, народ, похоронивший там своих покойников, может быть, еще не знал употребления железа. Следовательно, эти могилы старше прочих» [Миллер, 1937, с. 522].

В 1-й половине XIX в. датские ученые К. Томсен и Е. Ворсо ввели так называемую «систему трех веков» – каменного, бронзового и железного – как особых ступеней в развитии культуры [Бочкарев, 2010].

* Исследование выполнено при поддержке грантов Благотворительного фонда В. Потанина (проекты ИГЭ-01/10 и ИГЭ-14/14).

С 1840 до 1910-х гг. тагарские курганы раскапывали М.А. Кастрен, В.В. Радлов, Д.А. Клеменц, И.П. Кузнецов-Красноярский, А.В. Адрианов, И.Т. Савенков и другие краеведы-исследователи.

На основании предшествующих исследований и на материалах своих раскопок многочисленных курганов Алтая, Казахстана, Минусинской котловины и других районов Южной Сибири В.В. Радлов в 1880-е гг. разделил памятники на четыре «культурные эпохи»: 1) медный или бронзовый период;

2) древнейший железный период;

3) новый железный период;

4) позднейший железный период [Радлов, 1896].

Эта периодизация В.В. Радлова оказала большое влияние на дальнейшее развитие сибирской археологии [Марсадолов, 1996; Тишкин, 2007].

Классификация и периодизация по материалу, замечательные по уровню обобщения и простоте, были весьма прогрессивны для XVIII–XIX вв., но, вероятно, они в основном применимы для выделения крупных периодов в ранней истории развития человечества.

2. Периодизации по культурам (стадиям или этапам) и первые абсолютные даты – 20–60-е гг. XX в.

В конце XIX – начале XX в. европейские археологи стали выделять «археологические культуры» (О. Монтелиус, П. Рейнике, Ж. Дешелетт, В. Городцов, А. Спицын и др.) [Клейн, 2014].

В 1920–1950-е гг. тагарские курганы раскапывали и изучали С.А. Теплоухов, С.И. Руденко, М.П. Грязнов, Г.П. Сосновский, С.В. Киселев, Л.А. Евтюхова, В.Г. Карцев, М.А. Дэвлет, С.В. Зотова, Ю.С. Гришин и другие археологи [Членова, 1967; Вадецкая, 1986; и др.].

С.А. Теплоухов в 1920-е гг. использовал новый методический подход – выбрал и раскопал ряд объектов разных хронологических периодов в одном микрорайоне у пос. Батени. Он создал «классификацию древних металлических культур Минусинского края» и выделил 14 хронологических групп археологических памятников, среди которых была минусинская курганная культура с четырьмя этапами [Теплоухов, 1929].

В 1928 г. С.В. Киселев предложил новое название для этой культуры – «тагарская», по месту основных раскопок курганов А.В. Адриановым на острове Тагарском на Енисее. Позднее, в 1949 г., в обобщающей монографии «Древняя история Южной Сибири» он уточнил даты трех стадий тагарской эпохи:

– I стадия (VII–V вв. до н.э.);

– II стадия (V–III вв. до н.э.), синхронная майэмирской культуре на Алтае;

– III переходная стадия (II–I вв. до н.э.) [Киселев, 1951].

В 1950–1960-е гг. М.П. Грязнов разработал более детальную классификацию памятников тагарской культуры, подразделив их на четыре этапа и дав им названия по памятникам, выделенным С.А. Теплоуховым:

1) баиновский (VII в. до н.э.);

2) подгорновский (VI–V вв. до н.э.);

3) сарагашенский (IV–III вв. до н.э.);

4) тесинский (II–I вв. до н.э.) [Грязнов, 1968].

В 1920–1970-е гг. были заложены основы современной периодизации и хронологии археологических культур Евразии и памятников древней Хакасии. Периодизация

по культурам, стадиям или этапам с относительными и абсолютными датами более удобна для детальной систематизации обширных археологических материалов.

3. Уточнение датировок памятников – 1970–2000-е гг.

В 1960–2000-е гг. памятники тагарской культуры изучали М.П. Грязнов, А.Н. Липский, Г.А. Максименков, А.И. Мартынов, Н.Л. Членова, Э.Б. Вадецкая, М.А. Дэвлет, Л.Р. Кызласов, А.Д. Грач, Я.А. Шер, М.Н. Пшеницына, М.П. Завитухина, Д.Г. Савинов, Б.Н. Пяткин, В.В. Бобров, Я.И. Сунчугашев, И.Л. Кызласов, Н.В. Леонтьев, Э.А. Севастьянова, О.Л. Пламеневская, В.М. Старушенко, Р.В. Николаев, Г.Н. Курочкин, Н.А. Бокоренко, М.Л. Подольский, А.С. Поляков, Н.Ю. Кузьмин, Е.Д. Паульс, С.Б. Гультов, В.Н. Седых, Л.С. Марсадолов, В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Ю.С. Худяков, Ю.А. Смирнов, А.В. Субботин, С.В. Красниенко, Е.Л. Кириллов, С.В. Александров, Ю.В. Тетерин, И.П. Лазаретов, Н.Н. Николаев, А.А. Ковалев, С.В. Хаврин, А.И. Готлиб, Г. Парцингер, А. Наглер, С.В. Морозов, О.С. Советова, Е.А. Миклашевич и многие другие археологи. Объем археологических источников по тагарской культуре к началу XXI в. – один из самых больших в Евразии: раскопано свыше 1 тыс. курганов, более 10 тыс. погребений, десятки поселений, сотни петроглифов, а в музеях хранится более 6 тыс. случайных находок [Вадецкая, 1986; Савинов, 2009; Субботин, 2001; Советова, 2005; и др.].

В связи с раскопками в 1971–1974 гг. огромного кургана Аржан-1 в Туве неоднократно ставился вопрос об удревнении дат памятников баиновского и подгорновского этапов тагарской культуры до VIII в. до н.э. (работы М.П. Грязнова, Г.Н. Курочкина, Н.А. Бокоренко, Л.С. Марсадолова, Д.Г. Савинова, А.В. Субботина, И.П. Лазаретова, К.В. Чугунова и др.), хотя ряд археологов придерживались прежних дат (Н.Л. Членова, Э.Б. Вадецкая и др.).

В работе 1980 г. М.П. Грязнов [1980, с. 4], учитывая материалы из кургана Аржан-1 в Туве и новых тагарских памятников, удревнил дату баиновского этапа до VIII в. до н.э. и выделил еще три дополнительных переходных этапа:

- 1) черновский – около VII в. до н.э.;
- 2) биджинский – около V в. до н.э.;
- 3) лепешкинский – около III в. до н.э.

Итоги изучения культур эпохи бронзы, тагарской и таштыкской подведены в монографии Э.Б. Вадецкой [1986], которая даты тагарских памятников оставила в соответствии с этапами М.П. Грязнова, выделенными в 1960-е гг.

А.И. Мартынов [1979] в 1970-е гг. систематизировал материалы из лесостепного района тагарской культуры и выделил ряд хронологических этапов:

- большепичугинский (VI–V вв. до н.э.);
- тисульский (V–IV вв. до н.э.);
- назаровский (III вв. до н.э.);
- шестаковский послетагарского времени (II–I вв. до н.э.).

А.В. Субботин [2001] статистически обобщил материалы из могильников и выделил *ранний* (конец VIII – VI в. до н.э.), *развитый* (V–III вв. до н.э.) и *поздний* (конец II – I в. до н.э.) этапы в развитии тагарской культуры.

Большую работу по систематизации археологических памятников и культур Сибири и Центральной Азии (от афанасьевских до позднесредневековых) выполнил Д.Г. Савинов. В своих статьях и монографиях он попытался синхронизировать археологические культуры с данными письменных источников [Савинов, 2002, 2009, 2012 и др.].

Начиная с 1960-х гг. в Южной Сибири все активнее стали использовать радиоуглеродное и дендрохронологическое датирование объектов от афанасьевской до средневековых культур (работы С.В. Бутомо, С.И. Руденко, И.М. Замоторина, М.П. Грязнова, Л.С. Марсадолова, Ю.Н. Маркова, Г.И. Зайцевой, Н.А. Боковенко, Л.А. Орловой, В.И. Молодина, Л.М. Лебедевой, С.С. Васильева, А.А. Семенцова, В.И. Дергачева, И. Плихта, А.Ю. Алексеева, К.В. Чугунова, И.П. Лазаретова, А.А. Тишкина, А.А. Ковалева, А.В. Полякова, С.В. Святко и др.) [Ермолова, Марков, 1983; Марсадолов, 1985, 1997б, 2000, 2012; Евразия..., 2005; Тишкин, 2007; Поляков, Святко, 2009; и др.].

На основе новых радиоуглеродных определений, наблюдений над особенностями погребального обряда и синхронизации с памятниками Тувы (Аржан-1 и 2) Н.А. Боковенко [2011, с. 312] предложил новые даты для трех этапов тагарской культуры:

- баиновский – конец X – IX в. до н.э.;
- подгорновский – VIII–VII вв. до н.э.;
- сарагашенский – VII–III вв. до н.э.;
- тесинский – II в. до н.э. – I в. н.э.

В целом за последние 40 лет произошло удревление датировок археологических культур Хакасии, уточнены даты ряда объектов, детально изучены наскальные изображения разных эпох. Но археологи-«классики» оставили в «наследство» другим археологам свои труднопреодолимые и на современном этапе дискуссионные хронологические разногласия в 100–200 и более лет, особенно для ранних объектов тагарской культуры.

Новые датировки ранних тагарских памятников

На современном этапе научного изучения археологи все чаще начинают путаться в отнесении конкретных тагарских памятников VIII–IV вв. до н.э. и особенно отдельных ранних курганов к баиновскому или черновскому, или подгорновскому, биджинскому или сарагашенскому этапам. Появились даже «новые перекрестные даты» старых хронологических этапов, например: подгорновский – VIII–VI вв. до н.э., а сарагашенский – VII–III вв. до н.э. и т.п.

Огромный массив археологических источников предполагает уточнение датировок раскопанных памятников и объектов, новые более детальные современные подходы к их хронологии.

Радиоуглеродное и дендрохронологическое датирование. В последние годы некоторые археологи отдали предпочтение в решении хронологических вопросов радиоуглеродному методу и приводят в своих работах иногда только радиоуглеродные датировки. Большое доверие археологов к естественно-научным методам сделало их отчасти «заложниками» радиоуглеродного датирования образцов, хотя у радиоуглеродных определений есть много своих «подводных камней» (см.: [Клейн, 2014, с. 276–308]). Если ранее радиоуглеродные даты (с 1-й или 2-й сигмами) имели один более или менее «широкий» временной интервал, то ныне радиоуглеродчики выдают археологам радиоуглеродные определения с 4–8 и более «доверительными» интервалами по 100–300 лет, охватывающие период в 300–500 лет, из которого археологи иногда выбирают даты, наиболее подходящие их научным взглядам, хотя ныне археологическими методами можно датировать объекты значительно точнее, затратив на это небольшое количество времени.

Древесина из Большого Салбыкского кургана (далее – БСК) сохранилось достаточно хорошо, хотя курган был ограблен еще в древности. Один образец в середине 1970-х гг. был передан на радиоуглеродное определение М.П. Грязновым, Ю.Н. Марковым и Н.М. Ермоловой (табл. 1, №1) [Ермолова, Марков, 1983]. Еще два образца были взяты от бревна, найденного в 1992 г. экспедицией Л.С. Марсадолова (табл. 1, №2–3). Внешние слои бревен не всегда хорошо сохраняются и не прослеживаются достаточно четко на взятых образцах. Поэтому на радиоуглеродное датирование в ИИМК РАН автором были отданы образцы не только последних годовичных колец (№3), но и из средней части бревна (№2).

Все полученные радиоуглеродные даты для БСК хорошо коррелируют друг с другом. Как известно, радиоуглеродные определения отражают не только дату сооружения кургана, но и возрастные периоды дерева и сложную физико-математическую обработку взятых образцов.

Согласно вышеуказанным радиоуглеродным определениям интервалы калиброванного календарного возраста для БСК выпадают на две основные радиоуглеродные даты – VII в. (764–622 гг.) или V в. (452–414 гг.) до н.э. Так как большинство археологов этот курган относили к сарагашенскому времени, нами ранее также была выбрана поздняя радиоуглеродная дата – V в. до н.э. (табл. 3). Ранняя радиоуглеродная дата (2-я половина VIII – 1-я половина VII в. до н.э.) может рассматриваться как один из вероятных временных радиоуглеродных интервалов (табл. 1).

Таблица 1

Радиоуглеродные даты для памятников по археологическим аналогиям, близким к Большому Салбыкскому кургану (БСК)

№ п/п	Лаборат. № (ИИМК РАН)	¹⁴ C дата (лет тому назад) [BP]	Интервалы калиброванного календарного возраста (лет до н.э.) [cal. BC]		Археологическая дата сооружения объекта, века до н.э. (автор, год)
			1d	2d	
Большой Салбыкский курган (раскопан экспедицией С.В. Киселева в 1954–1956 гг.)					
1	Ле-1192	2410±60	754–698 532–398	764–622 602–388	Ранее – <i>разные даты</i> (см. табл. 3)
2	Ле-4771 (из средней части бревна)	2490±40	764–752; 730–710 708–618 606–528	778–478 452–414	Комплексная: 1-я пол. VII в. до н.э. (по: [Марсадолов Л.С., 2014]; см. рис. 1.-43)
3	Ле-5145 (последние г.к.)	2460±40	760–680; 656–638 548–476 456–414	764–622 602–408	
Памятники, близкие по времени к БСК (Кобяк, Тигей, Сарагаш, Медведка, Аржан-2)					
Кобяк, курган №5, могила 1 (раскопки Н.А. Боковенко и Ю.А. Смирнова в 1992 г.)					
4	Ле-5134b (18 г.к. из центра)	2840±30	1040–920	1130–900	<i>C-14</i> : кон. X – кон. IX в. Арх.: VI в.
5	Ле-5134a (20 г.к. из серед.)	2790±35	1000–895	1010–830	Итог – кон. IX – нач. VIII в. (по Н.А. Боковенко)
6	Ле-5191 (последние г.к.)	2640±25	819–799	832–792	4-я четв. VIII – 1-я четв. VII в. (по Л.С. Марсадолову; см. рис. 1.-36)

№ п/п	Лаборат. № (ИИМК РАН)	¹⁴ C дата (лет тому назад) [BP]	Интервалы калиброванно-го календарного возраста (лет до н.э.) [cal. BC]		Археологическая дата сооружения объекта, века до н.э. (автор, год)
			1d	2d	
Кобяк, курган №5, могила 2					
7	Ле-5190	2470±30	770–430	770–410	Итог – VIII–V вв. (по Н.А. Боковенко)
					Комплексная: 1-я пол. VII в. (по Л.С. Марсадолу; см. рис. 16.-37)
Тигей (раскопки В.Н. Седых в 1980 г.)					
8	Ле-1880	2330±40	800–700 480–350 280–260	800–700 550–200	1-я пол. VII в. до н.э. (по: [Седых В.Н., Марсадолу Л.С., 2009, с. 109])
Новомихайловка, курган №1, мог. 3 (раскопки Н.Ю. Кузьмина в 1985 г.)					
9	Ле-4321	2350±50	520–360 270–260	800–530 300–200	III в. до н.э. (по Н.Ю. Кузьмину)
					VII в. до н.э. (по Л.С. Марсадолу; см. рис. 1.-54)
Сарагашенское озеро (раскопки С.А. Теплоухова в 1923 г.)					
10	мог. 13	UBA-7941	2562±39	810–544	Не позднее VI в. [С.А. Теплоухов, 1929]; IV–III вв. до н.э. (по М.П. Грязнову и М.Н. Пшеницкой)
11	мог. 14	UBA-7940	2510±53	796–417	
12	к. 1, м. 9	UBA-8790	2502±21	775–539	
13	к. 1, м. 9	UBA-7943	2421±45	753–399	
14	мог. 8	UBA-7497	2486±38	775–416	Компл. м-ка: VII–VI вв. (по Л.С. Марсадолу; см. рис. 1.-57)
Медведка-2, курганы №1–3 (раскопки Н.А. Боковенко и С.В. Красниенко в 1981 г.)					
15	к. 2, м. 1	Ле-2189	2690±40	900–800	С-14: VIII–V вв. Арх.: IV–III вв. Итог – IV в. до н.э. (по Н.А. Боковенко)
16	к. 2, м. 1	Ле-2190	2490±40	770–520	
17	к. 2, м. 2	Ле-2191	2470±40	770–430	Компл. м-ка: VII–VI вв. (по Л.С. Марсадолу; см. рис. 1.-56, 60)
18	к. 2, м. 2	Ле-2193	2470±40	770–430	
19	к. 3, м. 1	Ле-2196	2490±40	770–520	
Курган Аржан-2 в Туве (раскопки К.В. Чугунова, Г. Парцингера, А. Наглера)					
20	Ле-6260	2635±60	0–20 год. кольца		Комбинированная: 2-я пол. VII в. до н.э. [Евразия, 2005, с. 85]
21	Ле-6261	2444±50	21–30 год. кольца		
22	Ле-6567	2458±20	101–110 г. к. (из 150 г.к.)		
23	Ле-6568	2377±16	111–120 г.к.		
24	Ле-6569	2374±16	121–130 г.к.		
25	Ле-6570	2408±20	131–140 г.к.		
26	Ле-6571	2401±15	141–150 г.к. (последние)		
Памятники предшествующие БСК – Казановка-3 и Гришкин Лог-1					
Казановка-3, курган №2 (раскопки Н.А. Боковенко в 1994 г.)					
27	Ле-5391	2620±40	828–788	900–590	IX – нач. VIII в. (по Н.А. Боковенко);
28	Ле-5393	2820±100	1130–830	1260–800	2-я пол. VIII в. до н.э. (по Л.С. Марсадолу; см. рис. 1.-24)
Гришкин Лог-1, курганы №1 и 2 (раскопки С.А. Теплоухова в 1923 г.)					
29	к. 1, м. 17	UBA-7960	2539±24	796–551	VI в. до н.э. (по Г.А. Максименкову);
30	к. 2, м. 18	UBA-7935	2653±49	917–767	VIII в. до н.э. (по Л.С. Марсадолу)

Календарная дата теоретически должна совпадать с «идеальной» радиоуглеродной датой, например: 1010 г. до н.э. + 1950 г. н.э. = 2960 лет – радиоуглеродный возраст (табл. 2, колонки 1 и 4). Реальные измерения участков годичных колец по 20 лет при радиоуглеродном датировании, проведенные в разных лабораториях для создания многовековой радиоуглеродной калибровочной шкалы, показали довольно большие расхождения между полученными радиоуглеродными и календарными датами (табл. 2, колонки 2–3 и 4). Разница между «идеальной» датой (4) и реальными радиоуглеродными определениями (2–3) на разных участках может колебаться в интервале от 5 до 250 лет (табл. 2), что необходимо учитывать при общей археологической датировке отдельных объектов.

Таблица 2

Попытка объяснения расхождения между радиоуглеродными и археологическими датировками

1986 г.		1993 г.	«Идеальная» дата для С-14 (4)	Разница лет между (2–3) и (4)	Интерпретации датировок	
Годы до н.э. (1)	С-14 дата (2*)	С-14 дата (3*)			Особенности интервала дат по С-14	Археологические даты курганов
-1010	2854	2871	2960	-106 -89	«Аржанский максимум» 950–830 гг. до н.э. (С-14: 2900–2750 – стабильность радиоуглеродных датировок). «Аржанский минимум» 830–690 гг. до н.э. – резкое «омоложение» радиоуглеродных дат. 750–400 гг. до н.э. «Гальштатское плато» – ок. 360 л. (С-14: 2450–2410; даты близки между собой по цифровому значению). 670–410 гг. до н.э. (С-14: 2500–2400) «Туэктинское постоянство» радиоуглеродных дат (близкое соответствие «идеальным» датам по С-14)	Дата кургана Аржан-1
-990	2815	2833	2940	-125 -107		
-970	2794	2815	2920	-126 -105		
-950	2816	2837	2900	-84 -63		
-930	2797	2815	2880	-83 -65		
-910	2761	2779	2860	-99 -81		
-890	2715	2733	2840	-125 -107		
-870	2728	2750	2820	-92 -70		
-850	2725	2743	2800	-75 -57		
-830	2683	2707	2780	-97 -73		
-810	2644	2662	2760	-116 -98		
-790	2545	2568	2740	-195 -172		
-770	2521	2538	2720	-199 -182		
-750	2442	2459	2700	-258 -241		
-730	2442	2464	2680	-238 -216		
-710	2449	2464	2660	-211 -196		
-690	2468	2475	2640	-172 -165		
-670	2505	2503	2620	-115 -11		
-650	2468	2490	2600	-132 -110		
-630	2488	2501	2580	-92 -79		
-610	2502	2519	2560	-58 -41		
-590	2478	2498	2540	-62 -42		
-570	2489	2505	2520	-31 -15		
-550	2480	2495	2500	-20 -5		
-530	2450	2466	2480	-30 -14		
-510	2422	2438	2460	-38 -22		
-490	2422	2437	2440	-18 -3		
-470	2415	2424	2420	-5 -4		
-450	2413	2430	2400	-13 -30		
-430	2424	2443	2380	-63 -44		
-410	2411	2416	2360	-51 -56		
-390	2286	2313	2340	-54 -27		

* 2 и 3 – радиоуглеродные даты участков годичных колец по 20 лет для калибровочных шкал, полученные разными радиоуглеродными лабораториями в 1986 и 1993 гг.

Общей калибровочной кривой, основанной на радиоуглеродных датировках определенных участков годовых колец, как и многим природным явлениям, присуща своя ритмичность [Марсадолов, 1988, 1997б, с. 48, рис. 1; 2012; Ловелиус и др., 1996; Евразия..., 2005, с. 28, рис. 1.3; и др.]. В природе нет «идеальных» периодов и ритмов, так как существует многократное наложение друг на друга разных по своему значению, мощности и происхождению биологических, солнечных, космических, региональных и иных ритмов.

Большинству археологов знакомо введенное западно-европейскими учеными радиоуглеродное определение для периода VIII–V вв. до н.э. – «галыштатское плато», когда радиоуглеродные даты близки между собой по цифровому значению в течение длительного временного интервала. На самом деле этому радиоуглеродному подпериоду (C-14: 2450–2410), по дендро- и радиоуглеродным данным, соответствует участок радиоуглеродной кривой, на котором выделяются не менее 4–5 крупных пиков максимумов/минимумов или 9–10 более мелких пиков, входящих в состав этих более крупных ритмов [Марсадолов, 1988; 1997б, с. 48, рис. 1].

Внутри временного периода с 1010 по 390 г. до н.э. с учетом ранее полученных дендро- и радиоуглеродных датировок для археологических памятников Саяно-Алтая можно выделить ряд основных подпериодов расхождения или сходства между калибровочными радиоуглеродными датировками и «идеальными» радиоуглеродными датами (табл. 2):

- **950–830 гг. до н.э.** – «аржанский максимум» (C-14: 2900–2750), «стабильность» радиоуглеродных датировок, что относительно близко соответствует «идеальным» радиоуглеродным датам;
- **830–690 гг. до н.э.** – «аржанский минимум», резкое «омоложение» радиоуглеродных дат (особенно с 830 по 750 г. до н.э.), что, вероятно, связано с общим ухудшением в это время природных условий на территории Евразии;
- **830–730 гг. до н.э.** – «пограничье между аржанскими максимумом и минимумом», подпериод, особо трудный для радиоуглеродно-археологической интерпретации датировок объектов, когда радиоуглеродные определения легко можно сдвинуть в сторону удревнения или омоложения абсолютных дат;
- **670–410 гг. до н.э.** – «туэктинское постоянство радиоуглеродных дат» (C-14: 2500–2400), близкое соответствие «идеальным» радиоуглеродным датам, поэтому полученные радиоуглеродные определения можно легко переставить на любой временной участок с радиоуглеродной вероятностью 95% (фрагмент участка «галыштатского плато»).

К сожалению, при интерпретации радиоуглеродных датировок ряд археологов не учитывают две основные тенденции для временного интервала X–VII вв. до н.э. (табл. 2), названные мною «аржанскими максимумом и минимумом». Во время «аржанского минимума» наблюдается резкое «омоложение» радиоуглеродных дат, что не всегда правильно интерпретируется археологами. Например, Н.Л. Членова на основании археологических аналогий и с опорой на некалиброванные радиоуглеродные определения (в пределах $2620-2600 \pm 40$ лет) считала, что эти радиоуглеродные даты примерно соответствуют 710–630 гг. до н.э., поэтому курган Аржан-1 она датировала VII–VI вв. до н.э. [Членова, 1997, с. 37]. Использование Н.Л. Членовой некалиб-

рованных радиоуглеродных дат для кургана Аржан-1 сразу же вызвало возражение у Санкт-Петербургской группы археологов и радиоуглеродчиков (у Л.С. Марсадолова, А.Ю. Алексева, Н.А. Боковенко, Г.И. Зайцевой, А.А. Семенцова, В.А. Дергачева и др.), которые отметили, что соответствующие им значения календарного возраста лежат на рубеже IX–VIII вв. до н.э. и не противоречат ранее полученным в Санкт-Петербурге радиоуглеродным датам для кургана Аржан-1 (см. табл. 2, в пределах 810–790 гг. до н.э.) [Марсадолов, 1997б, с. 40, 47, а также с. 79, 86].

Почти все археологи в экспедиционных условиях сталкивались с проблемой сохранности *последних годовичных колец деревянных объектов* (срубов, построек и т.п.), которые обычно сохраняются чрезвычайно плохо, даже в Южной Сибири. Во многих случаях очень тонкие по размерам последние 20–50 годовичных колец (иногда толщиной всего 1–2 см) на археологических объектах не сохраняются или рассыпаются при перевозке. Отсутствие части таких годовичных колец, как и использование в древности для сруба бревен из более старых сооружений или сухостойных поваленных деревьев из леса, может привести к искажению радиоуглеродной даты образца и общей датировки археологического объекта [Марсадолов, 1988]. Например, бревно диаметром 15–20 см может включать в себя 150–200 и более годовичных колец. Разброс радиоуглеродных определений с **950 по 750 г. до н.э.** (всего за 200 лет) охватывает радиоуглеродный интервал с 2840 по 2440, т.е. **почти 400 лет** (табл. 2). Не исключено, что именно из-за таких непростых природных явлений или недостаточно точно зафиксированного положения годовичных колец при отборе образцов на радиоуглеродное определение ранее были излишне «удревнены» археологические датировки для ряда тагарских памятников (табл. 1; рис. 1): могильник Кобяк, к. 5, м. 1; Казановка-3, к. 2; Шаман Гора, к. 1; Тигир-Тайджен-4 и др. Поэтому результаты радиоуглеродных определений с **830 по 730 г. до н.э.** («**пограничье между аржанскими максимумом и минимумом**») нуждаются в особом пристальном рассмотрении при радиоуглеродном датировании и должны проверяться близкими по времени археологическими аналогиями.

Полученные автором в середине 1990-х гг. дендрошкалы для БСК долгое время оставались «плавающими» во времени. После публикации дендрографиков из большого кургана Аржан-2 в Туве [Мыглан, Слюсаренко, Ойдупаа, Гаркуша, 2006; Neufner, Sljusarenko, 2010] появилась возможность его сопоставления с БСК. Дендрошкалы БСК и Аржана-2 совпали на участке протяженностью в 150 лет, а синхронизация дендрографиков из двух соседних регионов показала, что **Большой Салбыкский курган на 35 лет старше кургана Аржан-2**. Радиоуглеродные определения близких по времени участков древесины из этих курганов (Ле-5145 и Ле-6568) также синхронны между собой – около 2460±40 (табл. 1).

Археологическое датирование. В последние годы стало возможным вновь на новом уровне обобщений вернуться к рассмотрению археологической даты БСК в связи с публикациями материалов из курганов VIII–VI вв. до н.э. с территории древней Хакасии.

Археологи датируют Большой Салбыкский курган по-разному. Большинство исследователей относит этот курган к V–IV или IV–III вв. до н.э., иногда даже к I в. до н.э. – I в. н.э., но в последнее десятилетие все чаще БСК датируют VII–VI вв. до н.э. (табл. 3).

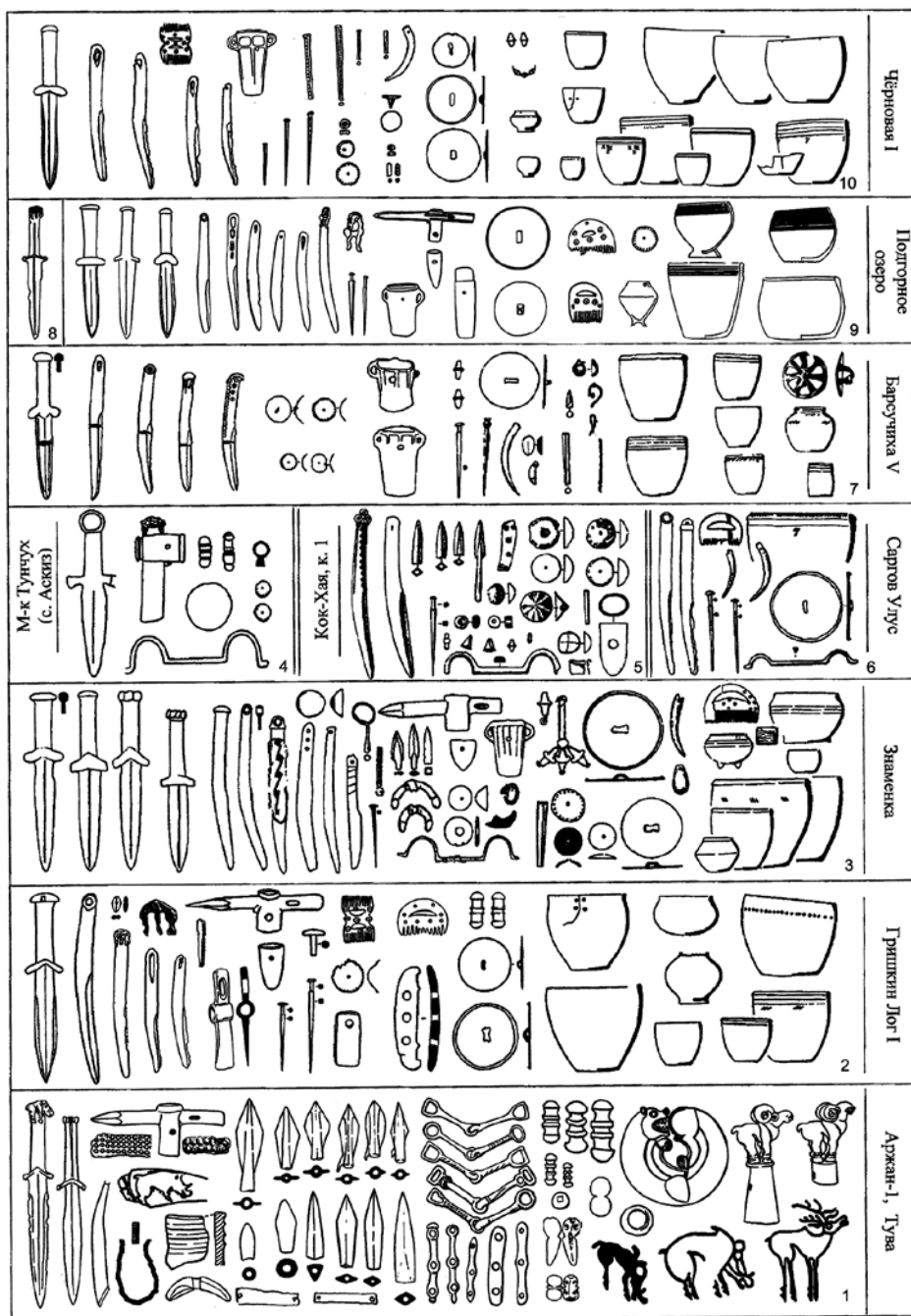

Рис. 1.1. Сопоставление предметов из археологических памятников VIII в. до н.э. из Тувы (1) и Хакасии (2–10, 8 – отдельная находка). Масштабы разные (по материалам М.П. Грязнова, М.Х. Маннай-оола (1); Г.А. Максименкова (2, 9–10); М.Л. Подольского (3); Э.А. Севастьяновой (4); Д.Г. Савинова (5); А.В. Адрианова (6); М.П. Завитухиной (7, 8). Составитель – Л.С. Марсадалов)

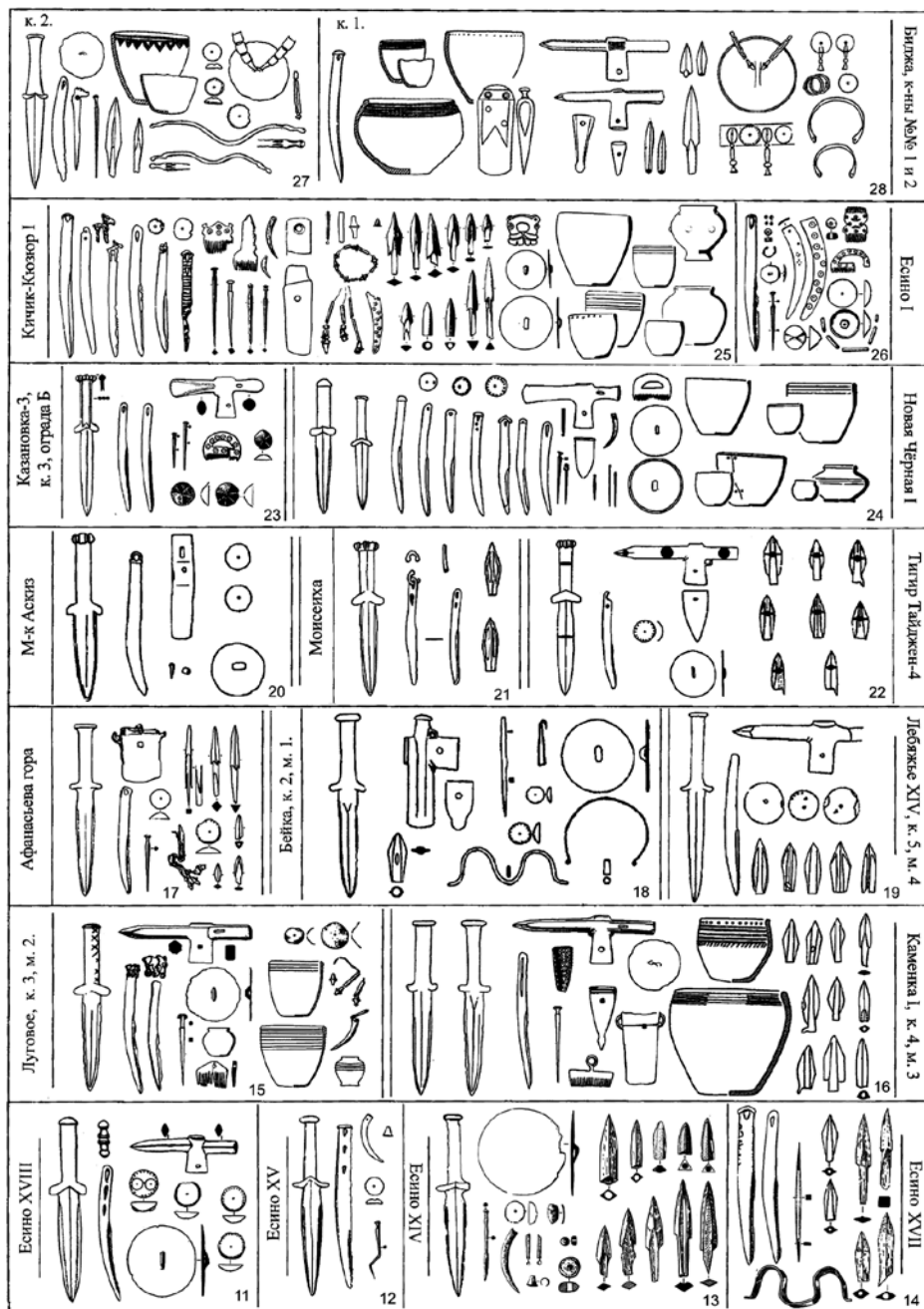

Рис. 1.2. Сопоставление предметов VIII в. до н.э. из археологических памятников тагарской культуры. Масштабы разные (по материалам Д.Г. Савинова (11–14, 26); С.В. Александрова, Е.Д. Паульса (15); Я.А. Шера (16); М.Н. Пиеницыной (17); М.Л. Подольского (18, 22); О.Л. Пламеневской (19); Э.А. Севастьяновой (20); В.М. Старушенко (21); Н.А. Боковенко (23); Г.А. Максименкова (24); М.П. Завитухиной (25); А.Н. Липского (27–28). Составитель – Л.С. Марсадилов)

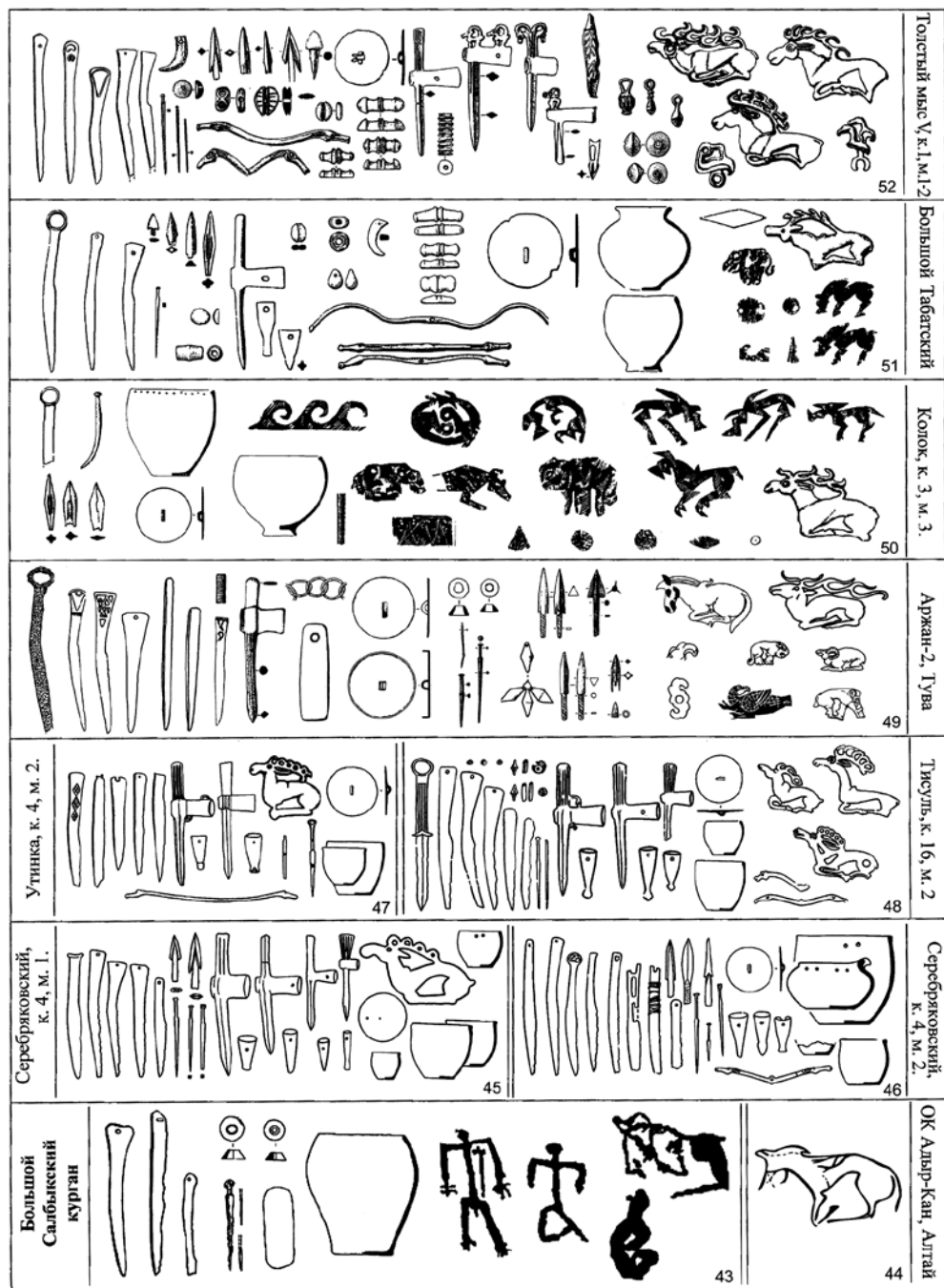

Рис. 1.4. Сопоставление предметов VII в. до н.э. из археологических памятников тагарской культуры, Алтай (44) и Тувы (49). Масштабы разные (по материалам С.В. Киселева (43); Л.С. Марсадолова (43–44); А.И. Мартынова (45–46, 48); В.В. Боброва (45–47); К.В. Чугунова, Г. Парцингера, А. Наглера (49); А.С. Полякова (50); М.Н. Пшеницыной (51); Г.Н. Курочкина (52). Составитель – Л.С. Марсадолов)

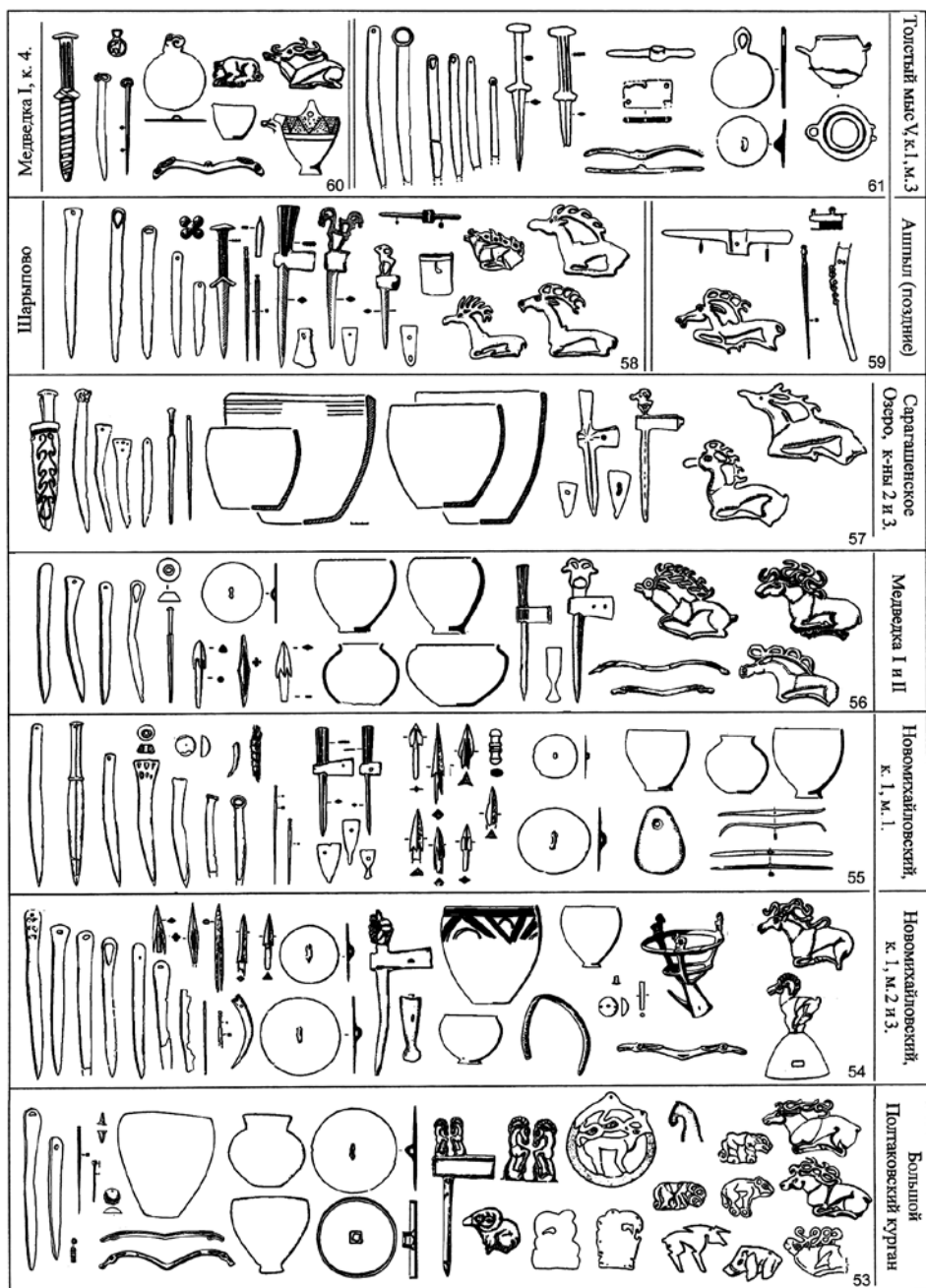

Рис. 1.5. Сопоставление предметов из археологических памятников тагарской культуры VII в. до н.э. (53–58) и VI в. до н.э. (58–61). Масштабы разные (по материалам Г.Н. Курочкина (53, 61); Н.Ю. Кузьмина (54–55); Н.А. Боковенко, В.И. Седых, С.В. Красниенко (56; 60); Д.Г. Савинова, В.И. Молодина, Н.В. Полосьмак (56); М.П. Грязнова, М.Н. Пшеницыной (57); Е.Л. Кириллова (58); С.Б. Гультова (59). Составитель – Л.С. Марсаолов)

Таблица 3

Датирование Большого Салбыкского кургана по данным разных авторов

Автор, год публикации	Метод и основа датировки	Этап	Дата (до н.э.)
С.В. Киселев [1951] (до раскопок)	археологические аналогии	вторая тагарская стадия	
С.В. Киселев, 1956 (в ходе раскопок, отчет, надпись на плите)	археологические аналогии	тагарская культура	III в.
М.П. Грязнов [1968, с. 190–191]	археологические аналогии	сарагашенский	IV–III вв.
Н.Л. Членова [1992, с. 212]	бронзовый нож с трапецевидной ручкой		V–IV вв.
Э.Б. Вадецкая [1994, с. 66]	археологические аналогии с тесинскими памятниками (ограда, нож и др.)	тесинский	не ранее II в. до н.э. и не позже I в. н.э.
Л.С. Марсадалов [1995, с. 8]	археологические аналогии	сарагашенский	V–IV вв.
Л.С. Марсадалов [1997в, с. 11]	археологические аналогии + радиоуглеродные даты		V в.
Евразия... [2005, с. 175]	радиоуглеродное датирование	сарагашенский	не позже V в. или раньше
Н.Ю. Кузьмин [2008, с. 190; 2011, с. 70]	археологические аналогии	рубеж скифского и хуннского времени	2-я половина III в.
А.Г. Акулов и Е.Д. Паульс [2008, с. 8]	тагарская курганная архитектура	Ступень С, фаза С2	VII–VI вв.
Л.С. Марсадалов [2010, с. 37]	радиоуглеродные даты	сарагашенский	1-я половина V в.
Л.С. Марсадалов [2014]	дендрохронология	БСК на 35 лет старше кургана Аржан-2 в Туве	
Л.С. Марсадалов [2014]	комплексный подход	салбыкский	1-я половина VII в.
Даты 4 малых курганов около БСК (раскопаны экспедицией С.В. Киселева в 1955 г.)			
Н.Л. Членова [1972, с. 126–129, 107–109]	археологические аналогии (переходная карасук-тагарская группа)	подкунинско-кокоревская группа	VIII–VII вв. или VIII–VI вв.
Л.С. Марсадалов [2010, с. 11]	тагарское время		
Л.С. Марсадалов [2014]	комплексный подход	салбыкский	1-я половина VII в.
Л.С. Марсадалов, 2015 (в печати)	комплексный подход	салбыкский	4-я четверть VIII в. – 1-я четверть VII в.

Из данных таблицы 3 можно отметить интересные тенденции при датировании разными археологами. Если археолог в основном изучает ранние памятники, то дата для Большого Салбыкского кургана *удревняется* (Е.Д. Паульс; А.Г. Акулов), а если более поздние курганы таштыкской или тесинской культур – датировка *омолаживается* (Э.Б. Вадецкая, Н.Ю. Кузьмин), хотя в целом в последние десятилетия наблюдается тенденция к удревнению дат подгорновского и сарагашенского этапов [Грязнов, 1980; Евразия, 2005; Лазаретов, 2007; Савинов, 2012; Чугунов, 2013 и др.].

Экспедиция С.В. Киселева обнаружила в срубе БСК обломки глиняного сосуда баночной формы большого размера (рис. 1.-43). На дне ямы, у середины западной стены сруба, найден небольшой бронзовый нож. В середине южной стены ограды, возле костра, разведенного у самых ее плит, обнаружены остатки берестяной сумочки, в которой находились бронзовые шилья с выделенной головкой, костяные проколки, бронзовая и костяная иглы. Среди плиток накладки северной части восточной стены

ограды найден большой погнутый бронзовый нож с округлым отверстием на расширяющейся кверху «трапецевидной» рукояти. Около пояса погребенного в дромосе человека были зафиксированы две бронзовые обоймы и нож [Марсадолов, 2010].

Материалы из четырех малых курганов в Салбыке, раскопанных экспедицией С.В. Киселева, отрядом С.В. Зотовой в 1955 г. (рис. 1.-32), Н.Л. Членова [1972] отнесла к переходной карасук-тагарской (подкунинско-кокоревской) группе и датировала VIII–VII или VIII–VI вв. до н.э., а БСК – V–IV вв. до н.э. (табл. 3). Предложенный большой хронологический разрыв в датах надолго задержал синхронизацию малых и большого курганов в Салбыке как *единого комплекса близких по времени объектов*.

Конструкция каменных оград большого и малых курганов в Салбыке, формы глиняных сосудов, бронзовых ножей, костяных гребней и другие признаки свидетельствуют об их временной близости в пределах полувека; о хронологическом сходстве их материалов, с одной стороны, с поздними курганами в могильниках Есино, Джосос, Кобяк (к. 5, м. 2), а, с другой – с ранними курганами из Турана, Серебряково, Тисуль, Утинки и др. (см. рис. 1).

Следует особо отметить, с одной стороны, близость изображений оленей и свернувшегося хищника из Чиликты-5 (Казахстан) и образов из курганов могильника Туран-II (к. 3, м. 2 и к. 5, м. 2), а с другой стороны, бронзовых ножей с трапецевидной рукоятью и шильев из тех же комплексов в Туране-II с близкими предметами из Большого Салбыкского кургана, где на внутренней стороне одной из плит каменной ограды также был зафиксирован наскальный рисунок в виде свернувшегося хищника с поднятой вверх головой (рис. 1.-39–40, 43; рис. 2). Вероятно, курган Чиликта-5 был сооружен ранее БСК, но разница во времени между ними – менее полстолетия.

Только сами археологи, заинтересованные в создании надежных хронологических шкал, смогут разобраться в вопросах датирования археологических памятников. Комплексный анализ независимых результатов позволяет определить «узкий» доверительный интервал для каждого кургана. На конференции, посвященной 100-летию М.П. Грязнова, в заключительной дискуссии Л.Р. Кызласов правильно отметил, что **археология – такая же точная наука, как и другие естественно-научные отрасли**. Следует добавить, что археологи все же пока еще недостаточно используют свои традиционные многочисленные методы и подходы для абсолютного и относительного датирования археологических памятников и объектов.

Хронологическими «опорными точками» для датирования и синхронизации материалов из раннетагарских памятников могут служить неоднократно проверенные разными методами даты для эталонных больших курганов соседних регионов и Хакасии:

- Аржан-1 в Туве – конец IX – 1-я половина VIII в. до н.э. [Грязнов, 1980; Марсадолов, 1985; 2000; 2004; Евразия..., 2005 и др.];
- Чиликта-5 в Казахстане – 4-я четверть VIII – 1-я четверть VII в. до н.э. [Черников, 1965; Марсадолов, 2000];
- Большой Салбыкский курган в Хакасии – 1-я половина VII в. до н.э. [Марсадолов, 2014; Акулов, Паульс, 2008];
- Аржан-2 в Туве – 2-я половина VII в. до н.э. [Евразия..., 2005; Cugunov, Parzinger, Nagler, 2010];
- Большой Полтаковский курган – 2-я половина VII в. до н.э. (рис. 1.-53) [Курочкин, 1993; Марсадолов, 2014] и другие археологические памятники (см. рис. 1).

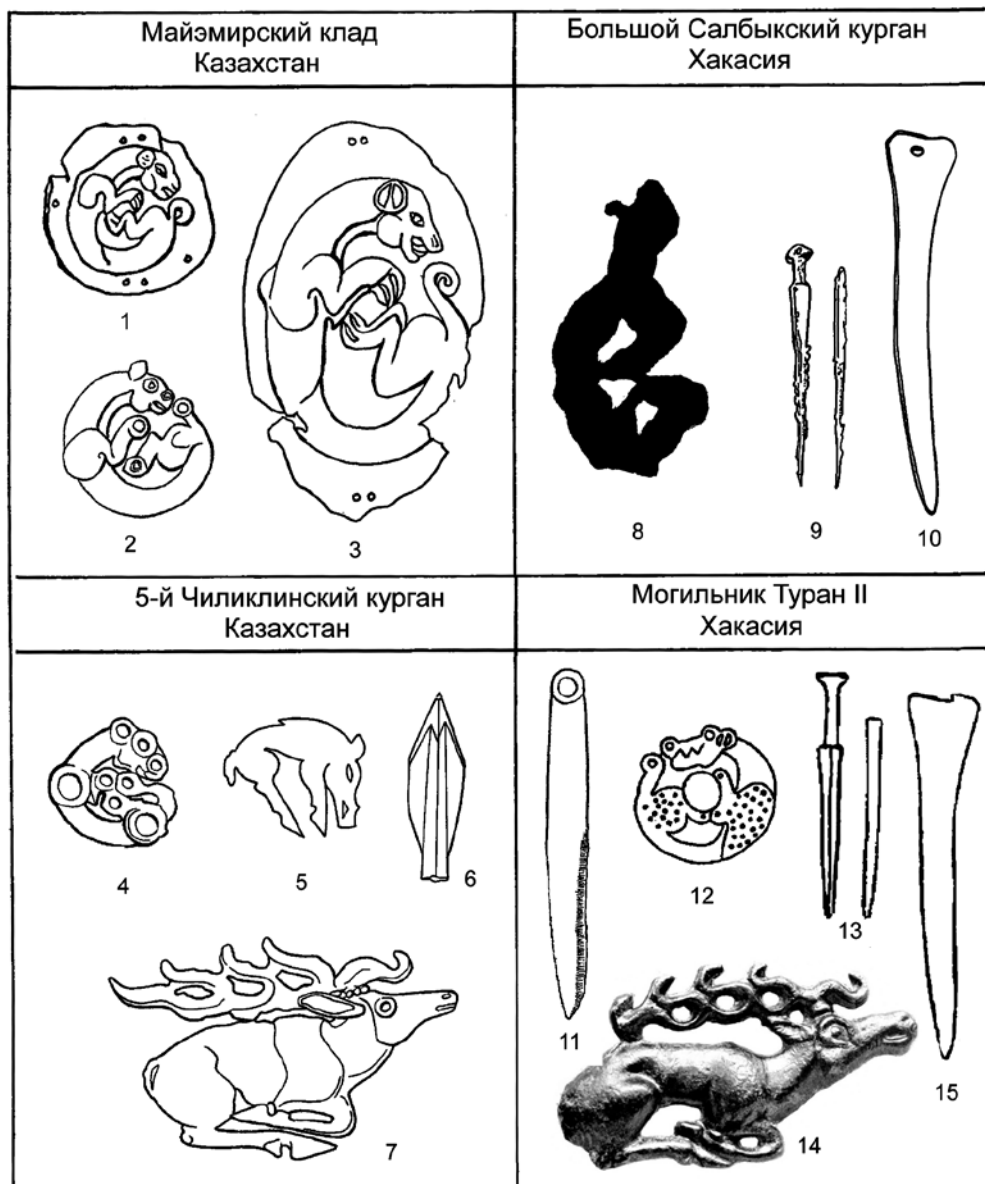

Рис. 2. Сопоставление предметов из археологических памятников

Казахстана и Хакасии 2-й половины VIII – 1-й половины VII вв. до н.э. Масштабы разные. *Памятники:* 1–3 – Майэмирский клад (2-я половина VIII в. до н.э.); 4–7 – курган Чиликта-5 (4-я четверть VIII – 1-я четверть VII в. до н.э.); 8–10 – Большой Салбыкский курган (1-я половина VII в. до н.э.); 11–15 – могильник Туран II (11–15) (1-я половина VII в. до н.э.) [11 – к. 5, м. 1; 12 – к. 5, м. 2; 13–15 – к. 3, м. 2]. *Функция предмета:* 1–5, 7, 12, 14 – бляшки; 6 – наконечник стрелы; 8 – наскальный рисунок; 9, 13 – шилья, проколки; 10–11, 15 – ножи. *Материал:* 1–5, 7 – золото; 6, 9–11, 13–15 – бронза; 8 – камень; 12 – рог? (по публикациям Л.Л. Барковой (1–3); С.С. Черникова (4–7); С.В. Киселева и Л.С. Марсадолова (8–10), из раскопок А.Д. Грача (11–15). Составитель – Л.С. Марсадолов)

По близким формам бронзовых кинжалов, ножей, шильев, костяных гребней, наконечников стрел, глиняных сосудов, украшений и изобразительным образам с учетом вышеуказанных «опорных точек» можно наметить абсолютные даты для ранних тагарских памятников, данных ниже в их относительной хронологической последовательности (см. рис. 1.1–5):

VIII в. до н.э. – Гришкин Лог I, к. 16, м. 5 [Максименков, 2003]; Знаменка, к. 8, м. 3, к. 19 [Podols'kij, 1996]; Саргов Улус; Тунчух у с. Аскиз; Лебяжье XIV, к. 5, м. 4 [Членова, 1997]; Барсучиха V, к. 5, м. I и II; к. 7 [Завитухина, 1979]; Новая Черная I, к. 14, м. 1; к. 15; Черновая I, к. 3, м. 1 [Максименков, 2003]; Каменка I, к. 4, м. 3 [Шер, Прокофьева, 1966]; Кок-Хая, к. 1 и 2 [Савинов, 2012] и др.

2-я половина VIII в. до н.э. – Есино XV, к. 1; Есино XVII, к. 1, м. 2; Есино XIV, к. 1, м. 2; Есино XVIII, к. 2, м. 2; Есино IX: к. 2, м. 1; к. 3, м. 2 [Савинов, 2012]; Знаменка, к. 21, к. 2; к. 14 [Podols'kij, 1996]; Луговое, к. 3, м. 2 [Александров, Паульс, Подольский, 2001]; Оглахты IV, п. 3 и п. 4; Моисеиха; Аскиз [Членова, 1997]; Тигир Тайджен-4; Казановка-3, к. 3, огр. Б, м. 1; Хыстаглар, к. 1, огр. Б, м. 1; Казановка-2, к. 5 [Евразия..., 2005]; Подгорное озеро: к. 8, м. 1; к. 32, м. 2; Новая Черная I, к. 9, м. 3; к. 3, м. 1; к. 4, м. 1 [Максименков, 2003]; Афанасьева гора, м. 20–22, 40 [Пшеницына, 1995]; Бейка, к. 2, м. 1 [Александров, Паульс, Подольский, 2001]; Кичик-Кюзюр I, к. 2 [Завитухина, Морозов, 2003]; Джесос; Откин улус, к. 2, 4 [Членова, 1972] и др.

4-я четверть VIII – 1-я четверть VII в. до н.э. – Ашпыл, к. 23, м. 2 [Гультов, 1983]; Шаман Гора, к. 1–3; Кобяк, к. 5, м. 1 [Боковенко, Смирнов, 1998]; Биджа, к. 1 и 2 [Липский, 1966]; Аскиз, ПМК-6, м. 3 и 1 [Александров, Паульс, Подольский, 2001]; Кадатское Поле, к. 1 и 2 [Пламеневская, 1993]; Есино I: к. 2, м. 1; к. 4, м. 2; Есино II: к. 10, м. 1; к. 20, м. 1; к. 12, м. 1; к. 15, м. 2; к. 24, м. 1; к. 17, м. 2 [Савинов, 2012]; 4 малых кургана в Салбыке [Членова, 1972; Марсадалов, 2014] и др.

1-я половина VII в. до н.э. – Тигей [Седых, Марсадалов, 2009]; Кобяк, к. 5, м. 2 [Боковенко, Смирнов, 1998]; **Большой Салбыкский курган** [Марсадалов, 2014]; Туран II, к. 3, м. 2; к. 2, м. 1; к. 5, м. 2 (раскопки А.Д. Грача, 1963–1964 гг.) и др.

VII в. до н.э. – мог-ки Туран I и II (раскопки А.Д. Грача); Серебряковский, к. 4, м. 1–2 [Мартынов, Бобров, 1971]; Тисульский, к. 16, м. 2 (Мартынов, 1972); Утинка, к. 4, м. 2 [Бобров, 1979]; Новомихайловский к. 1, м. 1–3 [Кузьмин, 1994]; Медведка I, к. 2, 5, 6 [Савинов, Молодин, Полосьмак, 1995]; Медведка II, к. 1 и 2 [Боковенко, Красниенко, 1988]; Сарагашенское озеро, к. 2 и 3 [Грязнов, Пшеницына, 1966]; Колок, к. 3, м. 3; Большой Табатский курган [Пшеницына, Поляков, 1989]; Толстый мыс V, к. 1, м. 1–2 [Курочкин, 1988] и др.

2-я половина VII в. до н.э. – Большой Полтаковский курган [Курочкин, 1993; Марсадалов, 2014] и др.

2-я половина VII – 1-я половина VI в. до н.э. – Медведка-I, к. 4 [Боковенко, Седых, Красниенко, 1983, с. 78]; Ашпыл – поздние курганы [Гультов, 1983]; Шарыпово [Кирилов, 1983] и др.

VI в. до н.э. – Толстый мыс V, к. 1, м. 3 [Курочкин, 1988] и др.

Археологические материалы из лесостепного района тагарской культуры [Мартынов, 1979] также нуждаются в новом пересмотре их датировок. Предварительно отметим, что многие курганы большепичугинского и тисульского этапов можно датировать 2-й половиной VIII – VI в. до н.э. (типа рис. 1), а назаровского этапа – V–III вв. до н.э.

Комплексная дата для Большого Салбыкского кургана – *1-я половина VII в. до н.э.* (возможно, 680–670-е гг. до н.э.) – не противоречит археологическим, дендрохронологическим и радиоуглеродным аналогиям со многих объектов Саяно-Алтая.

Разнообразные тагарские материалы свидетельствуют, что формы металлических и других изделий изменялись довольно быстро (см. рис. 1), а ранее археологи «растянули» по разным хронологическим этапам эволюционное развитие предметов на шесть столетий (VIII–III вв. до н.э.) вместо трех (VIII–VI вв. до н.э.). Полноценные, уменьшенные и миниатюрные бронзовые предметы бытовали одновременно уже в VII – 1-й половине VI в. до н.э. – Серебряково, к. 4; Шарыпово, Толстый мыс и др. (рис. 1.-45–48, 52, 58). Миниатюрные чеканы и уменьшенные кинжалы из бронзы известны и в памятниках Алтая VI в. до н.э. – Арагол, к. 5 [Марсадолов, 1997а, рис. 15: II] и др.

Еще в 1929 г. С.А. Теплоухов [1929, с. 48] считал, что предметы из минусинских курганов второго этапа (могильник у Сарагашинского озера), «имеющие аналогии в скифской и ананьинской культурах, дают возможность относить начало второго этапа не позднее как к VI в. до н.э.». М.П. Грязнов и М.Н. Пшеницына [1966, с. 68] частично опубликовали материалы из этого памятника и отметили, что Большой Салбыкский курган также «датируется второй стадией тагарской культуры, т.е. сарагашенским этапом – IV–III вв. до н.э. Только спустя десятилетия, учитывая археологические аналогии (см. рис. 1) и радиоуглеродные даты (см. табл. 2, №10–14; [Поляков, Святко, 2009]), эти сарагашенские курганы можно датировать VII в. до н.э. (рис. 1.-57).

Тагарские памятники V–III вв. до н.э., нового культурно-хронологического этапа синхронного саглынской культуре в Туве и пазырыкской на Алтае, по своему облику близки к лесостепным памятникам «назаровского» этапа [Мартынов, 1979, табл. 35], но это тема другой специальной статьи.

При определении даты нового археологического памятника следует отметить, к каким группам объектов или хорошо датированным курганам близок этот памятник, и постепенно он «утрачивается» во времени, обретет более точную дату. Приблизительно такой подход применяется при археологическом датировании античных, скифских и алтайских памятников.

Геродот при написании своей «Истории» часто использовал деление временных отрезков по поколениям правителей или отдельных личностей. Периодизацию истории скифских племен по одному-трем поколениям применил и А.Ю. Алексеев [2003].

Продолжительность смены поколений составляет от 20 до 30 лет и в среднем равна около 25 лет. Не исключено, что этот отрезок времени соответствует двум широко известным у народов Востока 12-летним полупериодам или одному полному периоду в 24 года, слагаемому из двух разных по своей полярности 12-летних. Корреляция таких признаков, как пол, возраст, антропологический тип мужчин и женщин, со временем сооружения каждого кургана позволяет выделить не менее трех поколений вождей в Пазырыке, погребенных в пяти больших курганах за период в 48–49 лет [Марсадолов, 2000].

По 2–3 поколениям, с выделением салбыкской фазы, были классифицированы и погребальные памятники тагарской культуры [Акулов, Паульс, 2008].

Следует отметить, что ранее археологи правильно отметили долгое бытование предметов из бронзы у «тагарцев» и позднее появление, по сравнению с другими регионами, изделий из железа, что свидетельствует о мощных центрах добычи и об-

работки бронзы на Енисее. Если в VIII в. до н.э. в *индивидуальные могилы* помещали *полноценное оружие и предметы* из бронзы, то в *коллективных погребениях* с VII в. до н.э. появились сначала *уменьшенные, а затем миниатюрные предметы*. Гораздо легче и практичнее изготовить не очень качественные уменьшенные копии предметов из бронзы, чем положить в коллективный склеп весьма ценимые и немногочисленные в раннетагарское время железные, а также полноценные бронзовые предметы вооружения и быта.

В настоящее время необходимы полные публикации материалов раскопанных археологами тагарских могильников Ашпыл, Туран, Сарагаш, Медведка, Шарыпово, Толстый мыс и многих других. Тогда можно будет произвести более детальное хронологическое сопоставление деталей обряда, конструктивных особенностей каменных оград, антропологического состава погребенных, развитие форм изделий, что позволит определить их процентное соотношение в каждом из курганов, памятников и на разных этапах, выявить изменяющиеся во времени предметы вооружения, быта, украшений и стили «сакрального искусства», что будет способствовать более глубокому изучению влияний и роли различных этносов на каждом из этапов, а также поиску связей между локальными группами объектов в близких и удаленных районах и регионах, решению многих дискуссионных проблем.

Салбыкский этап в древней истории Хакасии

Подводя итоги изучению хронологии ранних памятников тагарской культуры, необходимо отметить, что среди археологов пока нет единой точки зрения на время ее становления и завершения. Одни и те же археологические памятники определяют по разным этапам. Как было отмечено выше (табл. 3), даже Большой Салбыкский курган археологи относят либо к *подгорновскому* (VII–VI вв. до н.э. – А.Г. Акулов и Е.Д. Паульс), либо к *сарагашенскому* (V–III вв. до н.э. – большинство исследователей) или даже к *тесинскому* (III в. до н.э. – I в. н.э. – Э.Б. Вадецкая, Н.Ю. Кузьмин) этапам тагарской культуры.

В каждой из хронологических схем, начиная с Г.Ф. Миллера, В.В. Радлова, С.А. Теплоухова, С.В. Киселева, М.П. Грязнова и до современности, есть свои положительные моменты, до сих пор учитываемые многими специалистами. По мере накопления новых материалов, изучения ярких объектов и глубоких теоретических обобщений в археологии Южной Сибири уже неоднократно происходила корректировка сложившихся схем.

С.В. Киселев переименовал «минусинскую курганную культуру» С.А. Теплоухова в «тагарскую». В связи с новыми раскопками больших и средних курганов в Туве вместо крупной «уюкской» культуры (по Л.Р. Кызласову) или «казылганской» (по С.И. Вайнштейну) археологи все чаще употребляют названия двух культур или этапов – «аржанской» и «саглынской», по наиболее значимым эталонным памятникам, изученным М.П. Грязновым и А.Д. Грачем. Памятники майэмирского этапа (по М.П. Грязнову), расположенные на территории Северного, Центрального и Южного Алтая, в 1999 г. А.А. Тишкин и Ю.Ф. Кириюшин определили в особую бийкенскую археологическую культуру [Тишкин, 2011].

Не исключено, что со временем значение раскопанного С.В. Киселевым Большого Салбыкского кургана – самого огромного и выдающегося мегалитического памятника тагарской культуры и Сибири – будет закреплено за *салбыкским культурно-хронологическим этапом*. На уровне современных знаний, с помощью

комплексного подхода к тагарским памятникам и с учетом дат «ключевых» объектов из других регионов, *салбыкский культурно-хронологический этап можно датировать VIII–VI вв. до н.э., а БСК – 1-й половиной VII в. до н.э., что снимает проблему особого пути развития тагарской культуры.*

Археологи уже пришли к выводу, что на раннем этапе преобладали индивидуальные захоронения в каменных ящиках, но постепенно увеличилось число коллективных захоронений в деревянных камерах [Грязнов, 1968; Субботин, 2001 и др.]. Монумен- тальность курганной «архитектуры» сформировалась в раннетагарское время, достигла своего пика в Салбыке и постепенно угасла к концу таштыкской эпохи [Вадецкая, 1986, 1999; Акулов, Паульс, 2008; Савинов, 2009, 2012; Кузьмин, 2011; и др.].

Следует отметить, что, вероятно, подражание захоронениям в больших курганах правителей и знати (типа БСК), необходимость экономии средств и трудовых ресурсов при сооружении монументальных каменных оград и деревянных срубов, не только у рядовых, но и у зажиточных кочевников, довольно быстро у ранних «тагарцев» (на рубеже VIII–VII вв. до н.э.) привели к переходу от индивидуальных к семейным (известным еще с карасукского времени и ранее), а позднее – к коллективным погребениям вначале в одной каменной ограде, а затем в одной яме и срубе, к созданию многократно используемых родовых склепов, к замене уменьшенными и миниатюрными копиями полноценных предметов. Массовое производство предметов, предназна- ченных специально для погребений, довольно быстро во 2-й половине салбыкского этапа привело к схематизации и деградации при изображении сакральных образов оленя, козла, барана (Толстый мыс, Сарагаш, Медведка, Тисуль и др.; рис. 1). Известно большое число вариантов погребальных конструкций VIII–VI вв. до н.э., что прослеживается и в рядовых курганах рядом с БСК – одиночные погребения в ямах, каменных ящиках, деревянном срубе (как в индивидуальных каменных оградах, так и разных типов погребений внутри одной ограды и т.д.).

Не подгорновской или сарагашенской, а салбыкской группе родственных семей и племен принадлежала реальная власть в центральной части древней Хакасии. Локальные и хронологические пласты рядовых и средних курганов в Баиново, Под- горново, Сарагаше значительно уступают Салбыку не только по размерам камен- ной ограды (например, Сарагаш – 19 x 15 м, 10 стел, а БСК – 71 x 71 м, 23 стелы), но и по вкладу в развитие материальной и духовной культуры «тагарцев». В окрестно- стях Салбыка (с радиусом до 50 км) находится огромный пласт нераскопанных боль- ших и средних курганов, самый многочисленный в Хакасии, что подтверждает тезис о сильной концентрации тагарской группировки племен именно в этом районе.

Большие и средние курганы типа Тигей, Узун-Оба, Сафроново можно считать предшественниками огромных Салбыкских курганов [Грязнов, 1968; Вадецкая, 1994; Акулов, Паульс, 2008; Седых, Марсадолов, 2009; Марсадолов, 2010; и др.]. В Сафро- ново, Тигее, Баргаяково, как и в Салбыке, юго-восточный камень ограды был самым массивным по объему в кургане. В разных размерах этих курганов, очевидно, отражен особый сложный социальный статус погребенных в структуре раннетагарского обще- ства. Целый пласт раскопанных больших и средних тагарских курганов VII в. до н.э. (к сожалению, неоднократно ограбленных) – Большой Салбыкский, Тигей, Кара-Кур- ген, Колок, Табат, Большой Полтаковский, Новая Михайловка, и еще более обширный круг нераскопанных больших курганов в окрестностях Салбыка свидетельствуют

о существовании в древней Хакасии сильного регионального союза племен, одного из самых многочисленных среди народов в Южной Сибири и Евразии.

Заключение

Основные конструктивные и сакральные особенности Большого Салбыкского кургана (частично сформировавшиеся и в предсалбыкское время): обширная деревянная камера-сруб (как жилище для мертвых – семьи или позднее для рода), покрытие бревен водонепроницаемой берестой, накат-пирамида из бревен над срубом, дополнительный вход-дромос для подзахоронений с западной стороны, сложная монументальная каменная ограда и пирамидообразная насыпь, захоронение сопровождающей собаки и многие другие сакральные и архитектурные детали, доведенные до совершенства, стали эталоном для последующих погребальных сооружений более чем на тысячу лет не только для тагарской, но и для таштыкской культуры и позднее [Марса-долов, 2010, 2011].

В целом салбыкский период в Хакасии продолжался с VIII по VI в. до н.э., а традиции культуры «салбыкцев» уходят как в более ранние, так и более поздние исторические периоды.

Библиографический список

- Акулов А.Г., Паульс Е.Д. К изучению тагарской курганной архитектуры // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. : ИА РАН, 2008. Т. II. С. 5–8.
- Александров С.В., Паульс Е.Д., Подольский М.Л. Древности Аскизского района Хакасии. СПб. : б/и, 2001. 100 с.
- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.
- Баркова Л.Л. Золотые пластины с изображением свернувшейся пантеры из Майэмира // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. : Искусство, 1983. Вып. 24. С. 2–31.
- Бобров В.В. Тагарский курган на оз. Утинка // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск : Наука, 1979. С. 170–181.
- Боковенко Н.А. Древние культуры Казахстана и Енисея во 2–1 тыс. до н.э.: к проблеме контактов // Вопросы археологии Казахстана. Алматы : Хикари, 2011. Вып. 3. С. 308–313.
- Боковенко Н.А., Красниенко С.В. Могильник Медведка II // Памятники археологии в зоне мелиорации Южной Сибири. Л. : Наука, 1988. С. 23–45.
- Боковенко Н.А., Седых В.Н., Красниенко С.В. Некоторые итоги изучения памятников тагарской культуры на юге Хакасии // Древние культуры Евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л. : Наука, 1983. С. 75–81.
- Боковенко Н.А., Смирнов Ю.А. Археологические памятники долины Белого Июса на Севере Хакасии. Археологические изыскания. СПб. : ИИМК РАН, 1998. Вып. 59. 94 с.
- Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб. : Инфо ОЛ, 2010. 231 с.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л. : Наука, 1986. 179 с.
- Вадецкая Э.Б. Кара-Курген, Узун-Оба, Салбык, Большой Новоселовский (версии о курганах вождей тагарских племен // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб. : б/и, 1994. С. 62–69.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. 438 с. (Archaeologica Petropolitana, VII).
- Грязнов М.П. Тагарская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней. Древняя Сибирь : в 5 т. Л. : Наука, 1968. Т. I. С. 187–196.
- Грязнов М.П. Введение // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск : Наука, 1980. С. 3–6.
- Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л. : Наука, 1980. 63 с.

- Грязнов М.П., Пшеницына М.Н. Курганы IV–III вв. до н.э. на оз. Сарагаш // КСИА. 1966. Вып. 107. С. 62–69.
- Гультов С.Б. Некоторые вопросы внутренней хронологии могильника Ашпыл // Древние культуры Евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л. : Наука, 1983. С. 58–64.
- Завитухина М.П. Раннетагарский могильник Барсучиха V // Труды Государственного Эрмитажа. Л. : Искусство, 1979. Т. XX. С. 68–86.
- Завитухина М.П., Морозов С.В. Тагарский могильник Кичик Кюзюр-I в Хакасии (по раскопкам 1965–1966 гг.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Вып. 36. С. 100–116.
- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / под ред. Г.И. Зайцевой, Н.А. Боковенко, А.Ю. Алексеева, К.В. Чугунова, Е.М. Скотт. СПб. : Теза, 2005. 290 с. : 173 ил.
- Ермолова Н.М., Марков Ю.Н. Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири // Древние культуры Евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л. : Наука, 1983. С. 95–97.
- Кириллов Е.Л. Раскопки тагарского кургана в г. Шарыпово // Древние культуры Евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л. : Наука, 1983. С. 61–64.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
- Киселев С.В. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. // Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М., 1956. С. 56–58.
- Клейн Л.С. Время в археологии. СПб. : Евразия, 2014. 384 с.
- Кузьмин Н.Ю. Курганы элиты тагарского общества // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб. : Б.и., 1994. С. 127–138.
- Кузьмин Н. Этапы сложения и развития тесинской культуры (по погребальным памятникам степей Минусинской котловины) // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Астана : Изд. группа ПЦК РК, 2008. С. 187–204.
- Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. СПб. : Айсинг, 2011. 456 с.
- Курочкин Г.Н. Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. По материалам раскопок 1980–1984 гг. Л. : Наука, 1988. С. 5–22.
- Курочкин Г.Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). СПб. : Петербургкомстат, 1993. 44 с. + 50 рис.
- Лазаретов И.П. Памятники байновского типа и тагарская культура // Археологические вести. М. : Наука. 2007. Вып. 14. С. 93–105.
- Липский А.Н. Археологические раскопки в Хакасии // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 116–129.
- Ловелиус Н.В., Васильев С.С., Дергачев В.А., Захариева Е.И., Марсадалов Л.С. Археология ритмов – основа перекрестного датирования археологических памятников // Радиоуглерод и археология. СПб. : Теза, 1996. Вып. 1. С. 39–48.
- Максименков Г.А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб. : Петербургское востоковедение, 2003. 432 с.
- Марсадалов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.
- Марсадалов Л.С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тысячелетия до н.э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. : Искусство, 1988. Вып. 29. С. 65–81.
- Марсадалов Л.С. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1994 году // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1995. С. 8–9.
- Марсадалов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб. : ТОО «Вичи», 1996. 100 с.
- Марсадалов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа. СПб. : Com Mark Nord, 1997a. Вып. 1. 56 с.

Марсадалов Л.С. Проблемы уточнения абсолютной хронологии больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Радиоуглерод и археология. СПб. : ИИМК РАН, 1997б. Вып. 2. С. 45–51.

Марсадалов Л.С. Работы Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1996 году // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа за 1996 год. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1997в. С. 11–13.

Марсадалов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры) : автореф. дис. ... д-ра культуры. СПб., 2000. 56 с.

Марсадалов Л.С. О дате Майэмирского «клада» на Западном Алтае // Клады. Состав, хронология, интерпретация. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2002. С. 217–221.

Марсадалов Л.С. О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племен степей Евразии I тыс. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар : ООО «Фирма НСС», 2004. С. 69–85.

Марсадалов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан : Хакасское книжное изд-во, 2010. 128 с.

Марсадалов Л.С. Наследие Большого Салбыкского кургана в культуре Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. Абакан : ООО ИЦ «Академия», 2011. Вып. 1. Номер 1 (01). С. 4–12.

Марсадалов Л.С. 12-, 60-, 120-, 300-, 1200-, 3000-, 6000- и 12000-летние периоды в природе и обществе // Научное наследие Л.Н. Гумилева: истоки, проблемы восприятия. СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та, 2012. С. 72–82.

Марсадалов Л.С. Даты Большого Салбыкского кургана и этапа в Хакасии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. Т. II. С. 211–217.

Мартынов А.И. Тисульские курганы тагарской культуры // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово : б/и, 1972. Вып. 4. 238 с.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : Наука СО, 1979. 208 с.

Мартынов А.И., Бобров В.В. Серебряковский могильник // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово : Томь, 1971. Вып. 3. 132 с. + 118 табл.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. Т. I. 607 с.

Мыглан В.О., Слюсаренко И.Ю., Ойдупаа О.Ч., Гаркуша Ю.Н. Царский курган Аржан-2 в Туве: дендрохронологический аспект // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №4. С. 130–138.

Пламеневская О.Л. Погребальный обряд могильника Кадатское поле // Археология Средней Азии, Сибири и Кавказа. КСИА. М., 1993. Вып. 209. С. 75–82.

Поляков А.В., Святоко С.В. Радиоуглеродные даты археологических памятников Среднего Енисея (неолит-начало железного века) // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 20–56.

Пшеницына М.Н. Раннетагарские погребения в могильнике Афанасьева гора на Енисее // Южная Сибирь в древности. СПб. : б/и, 1995. С. 118–125.

Пшеницына М.Н., Поляков А.С. Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии // Археологические исследования на новостройках. КСИА. М., 1989. Вып. 196. С. 58–66.

Радлов В.В. Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири. Отдельный оттиск из VII тома Записок Императорского Русского Археологического Общества. СПб., 1896. 70 с.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 204 с.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 226 с.

Савинов Д.Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб. : ЭлекСис, 2012. 180 с.

Савинов Д.Г., Молодин В.И., Полосьяк Н.В. Медведка I – могильник сарагашенского этапа на юге Хакасии // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. СПб. : ИИМК РАН, 1995. Вып. 24. С. 126–135.

Седых В.Н., Марсадалов Л.С. О возможных прототипах тагарских бронзовых наверший // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 101–110.

Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 140 с.

Субботин А.В. Динамика развитой тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 24 с.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 41–62.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 256 с.

Тишкин А.А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «Тегга Scythica». Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 272–290.

Черников С.С. Загадка золотого кургана. М. : Наука, 1965. 188 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М. : Наука, 1967. 300 с.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М. : Наука, 1972. 248 с.

Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 206–224.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М. : б/и, 1997. 98 с.

Чугунов К.В. Актуальные проблемы хронологии памятников эпохи ранних кочевников Центральной Азии и Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №3 (23). С. 97–102.

Шер Я.А., Прокофьева А.М. Каменка-I – могильник начала тагарской культуры на Енисее (предварительное сообщение) // Археологические памятники раннего железного века. КСИА. 1966. №107. С. 57–61.

Chugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Furstenkurgan Arzan 2 in Tuva. Archaeologie in Eurasien. Band 26. Mainz, 2010. 330 S., 289 Abb., 153 Taf.

Heußner K.-U., Sljusarenko I. Die Dendrochronologie // Cugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Furstenkurgan Arzan 2 in Tuva. Archaeologie in Eurasien. Band 26. Mainz, 2010. P. 178–182.

Podol'skij M.L. Early tagar barrows near the village of Znamenka in Khakassia // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. V. III. 1. Leiden ; New York, 1996. P. 61–96.

L.S. Marsadolov

SALBYK'S CULTURAL AND CHRONOLOGICAL STAGE IN THE HISTORY OF ANCIENT KHAKASSIA

Several generations of scientists have passed a difficult 300-year way of studying the Southern Siberia archaeological monuments – from objects' excavation, primary classification of objects by material, allocation of archaeological cultures to the monument date identification with the help of non-archeological methods. The first mound in Siberia was excavated by D.G. Messersmidt's initiative with the scientific purpose in January 1722. Scientists used to return to the problems of archaeological materials' systematization on a new level of generalization.

Dates of archaeological Khakassia's monuments were specified for the last 40 years by different methods – archaeological, radiocarbon and tree-ring chronology. A considerable amount of big barrows in the Salbyk's vicinities gives evidence in favor of tagar's tribes concentration in this area. The Salbyk's period in Khakassia proceeded from 8 to 6 century B.C., but the traditions of this culture go back to the later historical periods.

Keywords: Khakassia, chronology, Tagar's culture, radiocarbon, tree-ring chronology, barrows, elite, common burials.

**ПАРЦИАЛЬНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ГУННО-САРМАТСКОГО
ВРЕМЕНИ НА НЕКРОПОЛЕ СТЕПУШКА-2***

«Нестандартное» парциальное погребение исследовано в Центральном Алтае осенью 2010 г. на некрополе гунно-сарматского времени Степушка-2. По элементам погребального обряда и предметам инвентаря могильник датируется 2-й половиной III – 1-й половиной IV в. н.э. Публикуемый курган содержал в небольшой яме часть женского костяка с нарушенной анатомической целостностью. Возраст погребенной – 14–16 лет. Длина ямы явно не соответствовала предполагаемой длине тела человека, а у скелета отсутствовали многие кости. Авторы статьи предлагают несколько вариантов объяснения необычного погребения, основным из которых является особый вид ритуала обезвреживания умершей из-за сильного страха перед ней.

Ключевые слова: Алтай, археология, гунно-сарматское время, некрополь, Степушка-2, парциальное погребение.

DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-02

Существующая сегодня общественная практика преднамеренного погребения умерших людей началась еще в среднем палеолите [Смирнов, 1997, с. 11]. Обряд погребения отражал стремление удалить покойника из этого мира и обезвредить его, а также желание обеспечить благополучный переход умершего в иной (потусторонний) мир. За прошедшие с того времени тысячелетия на Земле появилось огромное количество погребальных памятников разных культур и народов. Несмотря на то, что они являются всего лишь конечным результатом комплекса целенаправленных погребальных действий, зафиксированных археологами при раскопках, это ценный источник для решения многих важных научных проблем древней и средневековой истории.

Погребальные памятники сегодня являются самым репрезентативным источником по исследованию многих исторических периодов как Алтая, так и всего региона Южной Сибири и Центральной Азии. Круг научных вопросов, изучаемых по погребениям, очень широк. Он охватывает практически всю сферу человека, начиная от изучения физической антропологии древнейших видов человека и до религиозно-мифологических представлений разных обществ, оставивших памятники. При изучении остатков древних погребений открываются возможности исследования хозяйства конкретного коллектива, денежного обращения, торговли, строительного дела, социальных особенностей, искусства, миграций, природной среды и целого ряда других проблем [Авдусин, 1980, с. 51–52].

При исследовании погребений разных культур и народов ученые в первую очередь обращают внимание на рассмотрение стандартных, сходных между собой погребальных памятников для того, чтобы сделать реконструкцию традиционного для того или иного народа или археологической культуры погребального обряда. Типологические построения по данным погребальных памятников дают возможность относительной датировки объектов, культурного разграничения памятников и фиксации

* Работа публикуется в рамках научно-исследовательских проектов РГНФ – Минобрнауки Республики Алтай «Культурно-исторические процессы на Алтае в конце I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э.» (№14-11-04002а(р)) и госзадания Минобрнауки России «Системы природопользования и производственные технологии древних и традиционных обществ Горного Алтая» (код проекта 536).

инноваций в обрядах, реконструкции основных элементов погребальных действий и т.д. «Нестандартные» виды древних и средневековых погребений не всегда привлекают внимание исследователей из-за трудности их выявления и интерпретации. Часто такие погребения в силу своей редкости совсем не используются в анализе и систематизациях или же только упоминаются в работах, что не способствует их детальному изучению. Между тем тщательное рассмотрение «нестандартных» древних объектов может дать чрезвычайно важную информацию об особенностях жизни и смерти древнего или средневекового населения, которые нельзя установить по «стандартным» погребениям. Естественно, нельзя сказать, что «нестандартные» погребения совсем не изучаются. В последние десятилетия появились серьезные работы, посвященные анализу «особых», или «экстраординарных», видов погребений в Западной Сибири, а также методике их выявления и вопросам интерпретации [Зайцева, 2005].

Погребения с нарушенной анатомической целостностью скелета довольно широко распространены во времени и в пространстве. Это парциальные, расчлененные и вторичные погребения. Не всегда можно понять причины нарушения анатомического порядка человеческого костяка, основываясь на изучении погребального памятника, поврежденного многовековым процессом естественного разрушения. Кроме специальных посмертных манипуляций с телом в ритуальных целях, нарушения костяка бывают следствием природных процессов и деятельности животных, а также людей, которые могут непредумышленно нарушить целостность останков похороненного человека в процессе своей хозяйственной или иной деятельности. В каких-то случаях неполный набор костей или отсутствие анатомического порядка являются следствием не посмертного воздействия вышеперечисленных эпизодов, а отражением причины самой смерти, например, в ходе умышленного убийства или военных действий.

В связи с вышеизложенным представляет научный интерес случай необычного парциального погребения, зафиксированный в кургане, вскрытом в процессе археологических раскопок 2010 г. на некрополе гунно-сарматского времени Степушка-2, находившемся в Центральном Алтае. Могильник территориально был приурочен к Урсульской межгорной котловине, которая ограничена с северо-западной стороны Семинским хребтом, с юго-западной – Теректинским и с северо-восточной – Куминским [Атлас..., 1991]. Памятник располагался на высоком правом берегу реки Урсул, в 5 км выше места ее впадения в Катунь, в черте бывшего села Степушка, в Онгудайском районе Республики Алтай (рис. 1.-1, 2) [Соенов, 2011, л. 20–21]. С востока, юга и запада участок окружен горами, с севера ограничен рекой. Могильник Степушка-2 находился на западной половине мысовой террасы, которая попала под дорожное строительство (рис. 1.-3). Группа курганов на восточной половине мыса, обозначенная как могильник Степушка-I, исследовалась экспедицией Алтайского государственного университета. Позднее мыс был полностью снесен при возведении моста и участка подъездной автодороги. Результаты исследований могильников Степушка-I и II пока полностью не опубликованы. Имеются только краткие сообщения и статьи, посвященные отдельным комплексам [Соенов, 2010, с. 3–6; Соенов, Трифанова, 2011, с. 122–125; 2014а, с. 99–101; 2014б, с. 95–97; 2014в, с. 61–73; 2014г, р. 470–475; Кирюшин, Шмидт, Тишкин, Матренин, 2011, с. 92–98; Тишкин, Матренин, 2012, с. 30–31; 2013а, с. 204–213; 2013б, с. 147–153; 2013в, с. 59–71; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011, с. 420–431; 2013, с. 258–279; Матренин, Тишкин, Шмидт, 2014, с. 15–26; и др.].

1

2

3

Рис. 1. Местонахождение могильника Степушка-2

В процессе аварийных работ на некрополе Степушка-2 раскопаны 64 объекта: 37 каменных курганов и колец с погребениями, а также 27 каменных колец и выкладок без погребений. Умершие были положены головой преимущественно в северо-восточный сектор. Из предметов сопроводительного инвентаря найдены предметы вооружения и их детали (костяные и железные наконечники стрел; железные кинжалы; костяные накладки луков и т.д.), украшения и предметы туалета (стеклянные, костяные и каменные бусины; железная диадема; бронзовые бляшки; фрагмент бронзового зеркала; подвески из зубов и кости и т.д.), детали снаряжения коня (железные удила с кольчатыми и стержневыми псалиями; костяные цурки; подпружные пряжки и т.д.), орудия труда (железные ножи; обломки каменных жерновов и т.д.) [Соенов, 2011, л. 26–67]. Раскопанные погребения могильника Степушка-2 по элементам погребального обряда и облику предметов сопроводительного инвентаря отнесены к булан-кобинской культуре гунно-сарматского времени и предварительно датированы первыми веками н.э. [Соенов, 2010, с. 3–6; Соенов, Трифанова, 2011, с. 122–125]. Анализ отдельных предметов инвентаря и их взаимовстречаемости позволяет уточнить хронологическую принадлежность некрополя в пределах 2-й половины III – 1-й половины IV в. н.э.

Объект №36, в котором обнаружено необычное парциальное погребение, представлял собой небольшой курган с насыпью размерами 2 x 1,2 м, сложенной преимущественно из рваного камня. Насыпь имела вытянуто-овальную в плане форму, длиной осью она ориентирована по линии северо-восток – юго-запад (рис. 2; 4; 5). Курган находился в южной части могильника, в юго-восточном секторе квадрата Ж3. Географические координаты по GPS-приемнику: N–50°45'266", E–086°24'431"; высота над уровнем моря (по балтийской системе высот) – 665 м. С южной стороны к нему вплотную примыкал курган №36А, а с северо-западной – выкладка №33А (рис. 2–6). При разборке развала насыпи между объектами №36 и 36А обнаружены железный нож и фрагменты стенок керамического сосуда. Под насыпью зафиксирована крепида из рваных и окатанных камней. Крепида овальной в плане формы, длинной осью ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Ее размеры – 1,8 x 1,1 м. В крепиде (на глубине 0,25 м) зафиксирована могильная яма овальной формы, длинной осью ориентированная по линии северо-восток – юго-запад (рис. 6; 7). Длина ямы – 0,68 м, ширина – 0,51 м, глубина – 0,25 м. В восточной части ямы зачищена вертикально установленная каменная плита. Над плитой находились тазовые кости погребенного человека, к юго-западу от них в яме расположены кости ног (рис. 6–8). Кости левой ноги лежали в анатомическом порядке, кости правой – в правильной последовательности, но смещены. Кости рук, ребра, позвонки, лопатки и прочее отсутствовали. Длина ямы (0,68 м) явно не соответствовала предполагаемой длине костяка. Дальнейший выбор грунта в северо-восточном направлении выявил материк и четко показал, что продолжения ямы нет (рис. 6; 8). При зачистке под костями ног в области коленей были обнаружены кости черепа (рис. 8). Возраст погребенного – 14–16 лет, пол – женский (определение по черепу погребенной осуществлено к.и.н., заведующей кабинетом антропологии АлтГУ С.С. Тур). Предметы инвентаря в могиле не обнаружены.

Месторасположение и внешние признаки кургана №36 с «нестандартным» погребением никак не выделяют его из общего числа сооружений на могильнике: объект расположен в одном ряду с курганами №33 и 36А, содержащими «стандартные» погребения; насыпь сложена из такого же обычного рваного камня, как и насыпи остальных курганов.

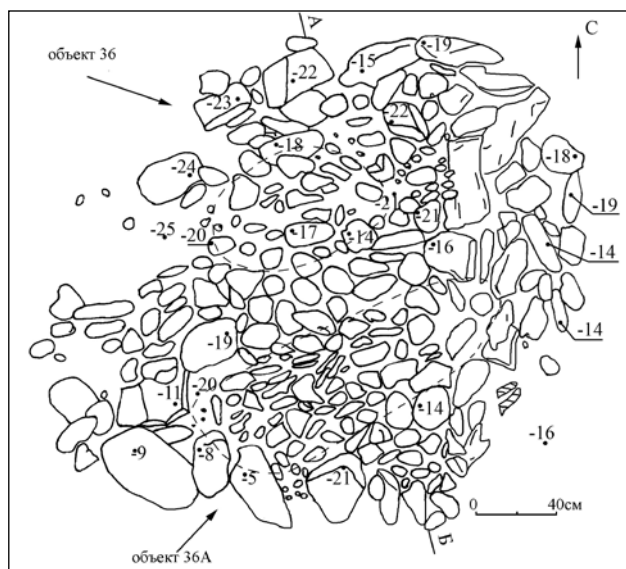

Рис. 2. Могильник Степушка-2. Курганы №36 и 36А. План насыпей

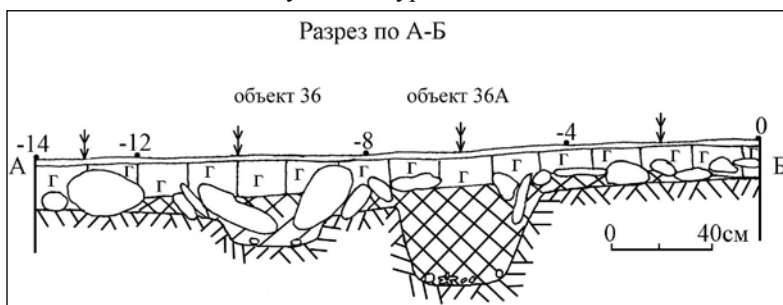

Рис. 3. Могильник Степушка-2. Курганы №36 и 36А. Разрез курганов по А-Б

Рис. 4. Могильник Степушка-2. Вид насыпи кургана №36 (очерчен по периметру) с СВ. Слева примыкает насыпь кургана №36А, справа – выбранная выкладка №33А

Рис. 5. Могильник Степушка-2. Вид насыпи кургана №36 с запада. Справа примыкает насыпь кургана №36А, слева – выбранная выкладка №33А

То есть по месту локализации объекта и внешнему виду надмогильного сооружения невозможно предположить какой-то особый социальный статус погребенного в кургане. Исходя из того, что подготовленная участниками похоронного процесса могильная яма изначально была значительно меньше, чем длина тела человека, нет сомнений в совершении парциального захоронения частично расчлененного тела девушки 14–16 лет: в яму сначала помещена уже отделенная от тела голова, а сверху положены слегка согнутые в коленях нижние конечности с тазом. Причем кости таза не вошли в могильную яму и, вероятно, выступали над ее краем. Остальные части тела в могилу не были помещены. После закрытия погребения построено небольшое каменное надмогильное сооружение.

Рис. 6. Могильник Степушка-2. Вид на расположение погребений курганов №36 (слева) и №36А (справа)

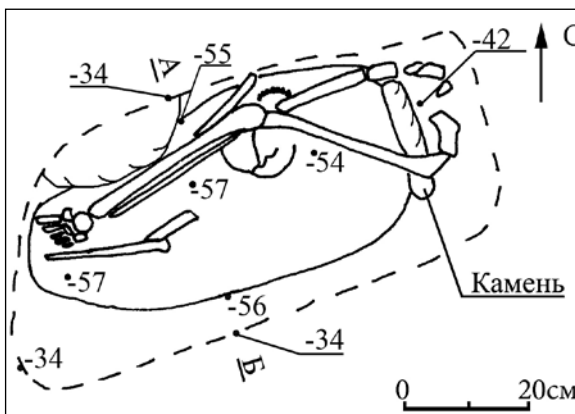

Рис. 7. Могильник Степушка-2. Курган №36. План погребения

Рис. 8. Могильник Степушка-2. Курган №36. Вид погребения сверху

Со временем насыпь кургана деформировалась из-за естественного смещения камней. В могиле произошли постепенное разложение предметов из органических материалов, а также распад мягких частей тела человека. В результате тафономических процессов кости головы и правой ноги умершей подверглись частичному разрушению и смещению, но кости левой ноги, в том числе мелкие части стопы, полностью сохранились в правильном положении. О том, что это захоронение парциальное, а не вторичное и совершено оно еще до разрушения связок, свидетельствует расположение костей нижней части посткраниального скелета в анатомическом порядке. О парциальности погребения однозначно говорит и тот факт, что концы бедренных костей и таз не вошли в могильную яму. В случае вторичного захоронения все кости находились бы в яме, поскольку ее размеры позволяли разместить не только найденные кости, но даже полный набор отдельных костей человека.

Судя по степени сохранности зафиксированных костей погребенной девушки, отсутствие части скелета нельзя объяснить естественной деструкцией. Наблюдения на разных по территориальной и хронологической принадлежности археологических памятниках позволили исследователям выделить несколько этапов в разложении костяка: сначала разлагаются самые мелкие кости, т.е. фаланги, кости запястья, пястные кости и кости стопы (при этом таранная и пяточная кости сохраняются лучше в сравнении с другими костями стопы); на втором этапе разрушаются лопатки, копчик, грудина, надколенник, ребра, наименее массивные позвонки и т.д.; в самом конце разлагаются диафизы длинных трубчатых костей, некоторые части тазовой кости и часть костей черепа [Зайцева, 2005]. Даже если допустить, что части скелета, которые не обнаружены в рассматриваемом погребении могильника Степушка-2, разрушились при тафономических процессах, то при любой динамике разложения костной ткани должны были разрушиться и мелкие кости ног как быстроразлагающиеся элементы костяка. Таким образом, наличие в публикуемом погребении отдельных наименее устойчивых к разложению мелких костей также свидетельствует о парциальности погребения.

На данном этапе исследования материалов погребения объекта №36 у нас нет однозначных ответов на вопросы: кого конкретно похоронили подобным образом и почему? Какие причины привели к реализации в погребальной практике частичного расчленения девушки 14–16 лет с последующим парциальным захоронением? Несмотря на то, что на могильниках Степушка-1 и 2 есть серия костяков с явными следами насильственной смерти [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2013, с. 262; Соенов, 2011, л. 49], ритуальное расчленение тела в ходе каких-то военных столкновений нам кажется маловероятным из-за неподходящего пола, молодого возраста погребенной и отсутствия других подобных погребений. Версия о человеческом жертвоприношении тоже не имеет достаточных доказательств, поскольку публикуемое захоронение совершено на общем кладбище в одном ряду с обычными погребениями. Конечно, мы пока не исключаем связь парциальности погребения с особыми обстоятельствами смерти погребенной девушки или ее социальным статусом.

Возможно, «нестандартность» погребения связана с особым видом ритуала обезвреживания необычной покойной. На могильниках Алтая гунно-сарматского времени многие костяки парциальны, в том числе и детские. Обычно они не имеют костей ступней, часто вместе с нижними концами берцовых костей. Покойным, видимо, отрубали нижние части ног перед помещением в могилу. Истоки данного обряда связа-

ны с боязнью людей перед умершими, которые, по их представлениям, могли выйти из могилы и навредить живым. Эти случаи отрубания нижних частей ног перед захоронением, на наш взгляд, являются этнографической нормой в практике населения Алтая гунно-сарматского времени, а публикуемое «нестандартное» отсутствие костей туловища – дополнительный случай, связанный с особыми обстоятельствами.

Отличие этого погребения от других обезвреженных, скорее всего, кроется в необычайном страхе перед умершей. По представлениям древних, вероятно, покойная представляла наибольшую угрозу для населения, например, как имевшая при жизни какие-либо сверхъестественные способности или находившаяся в контакте с потусторонними силами. Это и могло определить подобный способ обращения с телом умершей. По нормам многих религий древности воскрешение покойника было невозможным в неполном физическом виде [Дмитриев, 2006, с. 53]. Соответственно, частичное расчленение тела девушки и парциальность погребения кургана №36 могильника Степушка-2, по представлениям участников похоронных действий, могли предотвратить нежелательное воскрешение покойной и, более того, навсегда лишали ее будущего воскрешения.

Конечно, более детальным изучением обнаруженных нами на могильнике Степушка-2 костных остатков должны заниматься соответствующие специалисты. Поэтому мы данной работой хотели бы привлечь внимание всех заинтересованных исследователей к публикуемому конкретному погребению и в целом к остальным костякам, способствующим не только реконструкции внешнего вида представителей древней популяции, но и лучшему пониманию их реальной культуры жизни, поскольку культура смерти и есть часть культуры жизни [Флиер, 2008]. Надеемся, что использование методов естественных наук (прежде всего медицины, криминалистики, физической антропологии и остеологии, тафономии, генетики), а также привлечение данных некрологии, фольклора, этнографии и прочего позволят разгадать данный частный случай и понять религиозно-мифологические представления древних алтайских обществ, обусловившие такие способы обращения с умершими.

Библиографический список

- Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. М. : Высшая школа, 1980. 335 с.
- Атлас Алтайского края. М. : Комитет геодезии и картографии СССР, 1991. 36 с.
- Дмитриев С.В. Политическая культура тюркско-монгольских кочевников в историко-этнографической перспективе // Антропология власти. СПб. : СПбГУ, 2006. Т. 2. С. 45–64.
- Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации : дис. ... канд. ист. наук. Томск : ТГУ, 2004. 278 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/pogrebeniya-s-narushennoi-anatomicheskoi-tselostnostyu-kostyaka-metodika-issledovaniya-i-voz#ixzz3EJpNhiEe> (дата обращения: 26.09.2014).
- Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-1) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г. Археология, этнография, устная история. Барнаул : АлтГПА, 2011. Вып. 7. С. 92–98.
- Матренин С.С., Тишкин А.А., Шмидт А.В. «Всадник без головы» эпохи Великого переселения народов из Центрального Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2014. №1 (9). С. 15–26.
- Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М. : Восточная литература, 1997. 279 с.
- Соенов В.И. Полевые археологические исследования Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ в 2010 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. 2010. №3 (15). С. 3–6.

Соенов В.И. Отчет об археологических разведках в Майминском районе Республики Алтай и аварийных раскопках на могильнике Степушка-2 в Онгудайском районе в 2010 году. Горно-Алтайск, 2011. 441 л. / Архивы НИЦ ИКТН ГАГУ и ИА РАН.

Соенов В.И., Трифанова С.В. Полевые археологические исследования Горно-Алтайского государственного университета в 2010 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г. Археология, этнография, устная история. Барнаул : АлтГПА, 2011. Вып. 7. С. 122–125.

Соенов В.И., Трифанова С.В. Погребение с пупариями мясных мух (вторая половина III – первая половина IV в. н.э., некрополь Степушка-2, Алтай) // Научные исследования в сфере общественных наук: вызовы нового времени. Екатеринбург : Международный научный центр «Сфера общественных наук», 2014а. С. 99–101.

Соенов В.И., Трифанова С.В. Необычное парциальное погребение на могильнике гунно-сарматского времени Степушка-2 (Алтай) // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. М. : Институт стратегических исследований, 2014б. С. 95–97.

Соенов В.И., Трифанова С.В. Пупарии Sarcophagidae в погребении гунно-сарматского времени некрополя Степушка-2 (Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2014в. №1 (9). С. 61–73.

Соенов В.И., Трифанова С.В. «Нестандартное» парциальное погребение на некрополе Степушка-2 (Алтай) = “Non-standard” partial human burial in the Stepushka-2 necropolis (Altai) // Canadian Journal of Science, Education and Culture. Toronto : Toronto Press, 2014. №2 (6), (July – December). Vol. III. P. 470–475.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Военная ситуация на Алтае в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка-1) // Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ. М. : Институт археологии РАН, 2012. С. 30–31.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Поясные бляхи сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-1 в Центральном Алтае // Известия Алтайского государственного университета. 2013а. №4/1 (80). С. 204–213.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Новые данные по радиоуглеродному датированию погребальных комплексов булан-кобинской культуры Алтая (по материалам раскопок курганной группы Степушка-1) // Теория и практика археологических исследований. 2013б. №1 (7). С. 147–153.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Воинское погребение раннежужанского времени на могильнике Степушка I в Центральном Алтае // Краткие сообщения Института археологии. 2013в. №231. С. 59–71.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Женские металлические украшения из погребения сяньбийского времени на Алтае (по материалам исследования памятника Степушка-1) // Вопросы археологии Казахстана. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 420–431.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Степушка-1 – памятник кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : ЮУрГУ, 2013. С. 258–279.

Флиер А.Я. Некультурные функции культуры (Очерки). М. : МГУКИ, 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://www.studmed.ru/view/flier-aya-nekulturnye-funkcii-kultury-ocherki_3a17eeb1ab7.html (дата обращения: 26.09.2014).

V.I. Soenov, S.V. Trifanova

PARTIAL HUMAN BURIAL IN THE STEPUSHKA-2 NECROPOLIS OF HUN-SARMATIAN TIME

In autumn 2010 we excavated the «non-standard» human burial in the Stepushka-2 necropolis in the Central Altai. By using the analysis of the funeral rite and inventory, this grave dated to the second half of the 3th century – the first half of the 4th century AD. In a barrow in a small burial pit a female skeleton with the loss of anatomical integrity was discovered. The woman was 14–16 years old. The burial pit was less than length of the human body and a lot of the skeleton's bones were missing. The authors offer several possible explanations of unusual burial. The main explanation of this is ritual removal of some bones in a fear of the dead woman. It was a special ritual associated with the fear of malignant dead. This way of burial was aimed at neutralizing of the negative influence of the dead woman.

Keywords: Altai, archeology, Hun-Sarmatian time, necropolis, Stepushka-2, partial burial.

ГРАВИРОВАННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ДИСКОВИДНЫХ ПРЕДМЕТАХ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СВЕТЕ ИНДО-ИРАНСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ (по материалам Урало-Сибирского региона)

ЧАСТЬ I

Гравированные изображения представлены на дисковидных предметах раннего железного века и Средневековья. Они происходят из так называемых «кладов», известных на территории таежной зоны Западной Сибири. Появление гравировок относят ко времени около II в. до н.э. Эти изделия, являвшиеся предметом импорта, функционировали в среде таежного населения, которое не использовало их по основному назначению. На поверхность зеркал наносились гравированные изображения мифоритуального характера, и они функционировали в качестве предметов культовой практики.

Статья посвящена интерпретации мифологических образов и сюжетов на гравировках. Для решения поставленной задачи автор прежде всего проводит сопоставление изображений с фольклорными традициями обских угров. Следующим этапом является рассмотрение гравировок в свете индо-иранских параллелей. Основное внимание уделено выявлению на гравировках мифологических образов, связанных с представлениями о Фарре. Фарр являлся воплощением божественной помощи, сияния над головой. В иранской, а также, вероятно, угорской традициях он передавался в виде языков огня. На гравировках раннего железного века изображение Фарра было связано с образом мифической птицы с тремя остроконечными зубцами на голове, на средневековых гравировках – с фигурой воина в короне с тремя островерхими выступами.

Ключевые слова: Западная Сибирь, ранний железный век, Средневековье, гравированные изображения, обско-угорская мифология, иранская мифология.

DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-03

Появление гравированных изображений на дисковидных бронзовых бляхах и зеркалах раннего железного века относят ко времени около II в. до н.э. [Федорова, 2014, с. 91]. Они происходят из так называемых «кладов», известных на территории таежной зоны Западной Сибири. Подобные «клады» характерны не только для периода раннего железного века, но и для Средневековья. Многие исследователи считают, что «клады» в действительности являлись культовыми или жертвенными местами [Чернецов, 1953а, с. 165; Чиндина, 1984, с. 112; и др.].

В период раннего железного века гравированные диски функционировали в среде населения кулайской культурно-исторической общности. Однако кулайское население не использовало зеркала, являвшиеся предметом импорта, по их основному назначению. На поверхность зеркал кулайцы наносили гравированные изображения мифоритуального характера и применяли их в качестве предметов культовой практики. Данные зеркала изготавливались населением степной сарматской культуры. Наиболее вероятным посредником передачи степного и лесостепного импорта населению таежной зоны Западной Сибири считаются носители саргатской культуры, которые занимали северный ареал степных культур и непосредственно контактировали с кулайской общностью [Приступа и др., 2002, с. 7, 13]. Для интерпретации образа мифической птицы, представленной на гравировках, немаловажное значение имеет вопрос об этнической принадлежности населения кулайской культурно-исторической общности и на-

селения саргатской культуры, которое являлось посредником в передаче зеркал и блях, а, возможно, и некоторых идей жителям тайги.

Время существования кулайской культурно-исторической общности определяется в рамках VI в. до н.э. – V в. н.э. [Чиндина, 2001, с. 78]. Л.А. Чиндина считает, что кулайская культура сформировалась в Среднем Приобье и пережила два этапа: васюганский (конец VI – II в. до н.э.) и саровский (II–I вв. до н.э. – V в. н.э.). Границы кулайской общности постоянно расширялись в связи с активными миграциями на юг, где они достигли Саяно-Алтая, и на север, где они проникли в Нижнее Приобье и Тазовский бассейн. В определении этнической принадлежности населения этой общности нет единства. Высказываются мнения о самодийской, угорской, кетской принадлежности [Чиндина, 2001, с. 78–81]. М.Ф. Косарев [1974, с. 147–160] считает кулайскую культуру многокомпонентной и допускает, что в разных частях ее ареала могли употребляться угорский, самодийский и кетский языки. Близкой позиции придерживается В.А. Могильников [1983, с. 83], который отмечает, что «наиболее вероятным принято считать рассмотрение ареала кулайской культуры областью расселения самодийцев и угро-самоедов, не отрицая полностью присутствия здесь также и кетского этноса». Л.А. Чиндина [1984, с. 172] в монографической работе, посвященной кулайской культуре (общности), ее генезису и трансформации, признает многокомпонентность кулайской культуры (общности), но определяет самодийский компонент как основной в ее сложении.

На современном этапе изучения кулайской культурно-исторической общности ставится под сомнение вывод о миграциях «кулайцев» с территории Нарымского Приобья в Сургутское и Нижнее Приобье, а также вопрос о преимущественной моноэтничности этого культурного образования. Открытие ранних кулайских памятников в Сургутском Приобье, Нижнем Приобье, в бассейне Конды позволили Ю.П. Чемякину сделать вывод о местном генезисе древностей кулайского облика. На материалах Сургутского и Нижнего Приобья удалось проследить переход от кулайских памятников к карымским и далее, вплоть до XVI в. Последние в литературе трактуются как угорские, прахантыйские. Опираясь на эти материалы, Ю.П. Чемякин высказал мнение, что, по крайней мере, в западной части ареала кулайское население являлось угорским или, точнее, было «одним из компонентов (основным?), на основе которых формировался обско-угорский или прахантыйский этнос». Поэтому в одних кулайских ареалах могли обитать угры, а в других – самодийцы. Соответственно, «вопрос об этнической принадлежности племен кулайской общности следует заменить на вопросы об этнической принадлежности создателей ее локальных вариантов» [Чемякин, 2001а, с. 212–213; 2001б, с. 81–83].

Наибольшее число гравировок выявлено в Среднем и Нижнем Приобье. Памятники, на которых найдены рисунки на металле, соотносят с древними уграми или угро-самодийцами [Чемякин, 1999, с. 264–265]. В данной работе рассматриваются бляхи и зеркала, происходящие из Истяцкого клада и из коллекции Ханты-Мансийского музея. Вещи из коллекции Ханты-Мансийского музея В.Н. Чернецовым [1953а, с. 150] были отнесены к усть-полуйской культуре, формирование которой он связывал с приходом на север угорских групп [Чернецов, 1953б, с. 238]. Сейчас ханты-мансийские зеркала чаще рассматриваются в рамках нижеобского (усть-полуйского) варианта кулайской культурно-исторической общности [Чемякин, 1999, с. 264]. Точка зрения

о самостоятельной усть-полуйской культуре (общности) поддерживается М.Ф. Косаревым, который признает безусловную родственность усть-полуйской и кулайской культурных общностей, что проявляется в значительной близости керамической посуды, производственного и культового инвентаря, орнаментации. Однако, по его мнению, «не следует преувеличивать роль кулайцев в сложении усть-полуйской культуры... сходство усть-полуйской и кулайской культур (общностей) в большей мере предопределено не их взаимодействиями, а общим этнокультурным генофондом, сложившимся на поздних этапах бронзового века» [Косарев, 1993, с. 172–173].

Истяцкий клад (культовое место) расположен у северной границы Среднего Прииртышья. Он был обнаружен в 180 км от Тобольска «по почтовой дороге из Тобольска в Омск». В.Н. Чернецов отнес его к тем памятникам, которые располагались за пределами распространения усть-полуйской культуры, но находились в какой-то связи с ней. Он считает, что Истяцкий клад дает ценнейший материал для изучения истории религиозных представлений угров [Чернецов, 1953а, с. 150, 162–171]. Этот клад до сих пор вызывает дискуссии по поводу датировки и культурной принадлежности. При всем разбросе в предлагаемых датах время его создания не выходит за пределы существования кулайской общности. Гравировки на бляхах сопоставимы с кулайскими гравировками на металле из Сургутского и Нижнего Приобья (исключая изображение всадников) [Чемякин, 2013, с. 384].

В определении этнической принадлежности населения, оставившего саргатскую культуру, также нет единства. Часть авторов (В.Ф. Генинг, Л.Н. Корякова, В.А. Могильников) разделяют точку зрения В.Н. Чернецова об угорской принадлежности, отмечая в то же время присутствие определенных иранских элементов [Степная полоса, 1992, с. 293]. Формирование саргатской культуры происходит в VII–VI вв. до н.э. на основе двух компонентов периода поздней бронзы – южного степного, представленного памятниками саргаринской культуры, и северного лесостепного, характеризуемого памятниками розановского типа на Иртыше и карьковского на Ишиме. В Барабинской лесостепи в качестве субстратного элемента участвовало население ирменской культуры, а саргаринская выступала в качестве суперстрата [Степная полоса, 1992, с. 308]. Следует особо отметить, что в формировании как саргаринской, так и ирменской культуры активно участвовало андроновское население, индо-иранская принадлежность которого признается практически всеми исследователями. В связи с этим представляет интерес точка зрения Н.П. Матвеевой на происхождение полиэтничности саргатской культуры. Истоки полиэтничности, по ее мнению, обусловлены сочетанием оседлого и кочевого укладов жизни саргатского населения. Элементы кочевого уклада она связывает с восточно-иранским сако-сарматским миром степей и культурой знати, а признаки оседлости – с предшествующими культурами скотоводов и земледельцев эпохи бронзы и начала раннего железа. Именно этот, связанный с оседлостью уклад являлся субстратным для данной общности и отражал более глубокое древнеиранское происхождение основного культурного компонента. Появление угорских и самодийских черт в саргатской культуре она связывает с включением в состав саргатской общности новых территорий, подчинением других (угорских и самодийских) народов, взаимобрачными контактами [Матвеева, 2000, с. 223–224].

По-видимому, в ходе взаимодействия саргатского и кулайского населения в западной части кулайского ареала происходит формирование сложного мировоззренческо-

го комплекса, угорского в своей основе, но включающего элементы древнеиранских мифологических представлений, что, в частности, нашло отражение в гравировках на бронзовых зеркалах и бляхах.

В данной работе сделана попытка рассмотрения мифологических образов на гравировках в плане сопоставления обско-угорской и иранской традиций, так как наличие иранских черт и их устойчивое сохранение в культуре обских угров неоднократно отмечалось многими исследователями.

Образ мифической птицы на гравировках раннего железного века и представления о Фарре

В обско-угорской мифологии имеется чрезвычайно интересный образ гигантской хищной птицы, которая известна по фольклорным материалам как «крылатый Карс», или «небесный Карс». В мансийском фольклоре образ мифической птицы Карс связан со сказками об Эква-пырище (Эква-пырищ – это сказочное имя Мир-суснэ-хума). На озере или на море, иногда на море с горячей водой, растет гигантская лиственница. На ее вершине находится гнездо четырех крылатых Карсов. В основании гнезда живет «Не Имеющая Сердца и Печени Железная Лягушка». Когда оба Карса улетают за пищей для детей, лягушка взбирается в гнездо и грызет крылья птенцов, поэтому они не могут научиться летать. В воде, окружающей дерево, живут водяные существа *lilij sossal* – «живые *sossal*». В.Н. Чернецов полагал, что *sossal* – «водяные чудовища, представляющиеся не то в виде змей, не то в виде ящеров». Б. Мункачи переводит это слово как «ящерица- или драконоподобное животное». *Sossal* враждебны Карсу, и если он попадает в воду, они пожирают его [Чернецов, 1947, с. 117]. Карсы питаются тем, что уносят людей из близлежащего городка. Эква-пырищ взбирается на лиственницу и убивает железную лягушку. В благодарность за спасение птенцов Карс отказывается в дальнейшем есть человеческое мясо, переносит героя на своей спине через море в городок. В тексте, записанном С.К. Паткановым, крылатый Карс переносит на своей спине героя из нижнего мира в верхний [Чернецов, 1947, с. 117, 131–134].

В.Н. Чернецов отмечал, что мифы о Карсе нашли свое отображение также в изобразительном искусстве обско-угорского населения. Он считал, что на металлических зеркалах раннего железного века, одно из которых происходит из Истяцкого «клада» (рис. 1.-1), а другое – из коллекции Ханты-Мансийского музея, запечатлен образ этой мифической птицы: «Карс изображен в виде хищной птицы, выполненной достаточно реалистично. Выделяет его необычайная форма головы, увенчанной тремя остроконечными зубцами, обозначающими, по А. Спицыну, особое дарование или силу». По мнению В.Н. Чернецова [1947, с. 119, рис. 1], на истяцком зеркале Карс изображен нападающим на змее- или ящероподобное существо.

Второе зеркало, на которое ссылался В.Н. Чернецов, происходит из Ханты-Мансийского музея (рис. 1.-2). Это зеркало имеет еще более сложную композицию, состоящую из четырех ярусов и насчитывающую тринадцать разнообразных фигур. Наиболее насыщен сюжетно и семантически верхний ярус, где в шеренгу располагается шесть антропоморфных и антропозооморфных фигур. Справа шеренгу замыкает изображение в фас птицы с человеческой фигурой на груди. Голова птицы увенчана тремя (может быть, двумя – непонятно из-за повреждения поверхности зеркала) остроконечными зубцами [Приступа и др., 2002, с. 80–81]. По мнению В.Н. Чернецова, в этом изображении можно видеть «Карса в роли переносчика героя» [Чернецов, 1947, с. 119,

рис. 2]. В более поздней работе эта орнитоморфная фигура определяется им как «орел с тройным теменем, что указывает на его силу», а шеренги фигур, выгравированные на зеркалах, из Ханты-Мансийского музея, по мнению исследователя, «отображают танцы, которые предки исполняют, появляясь во время периодических и спорадических празднеств» [Чернецов, 1971, с. 92].

Помимо охарактеризованных выше двух гравированных изображений мифической птицы, приведенных в статье В.Н. Чернецова [1947, с. 118–119], можно добавить еще одно. Оно выгравировано на другом зеркале из коллекции Ханты-Мансийского музея, где в верхнем ярусе представлена шеренга из семи антропоморфных фи-

Рис. 1. Бронзовые блины и зеркала с гравировками: 1 – Истяцкий клад [Чернецов, 1947, рис. 1]; 2, 3 – из коллекции Государственного музея природы и человека, г. Ханты-Мансийск [Приступа, Стародумов, Яковлев, 2002, с. 80; Федорова, 2014, рис. 3] (1, 2 – без масштаба)

гур (рис. 1.-3). Как и на рассмотренном выше зеркале из этой коллекции, справа шеренгу замыкает изображение птицы с человеческой личиной на груди, голова которой увенчана тремя остроконечными зубцами [Приступа и др., 2002, с. 54–55]. Изображение этой птицы на рисунках в статьях В.Н. Чернецова [1953а, табл. XIII.-2; 1971, рис. 55.-1] не имеет человеческой личины. Возможно, именно поэтому он определял данную фигуру как филина [Чернецов, 1971, с. 92], с чем сложно согласиться. Иконография этого образа (три остроконечных зубца, антропоморфная фигура/личина на груди) и место в шеренге фигур (крайняя справа) позволяют предполагать, что здесь представлен тот же самый персонаж, что и на первом зеркале из Ханты-Мансийского музея. Для идентификации изображения мифической птицы решающее значение имеют три остроконечных зубца, венчающие ее голову, что будет показано в ходе дальнейшего изложения.

В.Н. Чернецов считал, что образ Карса в фольклоре обских угров возник не конвергентно, а в тесной связи с соответствующим циклом индо-иранских мифов, и сопоставляет его с индийским Гарудой и иранским Сенмурвом. С Гарудой сходство проявляется в том, что Карс имеет человеческую голову и руки, а с Сенмурвом – в том, что выполняет роль переносчика героя через море или из одного мира в другой, причем здесь обнаруживается совпадение даже в деталях. Сколько бы пищи для кормления птицы в дороге ни было заготовлено, ее не хватает к концу перелета, и герой вынужден отрезать куски своей ноги и скармливать их Карсу. Но при прилете на место Карс возвращает их герою и залечивает раны [Чернецов, 1947, с. 118].

Рассмотрим индийский и иранский образы мифических птиц более подробно. С индийской традицией связан образ гигантской птицы Гаруды, причем устойчивым мотивом является ее борьба со змеями [Бонгард-Левин и др., 2014, с. 95]. В фольклорной традиции обских угров отсутствует мотив борьбы Карсов с хтоническими противниками. Более того, гигантские птицы бессильны перед железной лягушкой, которая грызет крылья их птенцов. По-видимому, в угорской фольклорной традиции первостепенная роль отводилась характеристике образа мирового дерева, представленного в виде огромной лиственницы посреди горячего моря, которая «сучьев не имеет, глазков (неровностей на коре) не имеет». Гнездо Карсов, находящееся на вершине дерева, маркирует, соответственно, верхний мир, тогда как железная лягушка и другие существа, живущие в воде у корней дерева и враждебные птицам, являются олицетворением нижнего мира.

Мотив связи мифической птицы с мировым деревом (мировой горой) характерен прежде всего для иранской птицы Саэна-Сенмурва-Симурга. Самые ранние упоминания этой птицы встречаются в Авесте – в Яштах и Вендидаде, где имеется словосочетание *saēnō tərəyo* (например, Яшт 14. 41). А.Е. Бертельс отмечает, что это словосочетание можно приблизительно перевести, опираясь на словарь Х. Бартоломе, как «название какой-то большой хищной птицы, очевидно орла». В среднеперсидском языке это словосочетание получает форму *sēnīturv*, в новоперсидском – *Симург*. Авестийская форма *saēnō* сопоставляется у Х. Бартоломе с древнеиндийским *śyena* – «орел, сокол» [Бертельс, 1997, с. 123–124].

Отличительной чертой иранской птицы Саэна-Сенмурва-Симурга является ее связь с целительством. Птица Саэна «Авесты» сидит на вершине «всеисцеляющего» дерева (Яшт 12. 17). Более подробная картина окружения птицы Саэна-Сенмурва со-

держится в среднеперсидском тексте «Менок и храт» (гл. 62, 37–42), датированном концом VI в. н.э. [Тревер, 1937, с. 11] или IX в. н.э. [Бертельс, 1997, с. 167]. А.Е. Бертельс [1997, с. 167] считает, что данное описание основано на не дошедших до нас более ранних текстах. О Симурге говорится в поэме Фердоуси «Шах-намэ». Несмотря на то, что многие мотивы древних преданий в этой поэме уже приобрели более реальную окраску, образ Симурга сохранил характерные черты мифической птицы древних ариев. Он обитает на высокой горе, недоступной ни для зверя, ни для человека. Эта огромная птица сравнивается с «крылатой горой» [Бонгард-Левин и др., 2014, с. 97–98]. В «Шах-наме» Симург упоминается прежде всего в связи с его чудесной способностью к исцелению. Целительные способности Симурга во многом связаны с чудодейственными свойствами его перьев. Если в лечебную смесь добавить истолченное перо Симурга, то сень его Фарра сотворит чудо. Как отмечает А.Е. Бертельс [1997, с. 239], «Симург в «Шах-наме» – носитель *фарра*, счастья и божественной помощи, сияния над головой, духовного пламени (его перья, сгорая, спасают), изображенного на десятках миниатюр не в виде нимба христианских икон, а в виде устремленных ввысь языков огня...».

Гравированные изображения на бронзовых зеркалах раннего железного века важны тем, что достаточно отчетливо передают те главные свойства мифической птицы, которые весьма смутно отразились в сказаниях о Карсе. Речь идет о трех остроконечных зубцах на голове птицы, которые, по-видимому, следует трактовать как изображение Фарра – счастья и божественной помощи, сияния над головой, что на иранских миниатюрах было представлено в виде устремленных ввысь языков огня и носителем которого выступала иранская птица Симург.

В мансийском сказании сохранились следы представлений о чудодейственных свойствах перьев мифической птицы. После того, как Карс помог Эква-пырищу справиться с трудными поручениями и получить в жены дочь старика-богатыря, птица просит героя забрать у мамонта-старика три своих маховых пера: «...те мои (перья) если бы при мне были, таким сильным стал бы, эта священная земля при моем передвижении на другую сторону перевернулась бы!» [Чернецов, 1947, с. 133–134].

Однако в обско-угорском фольклоре связь птицы Карс с целительством практически не прослеживается, за исключением сюжета об излечении Эква-пырища от ран после перелета. Но к излечению болезней причастен сам Эква-пырищ, которому она покровительствует, выступая в роли духа-помощника. Эква-пырищ, пройдя испытания, становится Мир-сусне-хумом – «наблюдающим за миром человеком» и выполняет роль посредника между людьми и богами [Карьялайнен, 1995, с. 145]. Он помогает излечению болезней и является подателем счастья, успеха и здоровья [Гондатти, 2000, с. 411–412; Карьялайнен, 1995, с. 145]. Принося жертвы Мир-сусне-хуму, манси были уверены, что он обязан защищать человека от болезней. К нему обращались со следующим призывом: «Для того тебя произвел твой отец золотой Кворыс, чтобы ты защищал душу моей дочери, моего сына. Ночью умоляем тебя со слезами, днем умоляем тебя со слезами: защити нас от болезни. Если заболит женщина, вылечи ее, если заболит мужчина, вылечи его! Золотой князь, золотой человек, об этом тебя просим, об этом тебя умоляем» [Гемуев, 1990, с. 184].

Функции Мир-сусне-хума, связанные с покровительством здоровью и благополучию в семье, могут быть также объяснены его причастностью к шаманской практике.

Этот бог покровительствует шаманам. Он выслушивает просьбы камлающих в темных чумах шаманов [Гондатти, 2000, с. 411]. Более того, шаманский дар, по представлениям манси, человек получал непосредственно от Мир-сусне-хума [Гемуев, 1990, с. 192–193]. Борьба с болезнями является одной из основных функций сибирских шаманов.

М.Ф. Косарев полагает, что «пик» обско-угорского шаманства совпал со временем существования кулайской, усть-полуйской (V в. до н.э. – IV в. н.э.), релкинской, подчевашской, оронтурской (около VI–IX вв. н.э.) культур, что подтверждается необыкновенным расцветом в те времена богатого и колоритного медно-бронзового литья с ярко выраженными «шаманскими» семантическими сюжетами [Косарев, 2003, с. 302]. Однако в рассматриваемой серии гравировок «шаманские» семантические сюжеты не выражены с достаточной очевидностью. Тем не менее можно наметить некоторые пути сопоставления, учитывая контекст обнаружения культовых металлических дисков.

Истяцкий клад был найден крестьянином при строительстве дороги, который «лопатой натолкнулся на медную большую кастрюлю (вероятно, скифский котел), возле которого стояли два железных колпака (шлемы), а в них лежали кружки (диски). В одном колпаке лежал «ангел» (серебряный барельеф). Кроме того, возле кастрюли было старое железное копье...» [Чернецов, 1953а, с. 162].

А.А. Спицын [1906, с. 47–48] связывал этот клад с шаманской практикой: «В обшесте, бляхи, видимо, не представляют каких-либо определенных сцен, но так как они найдены сложенными в шлем, составляющем, вероятно, головной убор шамана, то их набор чрезвычайно любопытен и, надо полагать, полон».

Несколько иную интерпретацию этой находке дал В.Н. Чернецов. Он обратил внимание на наличие в составе клада гравированных изображений всадников, в которых исследователь видит отображение образа Мир-сусне-хума. Более того, весь клад он рассматривает как святилище, посвященное этому «небесному всаднику»: «Характерно, что здесь у южного края полосы лесов мы находим его святилище с неизменными мифологическими атрибутами – изображением небесной солнечной птицы – Карса, в обстановке фратриальной борьбы верхнего и нижнего миров. Характерно, что именно здесь, в истяцком святилище, мы обнаруживаем копье и конические шлемы – атрибуты, необходимые для одевания небесного всадника во время священных танцев, и металлические диски, символизирующие в обрядах солнце» [Чернецов, 1953а, с. 165].

Воинственные фигуры на средневековых «восточных» серебряных блюдах и представления о Фарре

По-видимому, на территории Западной Сибири представления о Фарре оказались достаточно устойчивы, но форма выражения этой идеи со временем менялась. Некоторую информацию об этом содержат раннесредневековые гравированные изображения на «восточных» серебряных блюдах, происходящих из с. Больше-Аниковская, Кодского городка, из с. Слудка, из собрания Национальной библиотеки в Париже, из коллекции Г.С. Строганова [Спицын, 1906, рис. 5, 7, 9, 14, 15; Федорова, 2014, рис. 5]. На этой посуде выгравированы воины с клинковым оружием в обеих руках, ступни их ног развернуты во внешнюю сторону, головы увенчаны короной с тремя островерхими зубцами. А.А. Спицын дает им следующую характеристику: «Воинственные фигуры.

Наиболее частые изображения. Фигуры эти обнажены, исключительно мужские, снабжены поясами и саблями в виде ножей, всегда в позе воинственного танца, живо напоминающего шаманские движения. Главная их особенность – голова о три высоких темени, вероятно, для обозначения особенного дарования или силы» [Спицын, 1906, с. 31]. Представляет интерес наблюдение А. Спицына относительно изображений на серебряном блюде из с. Слудка (рис. 2). Он разделяет изображения воинов на две серии. К первой он относит пять воинственных фигур обычного типа (ступни в стороны, сабли в обеих руках, три островерхих зубца над головой), ко второй – три изображения, у которых ступни развернуты внутрь носками, руки сложены на животе или расставлены, в руках нет сабель, нет трех островерхих выступов над головой, темя у всех заменено острыми лепестками орнамента блюда [Спицын, 1906, с. 44, рис. 7]. На сасанидском серебряном блюде из собрания Национальной библиотеки в Париже сходные гравировки нанесены на обе стороны блюда (рис. 3). На одной стороне изображены три воинственных фигуры и семь «мирных» того же типа, только на этот раз у «мирных» фигур голова имеет заостренную форму. На обратной стороне этого блюда изображены две крупные фигуры – воинственная и «мирная». Воинственная,

Рис. 2. Серебряное блюдо с гравировками из с. Слудка [Спицын, 1906, рис. 7]

как и положено, с саблями в каждой руке, ступни ног развернуты во внешнюю сторону, три остроконечных выступа над головой. Вторая фигура – без оружия, с повернутыми внутрь ступнями, без трех зубцов над головой [Спицын, 1906, с. 46, рис. 14, 15]. Такое подчеркнутое противопоставление излишне воинственных фигур невоинственным, повторенное на гравировках не один раз, безусловно, свидетельствует о его зна-

Рис. 3. Блюдо из собрания Национальной библиотеки в Париже:
1 – внешняя сторона; 2 – внутренняя сторона [Спицын, 1906, рис. 14, 15]

чимости. Группу воинственных фигур можно рассматривать как носителей победы, воплощением которой являлась корона из трех островерхих выступов над головой. По-видимому, венец из трех зубцов как символ Фарра, с которым ранее изображалась мифическая птица на гравированных дисках раннего железного века, в более позднее время становится атрибутом воинов и также выступает как воплощение божественного огня, на этот раз – спутника победы. Соответственно, группа фигур, лишенная оружия, Фарра над головой, с повернутыми внутрь ступнями воплощала, по-видимому, поверженных противников.

Другой своеобразной чертой, встречающейся на подобных гравировках (блюда из Кодского городка, из с. Слудка), является то, что одна из фигур воинственного типа в короне из трех зубцов занимает центральное место в композиции и отличается от остальных заметно более крупными размерами.

Учитывая достаточно сильное влияние иранской традиции на территории распространения гравированных блюд, можно предположить, что местное население с помощью подобных иконографических приемов передавало образ божества Войны и Победы, носителя Фарра/Фарна, наподобие иранского Вэртагны или, может быть, Митры.

В «Авесте» Хварно (среднеперсидское *Фарр, Фарн*) в виде летящего огня связан с образом Митры. В «Михр-яште» говорится (Яшт 10. 127): «А спереди от Митры / Летит Огонь горящий / Который Хварно Кавъев» [Авеста, 1998, с. 304]. Как отмечает В.Н. Топоров [1997, с. 557], Хварно здесь выступает спутником победы, явившимся в виде сияющего огня.

С Митрой воинственный персонаж сближает также танцевальная поза. Военные танцы, посвященные Митре, имеют достаточно глубокие корни. При Ахеменидах и, видимо, при их предшественниках Дейокидах главный праздник Ирана назывался Mithrakina. По ходу праздника царь после символической победы над силами зла в состоянии ритуального опьянения исполнял национальный воинский танец в боевом облачении. Ритуал Mithrakin'ы должен был сопровождаться исполнением какого-то варианта «Михр-яшта». Этот праздник справлялся в Иране в день осеннего равноденствия. Аналогичный ритуал отмечен в греческой традиции: Зевс праздновал победу над титанами пляской в тот же день осеннего равноденствия [Лелеков, 1979, с. 178]. Подобные танцы с оружием являются одной из характерных черт культуры обских угров. Наиболее ранние и подробные описания этого обряда у остяков (хантов) сделаны М.А. Кастреном [1858, с. 308–309]. Он приводит сведения двух очевидцев этого празднества, один из них описывает ритуал, который длится одну ночь, другой сообщает о десяти ночах. Описания очень близки и отличаются лишь второстепенными деталями. Ведущую роль в них играет шаман. В первом варианте шаман раздает каждому мужчине саблю или копье, а сам берет в каждую руку по сабле и в ходе танца ударяет их одна о другую. Во втором варианте шаман танцует с оружием перед идолами в первую ночь, во вторую ночь танцуют два остяка, в третью – три и т.д. Немаловажным в плане сопоставления с иранским ритуалом является сообщение М.А. Кастрена [1858, с. 308–310], что этот «самый торжественный из... праздников бывает осенью». Сходство проявляется также в том, что во время посвященных Мир-сусне-хуму праздников ханты в течение семи ночей подряд рассказывали истории о военных подвигах этого божества [Яшин, 1997, с. 48].

Исследователи неоднократно сравнивали этнографически зафиксированные у обских угров танцы с оружием и воинственные мужские «танцующие фигуры», процарапанные на средневековых серебряных блюдах «восточного» происхождения. А.И. Соловьев [1987, с. 119] считает, что ритуальные танцы с оружием предстают на территории Западной Сибири в законченном, сформировавшемся виде ко второй половине I тыс., но истоки этого культа следует искать гораздо раньше. По мнению Ю.А. Плотникова, следует признать очевидным существование обряда танцев с оружием, начиная как минимум с эпохи раннего железа. Он полагает, что «оружейные клады» эпохи средневековья являлись остатками святилищ, где практиковались обряды воинственных плясок, посвященных Мир-сусне-хуму [Плотников, 1987, с. 128–131].

М.Ф. Косарев полагает, что у обских угров в ритуальных военных плясках шамана с мечами (или саблями) и в использовании вместо шаманской шапки военного шлема проявлялось совмещение богатырской (княжеской) и шаманской функций. Некоторые остяцкие богатыри носили двойной титул – тонх-урт, где тонх – высокопоставленное культовое лицо, урт – князь, богатырь. Причем теократические амбиции исходили не от шаманов, а от богатырей (князьцов, вождей), стремившихся к монополизации всех сфер власти [Косарев, 2003, с. 243].

Мир-сусне-хум и представления о Фарре

Исследователи выделяют две стороны в образе Фарна/Фарра – военную и мирную [Литвинский, 1968, с. 86]. Ф. Грене [1993, с. 158] отмечает, что Хварно был покровителем удачи как «в мирской жизни, так и в военном деле». Фарном могли владеть не только божественные персонажи, но и люди, для которых он обычно воплощается в богатстве (Яшт 10. 8; Ясна 60. 2, 4), доме, жене, детях, скоте, здоровье (Яшт 15. 56). Известна формула пожелания Фарна для сохранения здоровья в поздних зороастрийских текстах. Фарн выступает и как добрый дух – охранитель дома. Большой объем представлений, связанных с Фарном, сохранился у осетин, этногенез которых связан со скифо-сармато-аланской средой, где, как считает Б.А. Литвинский [1968, с. 74], Фарн был исконным, незаимствованным божеством. Так, у осетин есть пословица: «Тише, не забывай о Фарне дома». В осетинском свадебном обряде при введении жениха в дом шаферы возглашают: «Фарн шествует!», – поются свадебные песни Фарна [Топоров, 1997, с. 557]. В.Ф. Миллер [1886, с. 248] отмечает, что «в осетинском языке *фарн* – значит: мир, счастье, обилие, *фарнаг осä* = приносящая счастье жена; имя Фарнуг встречается в осетинских обрядовых текстах, а сложное имя Бурäфарнуг служит душевным приветствием или пожеланием счастья: Бурäфарнуг ссу – стань Бурафарынгом, то есть будь богат и счастлив». Как считает В.И. Абаев [1949, с. 71], осетины понимают Фарн как «высшее благо мирного времени», а именно «мир, тишина, благополучие, преуспеяние».

При рассмотрении обрядовой практики и представлений, имеющих отношение к образу Мир-сусне-хума, обращает на себя внимание следующая особенность. С одной стороны, он считался самым воинственным среди обско-угорских божеств, ему приносили в жертву белого коня и лучшее оружие. С другой стороны, особенно значимыми считаются функции Мир-сусне-хума, связанные с прочностью, стабильностью дома и семьи. Именно с этим богом как высшим покровителем семьи связано изготовление обскими уграми священных покрывал ялпын-улама, на которых изобра-

жался сам Мир-сусне-хум в виде всадника. Каждому этапу в жизни семьи соответствовал определенный вид ялпын-улама. Первое покрывало изготавливали сразу после женитьбы или после рождения первого ребенка. Оно было четырехпольным. Второе, шестипольное, изготавливали «в середине жизни». Последний – «великий алпын из семи частей» – изготавливался после женитьбы старшего сына или после рождения внуков. Когда ялпын-улама был готов, устраивали кровавое жертвоприношение, где в качестве жертвы фигурировали олень, конь, петух (кураца). Объясняя потребность в изготовлении священных покрывал, информаторы называли следующие причины: «Ялпын делают для укрепления дома и семьи»; «Ялпын если не делать – ребяташки заболеют, чтобы здоровые были это делают». Изготовление покрывал было связано с главой семьи, хозяином дома, после его смерти ялпын-улама больше не изготавливали [Гемуев, 1990, с. 184–194].

Однако даже по отношению к дому и семье покровительство Мир-сусне-хума не являлось всецело мирным. На последнем этапе жизни мужчины, после того, как были сделаны три ялпын-улама, изготавливались «богатырские» шлем и пояс, которые инкрустировались изображениями Мир-сусне-хума. К этому времени мужчина, прожив достойную жизнь, должен был, женив сыновей, дождаться внуков и стать в ряд наиболее уважаемых членов общества, «“приблизившись” тем самым к эталону богатырского бытия». Как отмечает И.Н. Гемуев, «приходится признать неоднозначность ситуации». С одной стороны, «объектом поклонения в данном случае являлся достаточно абстрактный богатырь, точнее – богатырская сущность мифического предка». С другой – «“богатырский”... слой религиозного сознания перекрывается “угорским митраизмом”: богатырь облачен в одежды, отмеченные символикой Мир-сусне-хума» [Гемуев, 1990, с. 196–197].

Сочетание таких несочетаемых функций в образе Мир-сусне-хума, как война, с одной стороны, и покровительство дому, семье и здоровью – с другой, возможно, являются свидетельством существовавших когда-то представлений о том, что это угорское божество, имеющее иранские корни, выступало носителем Фарна. Можно высказать предположение, что у разных народов в различных текстах (обрядовых, фольклорных, изобразительных) на передний план могли выступать разные ипостаси образа Фарна. Для авестийского Митры, вероятно, наиболее значима была военная функция, у осетин – мирная, связанная с охраной дома и семьи, у обских угров, возможно, опосредованно, через образ Мир-сусне-хума, нашли отражение отголоски представлений как о военной, так и о мирной ипостаси Фарна. Однако мирная ипостась Мир-сусне-хум, его покровительство здоровью и благополучию в семье может быть объяснена также его причастностью к шаманской практике.

Представляет интерес точка зрения М.Ф. Косарева, который допускает, что в период перехода к средневековью или даже несколько ранее в обско-угорской среде существовали параллельно две системы верований: шаманская и зороастрийская в ее упрощенной митраистской форме. Первая (шаманистская) господствовала в основном в простонародье, вторая (митраистская) – в элитарной богатырской верхушке, хотя как у первых, так и у вторых мог иметь место определенный мировоззренческий синкретизм. В героические периоды мировоззренческое кредо элитарной военной касты в значительной мере подавляло традиционные верования [Косарев, 2003, с. 308].

Библиографический список

- Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М. ; Л : Изд-во АН СССР, 1949. Вып. 1. 608 с.
- Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб. : «Журнал Нева», «Летний Сад», 1998. 480 с.
- Бертельс А.Е. Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV веков (Слово, изображение). М. : Восточная литература, РАН, 1997. 422 с.
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. Древние арии: мифы и история. От Скифии до Индии. СПб. : Алетей, 2014. 224 с.
- Гемуев И.Н. Мироззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск : Наука, 1990. 232 с.
- Гондатти Н.Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири // Выдающиеся губернаторы Тобольские и Сибирские. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. С. 404–443.
- Грене Ф. Знание Яштов Авесты в Согде и Бактрии по данным иконографии // Вестник древней истории. 1993. №4. С. 149–159.
- Карьялайнен К.Ф. Религия угорских народов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. 2. 284 с.
- Кастрен М.А. Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838–1844 г. // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. СПб., 1858. Вып. IV. С. 219–320.
- Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М. : Наука, 1974. 220 с.
- Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири: общая историко-культурная концепция. М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. 283 с.
- Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М. : Ладога-100, 2003. 352 с.
- Лелеков Л.А. Ранние формы иранского эпоса // Народы Азии и Африки. 1979. №3. С. 173–188.
- Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе : Дониш, 1968. 120 с.
- Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск : Наука, 2000. 395 с.
- Могильников В.А. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 77–89.
- Миллер В.Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Окт. С. 232–283.
- Плотников Ю.А. «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1987. С. 120–135.
- Приступа О.В., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А. Окно в бесконечность. Бронзовые зеркала раннего железного века. Томск : ГалаПресс, 2002. 88 с.
- Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск : Наука, 1987. 193 с.
- Спицын А.А. Шаманские изображения // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1906. Т. VIII, вып. 1. С. 29–145.
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. 494 с.
- Топоров В.Н. Фарн // Мифы народов мира. М. : Советская энциклопедия, 1997. Т. 2. С. 557–558.
- Тревер К.В. Сэнмурв-Паскудж, собака-птица. Л. : Государственный Эрмитаж, 1937. 74 с.
- Федорова Н.В. Рисунки на металле: графическое искусство населения севера Западной Сибири и Предуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №1. С. 90–99.
- Чемякин Ю.П. Гравировки на металлических изделиях эпохи раннего железа Западной Сибири // Обские Угры. Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 1999. С. 264–265.
- Чемякин Ю.П. К вопросу о миграциях населения кулайской культуры // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001а. С. 212–213.
- Чемякин Ю.П. «Кулайцы» – обские угры или самодийцы? // Самодийцы. Культурное наследие народов Западной Сибири. Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2001б. С. 81–85.
- Чемякин Ю.П. Культурная металлопластика раннего железного века Сургутского Приобья // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Вып. 3. С. 372–386.

Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 1. М. ; Л., 1947. С. 113–134.

Чернецов В.Н. Бронза Усть-Полуйского времени // Материалы и исследования по археологии СССР. М. : Изд-во АН СССР, 1953а. №35. С. 121–178.

Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // Материалы и исследования по археологии СССР. М. : Изд-во АН СССР, 1953б. №35. С. 221–241.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. М. : Наука, 1971. 120 с. (САИ. Вып. В 4–12).

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.

Чиндина Л.А. Кулайская культура // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: материалы к энциклопедии Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 78–81.

Яшин В.Б. Еще раз об митраических истоках культа Мир-сусне-хума у обских угров // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 44–52.

S.V. Sotnikova

**ENGRAVED DRAWINGS ON DISCOID OBJECTS
OF THE EARLY IRON AGE AND THE MIDDLE AGES
IN THE LIGHT OF THE INDO-IRANIAN PARALLELS
(on materials of the Ural-Siberian region)**

Engraved drawings presented on the discoid objects of the Early Iron Age and the Middle Ages. They originate from the so-called «treasures», known in the territory of the taiga zone of Western Siberia. The appearance of the engravings belong to the time around the II century BC. These things, which were imported, functioned among the taiga population. They didn't use them according to their main function. On the surface of mirrors the mythoritual characters were engraved, and they were used as objects of cult rituals.

The article is devoted to the interpretation of mythological images and the engravings. For the solution of this task, the author compares the images with folklore traditions of the Ob Ugrians. The next step is the consideration of the engravings in view of the Indo-Iranian parallels. The main attention is paid to the detection of the mythological images associated with Farr. Farr was the embodiment of the divine help, the effulgence over head. In Iranian, and, probably, in Ugric tradition it was presented in the form of tongues of fire. On the engravings of the Early Iron Age the drawing of Farr was associated with the image of a mythical bird with three pointed prongs on the head, on medieval engravings – with the figure of a warrior in the crown of the three peaked prongs.

Keywords: Western Siberia, the Early Iron Age, the Middle Ages, engraved drawings, Ob-Ugric mythology, Iranian mythology.

ПОГРЕБЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ С АСТРАГАЛАМИ ИЗ НОВОПОКРОВКИ-2 (Нижнее Поволжье): «ИГРОКИ» ИЛИ МЕДИАТОРЫ?

Автор рассматривает погребения срубной культуры, где присутствовали наборы, включавшие астрагалы мелких копытных и другие артефакты, такие как суставные кости различных животных, булаву, оселок, кремни, наконечники стрел, фрагменты плетей, шило, пряслица, фрагменты духовых музыкальных инструментов, костяные трубки, «фишки», раковины моллюсков, зубы человека, гальки и т.д. Анализ 26 таких погребений и рассмотрение семантики находившихся в наборах артефактов позволили автору установить связь упомянутых наборов с культовой практикой, в частности с медитативной функцией. В соответствии с гипотезой автора, лица, в могилах которых помещались наборы, включавшие астрагалы и предметы-медиаторы, являлись не игроками в кости, а участниками обрядовых манипуляций. Они выполняли роль посредников между миром живых и миром мертвых (при жизни или после смерти). Нередко такими посредниками становились дети и подростки. Вероятно, они считались людьми, находящимися в промежуточном состоянии между жизнью и смертью. Астрагалы и кости других животных в контексте наборов символизировали адресованные богам или предкам жертвы либо кодировали обращенные к высшим силам просьбы людей о ниспослании обилия скота.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, срубная культура, погребения, астрагалы, семантика.

DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-04

– Что вы скажете об этой гипотезе?

– В ней все предположительно.

– Зато она увязывает все факты.

Когда нам станут известны новые факты, которые не уложатся в наше построение, тогда мы ее пересмотрим.

А. Конан Дойль. Желтое лицо

О таранных костях (астрагалах) мелких копытных (далее – МК)* из захоронений срубной культуры написано уже немало. Долгое время безраздельно господствовала точка зрения, согласно которой данные предметы являлись игральными костями [Мерперт, 1954, с. 113; Смирнов, 1959, с. 222; Зудина, 1998, с. 44; Прохорова, 2001, с. 163; Лопатин, 2010, с. 78; Васильева и др., 2012, с. 204; и др.]. Порой аналогичным образом трактовались и астрагалы из поселенческих комплексов культур бронзового века (см., например: [Кривцова-Гракова, 1947, с. 72, 125; Кравченко, 2011, с. 92]).

С принципиально иной идеей выступила И.Ф. Ковалева. По ее мнению, астрагалы использовались носителями срубной культуры для игр, но последние не являлись играми в современном смысле данного слова, а были связаны с гаданием. Лиц, погреб-

* В публикациях интересующие нас артефакты обычно фигурируют как астрагалы мелкого рогатого скота (далее – МРС), овец или баранов. Поскольку в большинстве случаев кости не были обработаны зоологами, термин «мелкие копытные» мы считаем более корректным. Дело в том, что среди таранных костей из захоронений могут присутствовать астрагалы свиньи, косули и сайгака, которые неспециалисту бывает трудно отличить от астрагалов мелкого рогатого скота. Еще труднее различать астрагалы овцы и козы.

бавшихся с астрагалами, И.Ф. Ковалева [1990, с. 67, 69] трактовала как «профессиональных гадателей, сопричастных культу и обслуживавшим его жрецам». С.В. Сотникова [2014], интерпретируя захоронения с астрагалами синташтинской, алакульской и некоторых других культур, предложила аналогичную гипотезу, в соответствии с которой подростки мужского пола в данных обществах «составляли особую социальную группу, связанную с миром сакрального через ритуал гадания или предсказания, имеющего форму игры в альчики» [Сотникова, 2014, с. 32]. Предположение об использовании астрагалов для гадания высказывали и другие авторы (см., например: [Зудина, 1998, с. 44; Антипина, Ольховский, 2000, с. 84; Панковський, 2007, с. 239; Ворошилова, 2008, с. 159; Гайдученко, 2011, с. 363; Гришук, 2013, с. 31]).

Мы, рассмотрев обширную сводку срубных захоронений с астрагалами МК и используя при ее осмыслении этнографические и фольклорные параллели, пришли к выводу, что с таранными костями погребали представителей «специализированной группы срубного жречества», которые принимали участие в ритуальных играх, имевших цель способствовать упрочению благополучия социума [Цимиданов, Чаур, 1997, с. 51–60]. Позже эта идея подверглась корректировке. Вместо термина «жрец» применительно к представителям срубного общества, погребавшимся с астрагалами, стал употребляться более корректный термин «служитель культа» [Цимиданов, 2001, с. 222–229]. Гипотеза, согласно которой в срубной культуре лица, похороненные с астрагалами, при жизни имели отношение к отправлению ритуальной функции, встретила поддержку у некоторых исследователей [Халяпин, 1998, с. 68; Привалова, 1999, с. 97; Дудин, 2009, с. 36; 2011, с. 18; Стрельник та ін., 2009, с. 44; Литвиненко, Усачук, 2011, с. 204; Гришук, 2013, с. 30–31; Рослякова, Косинцев, 2013, с. 211]. О роли астрагалов в «деятельности колдунов и жрецов» писала М.А. Изотова [2000, с. 121; 2006, с. 160]. Использование астрагалов МК в культовой практике племен эпохи бронзы допускалось и другими авторами [Горбов, Мимоход, 1999, с. 31; Антипина, Ольховский, 2000, с. 84; Мыськов, Лапшин, 2007, с. 26; Панковський, 2007, с. 239].

Помимо упомянутых выше гипотез, исследователи, занимающиеся изучением культур бронзового века, предлагали и другие: а) астрагалы были связаны с «магическими ритуалами, направленными на охрану и приумножение стада» [Кузьмина, 2000, с. 63]; б) астрагалы выступали как символы благополучия [Марков, 2002, с. 43]; в) астрагалы в контексте погребального обряда являлись символической заменой жертвенных животных [Ворошилова, 2008, с. 159; Нуралинова, 2008, с. 139] или эквивалентом животных, предназначенных умершему [Молодин, 2012, с. 173]; г) астрагалы предназначались для игр, приобщавших детей к миру взрослых [Усманова, 1992, с. 100]; д) с помощью астрагалов умерший мог «выиграть свое воскрешение» [Ворошилова, 2008, с. 159]; е) астрагал, помещенный в погребение, являлся символом удачи, своеобразным пожеланием успешного перехода в иной мир [Гайдученко, 2011, с. 364]; ж) астрагалы выступали в качестве оберегов [Гришук, 2013, с. 31; Сотникова, 2014, с. 26].

Как видим, спектр высказанных идей широк, причем в этнографии, фольклоре и письменных источниках можно найти доводы в защиту большинства из них. Поэтому лишь тщательный анализ археологических материалов с целью выявления определенных закономерностей способен показать, какие гипотезы являются более предпочтительными при интерпретации комплексов, включавших таранные кости МК. На наш взгляд, основания допускать, что в срубной культуре астрагалы использова-

лись в ритуальных манипуляциях и маркировали в погребениях статус служителя культа, являются достаточно вескими [Цимиданов, 2001, с. 222–228]. Но есть один нюанс, на котором заострил внимание В.А. Посредников. По его мнению, нашей гипотезе противоречит факт численного преобладания среди лиц, погребенных с астрагалами, детей и подростков [Посредников, 1998, с. 81].

А.И. Юдиным был предложен компромиссный подход. В соответствии с концепцией автора астрагалы без следов обработки (пришлифованных граней и знаков) и особенно наборы из большого числа астрагалов, выявленные в погребениях, «являются всего лишь принадлежностью для игры в бабки и вряд ли связаны с культовой практикой», а астрагалы «с обработкой и нанесенными числовыми символами» «могут указывать на какой-то социальный статус погребенного (возможно, и служителя культа)» [Юдин, 2009, с. 157].

Попытаемся разобраться в этой проблеме. А.И. Юдин, публикуя захоронения срубной культуры с астрагалами из могильника Новопокровка-2 (Саратовская обл., РФ) и привлекая для их интерпретации данные по другим погребальным комплексам Нижнего Поволжья, сделал следующие наблюдения:

1) в погребениях эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья, как и в более ранних культурах, астрагалы сопутствовали преимущественно детям и подросткам;

2) практически все погребения срубной культуры со «значительным количеством астрагалов (от пяти и более)» – детские или подростковые;

3) погребения детей и подростков, содержавшие астрагалы, как правило, не выделялись на фоне рядовых захоронений ничем, кроме присутствия в могилах таранных костей;

4) скопления астрагалов МК порой сопровождалась более тяжелыми, чем астрагалы, предметами – таранными и путовыми костями лошади, зубами крупного рогатого скота (ниже – КРС), ископаемой раковинной, костяным пряслищем, глиняным «колесиком», которые могли являться битками – непременным атрибутом многих игр в бабки [Юдин, 2009, с. 152–157].

Именно отталкиваясь от этих наблюдений, А.И. Юдин [2009, с. 157] и сделал вывод, что в срубной культуре астрагалы без обработки были принадлежностью игры. По мнению автора, умершие, которых погребали с большим количеством астрагалов, являлись при жизни игроками в кости [Юдин, 2009, с. 146]. Несомненно, логика в построениях исследователя есть. К тому же сделанные им наблюдения трудно оспорить. В частности, срубные захоронения Нижнего Поволжья, действительно, демонстрируют преобладание детей и подростков среди лиц, погребенных с астрагалами МК. Нами применительно к данному региону было учтено 61 захоронение срубной культуры с рассматриваемыми артефактами*, где был известен в тех или иных пределах возраст умерших. При этом 45 погребенных (73,8%) являлись детьми и подростками, трое – «молодыми» (4,9%) и 13 – взрослыми (21,3%). Добавим, что в шести случаях установлен пол умерших: четыре раза он был женским и два – мужским.

В 36,6% захоронений детей и подростков встречено пять и более астрагалов. Соответствующий показатель по захоронениям взрослых оказался даже несколько выше – 40,0% (четыре захоронения из 10, по которым есть данные о количестве астрагалов). Таким образом, в погребениях взрослых большое число таранных костей МК,

* К сожалению, ограниченный объем работы не позволяет привести список учтенных захоронений с соответствующими ссылками.

вопреки мнению А.И. Юдина [2009, с. 153], вовсе не является аномалией, т.е. корреляция большого количества астрагалов с детьми и подростками не вполне очевидна.

Захоронения, где астрагалы МК сопровождались другими артефактами, заслуживают углубленного рассмотрения. В Нижнем Поволжье таких комплексов нам известно четыре, и все они происходят из могильника Новопокровка-2. Нелишне кратко охарактеризовать данные захоронения.

В погребении-3 из кургана №1 подростка 8 лет сопровождали 39 астрагалов МРС, 24 – КРС, четыре – свиньи, позвонок животного, зуб животного, пять костяных трубочек (составные части флейты), керамическое «колесико» и кремневый отщеп [Юдин, 2009, с. 146–147].

В погребении-22 этого же кургана близ костяка подростка 10–12 лет находились один астрагал МРС, восемь астрагалов КРС, 17 – I и II фаланг МРС, 11 – I фаланг лошади, восемь – II фаланг лошади и костяное пряслице [Юдин, 2009, с. 147–148].

В погребении-5 кургана №3 при костяке подростка 8–10 лет выявлены 26 астрагалов МРС, восемь астрагалов свиньи, семь – КРС, два – лошади и четыре зуба коровы [Юдин, 2009, с. 149–150].

В погребении-5 кургана №4 близ костяка подростка 8 лет размещались 73 целых и обломки 4–6 астрагалов МРС, 14 астрагалов свиньи, створка раковины *Gryphaea vesicularis* и костяная трубочка [Юдин, 2009, с. 150–151].

Представляется, что для понимания перечисленных комплексов следует расширить сводку. За пределами Нижнего Поволжья нам также известны захоронения, где в скоплениях астрагалов МК или рядом с ними находились какие-то артефакты, не являющиеся суставными костями:

- Большая Караганка, 20/6, Челябинская обл., РФ. В погребении подростка возле 17 астрагалов «МРС»* размещался оселок [Боталов и др., 1996, с. 72–73];
- Кизильское, 2/2, Челябинская обл., РФ. В погребении подростка близ груди из 60 астрагалов «МРС» лежала булава, сделанная из горного хрусталя [Стоколос, 2004, с. 237, 239, 241];
- Спасское-1, 2/2, Челябинская обл., РФ. В парном погребении (оба умерших определены как дети) в сосуде, стоявшем близ одного из костяков, находились 35 астрагалов «МРС» и костяной наконечник стрелы [Стоколос, 1972, с. 162];
- Николаевка, 1/10, Башкортостан, РФ. В захоронении подростка 7 лет в скоплении из 198 астрагалов МРС и девяти свиньи (у части были пришлифованы грани, а один просверлен) лежали четыре костяных наконечника стрел и один наконечник (?) из бронзы [Исмагил и др., 2009, с. 18–19];
- Скворцовка, 3/19, Оренбургская обл., РФ. В парном погребении подростков 7–8 лет в головах одного из них находилось скопление астрагалов «барашка» (41 штука). На южной периферии данного скопления лежали костяной наконечник стрелы и два клыка хищника [Моргунова и др., 2010, с. 24–26];
- Рождественно I, 5/5, Самарская обл., РФ. В парном погребении подростков близ костяка одного из умерших (возраст – 7 лет) лежали в ряд астрагалы МРС**. При этом на одном конце ряда находились две костяные пряжки, а на другом – ко-

* Здесь и ниже кавычками выделены определения, относительно которых у нас нет уверенности, что они сделаны специалистами.

** Точное их число не указано.

- стяное изделие [Крамарев, Кузьмина, 2012, с. 102]. Последний артефакт, на наш взгляд, является деталью плети (см.: [Циміданов, 2007, с. 217–219]). Добавим, что и близ другого погребенного лежало несколько астрагалов;
- Новая Михайловка IV, 5/11, Самарская обл., РФ. Около костяка подростка 14 лет размещалось удлиненное скопление астрагалов, включавшее две таранные кости овцы, семь – козы, три – МРС без определения вида, 34 – свиньи. На северо-северо-западном конце скопления находилась костяная трубка длиной 17 см (по авторам – «рукоять» или «дудочка») [Васильева и др., 2012, с. 203–204];
 - Каменка, 15/1, Воронежская обл., РФ. В погребении мужчины 30–40 лет компактно лежали три астрагала «барана» и створка раковины *Unio*. Отдельно от них размещались еще шесть астрагалов «барана» [Чекменев, 2008, с. 194];
 - Головка-II, 3/12, Ростовская обл., РФ. В захоронении ребенка 32 астрагала овцы (один – со знаком) и семь козы коррелировались с глиняным пряслицем [Прохорова, 2001, с. 113];
 - Ивано-Дарьевка, 5/17, Донецкая обл., Украина. Близ костяка подростка 9–10 лет находилось скопление из 15 астрагалов МРС и пять кабана (на некоторых имелись знаки). Среди них обнаружен кремневый отщеп. Еще один астрагал МРС размещался отдельно [Литвиненко, Полидович, 2001, с. 129];
 - Розкопана Могила, п. 3, Донецкая обл., Украина. В погребении мужчины 50–55 лет в кучке из шести астрагалов МРС выявлено бронзовое шило [Полідович, 2011, с. 82–83];
 - Николаевка, 4/6, Донецкая обл., Украина. В погребении взрослого или подростка три астрагала МРС лежали у сосуда, в котором находились шесть трубочек от «флейты Пана». Еще четыре астрагала «МРС» размещались в северо-восточном углу могилы в пятне охры, а один – в северо-западном углу. Между ними – у северной стенки – выявлена костяная трубка длиной 11,4 см. Добавим, что у всех астрагалов были пришлифованы грани [Привалова, 1999, с. 90];
 - Шевченко-III, 2/7, Донецкая обл., Украина. В парном погребении взрослого и подростка близ костяка последнего компактной группой лежали 12 астрагалов МРС и три трубочки – детали музыкального инструмента [Усачук, 1999, с. 79];
 - Верхняя Маевка-II, 5/1, Днепропетровская обл., Украина. За спиной взрослого располагались в ряд три астрагала «МРС» и 12 раковин *Unio* [Ковалева, 1990, с. 66];
 - Терны-II, 2/2, Днепропетровская обл., Украина. Близ костяка взрослого выявлена кучка из шести астрагалов «МРС», вместе с которыми были птичья кость и фрагмент плети. Еще один астрагал «МРС» лежал отдельно в пятне охры [Ковалева и др., 1987, с. 9–10];
 - Жемчужное-I, 6/2, Днепропетровская обл., Украина. Около костяка взрослого компактно располагались шесть астрагалов «МРС» и три гальки (черная, желтая и белая) [Ковалева, 1990, с. 64];
 - Волосское-I, 9/1, Днепропетровская обл., Украина. В захоронении мужчины 20–25 лет компактно размещались 14 астрагалов «МРС», три агатовые гальки и семь костяных орнаментированных «фишек» [Ковалева, 1990, с. 60, 64];
 - Сухая Калина-II, 2/1, Днепропетровская обл., Украина. В могиле подростка выявлено скопление из 71 астрагала «МРС» (грани пришлифованы, на некоторых – знаки). В нем находилась керамическая «плитка для игры» [Ковалева, 1990, с. 64];

- Нововасильевка, 1/2, Днепропетровская обл., Украина. В могиле вокруг костяка взрослого 20–25 лет был рассыпан 161 астрагал «МРС» (большинство – пришлифованы, на трех – знаки). На груди умершего лежали кусочек медного шлака и два зуба старца [Ковалева, 1990, с. 64, 66];
- Ясиноватое-II, 12/13, Запорожская обл., Украина. В сосуде и рядом с ним находились 26 астрагалов «МРС», вместе с которыми найдены 3 гальки и костяная пластинка с прочерченными линиями. Данных о возрасте умершего нет [Ляшко и др., 2004, с. 30];
- Жемчужное, 5/2, Крым, Украина. За спиной взрослого лежали 15 обработанных астрагалов «МРС», две гальки и лопатка небольшого животного [Колотухин, Тощев, 2000, с. 67].

В данную группу захоронений, на наш взгляд, уместно включить и комплекс из Владимировки, 2/3, Самарская обл., РФ. Там умершего 6–7 лет сопровождало скопление из пяти астрагалов КРС и свиньи, среди которых выявлен костяной предмет*. В могиле был и астрагал МРС, но он размещался отдельно [Кузьмина и др., 2003, с. 224–225].

Вместе с погребениями из Новопокровки-2 у нас имеются 26 комплексов рассматриваемой группы. Поскольку практически все (за исключением одного) упомянутые «тексты» содержали астрагалы МК, именно о последних стоит сказать в первую очередь. И.Ф. Ковалева и А.И. Юдин, подбирая параллели для выяснения семантики астрагалов в срубной культуре, заостряли внимание лишь на одном из возможных предназначений данных предметов. И.Ф. Ковалеву интересовало использование астрагалов в гадании, А.И. Юдина – в азартных играх. Между тем стоит напомнить, что астрагалы МК (преимущественно овечьи) находили применение не только в азартных играх и гадании, но и в других манипуляциях, преимущественно относящихся к ритуальной сфере. В частности, у иранских народов астрагалы являлись оберегами от злых сил, использовались в родильной обрядности, календарных играх, призванных обеспечить благополучие социума [Цимиданов, 2001, с. 222–223]. Кроме того, таранные кости выступали в качестве медиаторов [Подобед и др., 2013а, с. 65–66], т.е. с помощью них люди пытались в зависимости от конкретной ситуации либо отделить свой мир от иномирья, либо установить связь с последним. Открытие канала связи между мирами могло преследовать разные цели. Например, предпринимая это, люди надеялись получить какие-то блага [Топорков, 1989, с. 95].

Возвращаясь к погребениям из Новопокровки-2, отметим, что в трех из них находились суставные кости трех или четырех разных видов животных. Данный нюанс уже сам по себе рождает скепсис относительно того, что мы имеем дело с наборами для игры в кости. Насколько нам известно, подобные наборы не включали более двух наименований костей. Так, в играх на вбрасывание обычно применялись астрагалы одного животного (главным образом, МРС) [Пещерева, 1957, с. 61; Клейн, 1997, с. 53; Маразов, 2007, с. 73; Стрельник та ін., 2009, с. 35]**, а в играх на выбивание, наряду с костями одного наименования, ставившимися на кон, в качестве битки могла использоваться кость другого наименования [Пещерева, 1957, с. 65; Стрельник та ін., 2009, с. 35, 37].

* По нашему мнению, деталь плети.

** Впрочем, бывают и исключения из данного правила. Как любезно сообщил нам А.Н. Усачук, в игре на вбрасывание, которую ему довелось наблюдать у туркмен, одновременно использовались 10 астрагалов МРС и 2 астрагала КРС. См. подробнее: [Подобед и др., 2014а, с. 47].

Второй нюанс, который противоречит гипотезе А.И. Юдина, заключается в следующем. В ходе игр на выбивание (а именно с ними исследователь сопоставляет гипотетические игры «срубников») кости неизбежно получали бы повреждения. Такие повреждения хорошо известны, в частности на астрагалах из античных погребений [Стрельник та ін., 2009, с. 44]. Ситуация с таранными костями срубной культуры иная. Следы, которые могли образоваться во время игр, имеются на них крайне редко. Авторы лишь одной из десятков публикаций, где вводятся в оборот интересные нас материалы, констатировали, что астрагалы были «достаточно сбиты, вероятно, во время использования» [Исмагил и др., 2009, с. 16], что у части астрагалов были «сильно сбитые края», а у других – «слабо сбитые края» [Исмагил и др., 2009, с. 19].

А.И. Юдин полагает, что встреченные вместе с астрагалами МК таранные и путовые кости КРС и лошади, зубы КРС, ископаемая раковина, костяное пряслице и глиняное «колесико» – предметы, более тяжелые, чем астрагалы МК, – могли использоваться в качестве биток [Юдин, 2009, с. 157]. Как свидетельствуют данные по Таджикистану, битками действительно служили разные предметы – овечьи и коровьи астрагалы, шарики и пластинки из камня или рога горных козлов [Пещерева, 1957, с. 66]. Но что касается срубной культуры, то ее носители, похоже, использовали каменные битки. Об этом свидетельствует комплекс, выявленный в жилище на срубном поселении Макри-Хая, Донецкая обл., Украина. Там рядом с кучкой астрагалов МК лежала округлая песчаниковая плитка толщиной около 1 см и диаметром 7,6 x 7,4 или 6,2 x 6,0 см* [Привалова и др., 1983, с. 2; табл. V.-18, 19]. Но подобные изделия ни разу не встречены в срубных погребениях с астрагалами. Если бы астрагалы из срубных захоронений являлись наборами для игр на выбивание, их корреляция с округлой каменной плиткой хоть раз бы, но проявилась в контексте погребального обряда.

А.И. Юдин [2009, с. 157], трактуя некоторые выявленные в захоронениях с астрагалами из Новопокровки-2 предметы как битки, вынужден, тем не менее, признать, что нахождение в одном наборе с таранными костями МК ряда предметов – «флейты Пана», костяной трубочки и кремневого отщепы – «пока не может быть объяснено». Нам же представляется, что именно эти и некоторые другие предметы, образующие «тексты» вместе с астрагалами МК, дают разгадку. Выше мы перечислили комплексы с подобными «текстами». Суммируя информацию о них, можно отметить следующее. С астрагалами МК, помимо других суставных костей, коррелировались следующие артефакты: 1) булава из горного хрусталя; 2) каменный оселок; 3) кремневые отщепы (два погребения); 4) наконечники стрел (три комплекса); 5) фрагменты плетей (три погребения); 6) бронзовое шило; 7) пряслица из кости и глины (два захоронения); 8) глиняное «колесико»; 9) фрагменты духовых музыкальных инструментов (три комплекса); 10) длинная костяная трубка (три захоронения); 11) костяные «фишки»; 12) костяная пластина; 13) костяные пряжки; 14) глиняная «плитка для игры»; 15) раковины моллюсков (три погребения); 16) птичья кость; 17) лопатка животного; 18) позвонок животного; 19) зуб животного (резец?); 20) зубы КРС; 21) клыки хищника; 22) зубы человека; 23) гальки (4 погребения); 24) кусочек медного шлака.

Как видим, перечисленные предметы разнообразны, причем подавляющее их большинство даже теоретически не могло использоваться в качестве биток при игре

* В отчете приведены рисунки двух таких изделий, но не уточнено, какое именно из них сопро-
водило астрагалы.

в кости. Вместе с тем многие из этих артефактов правомерно с той или иной долей вероятности трактовать как вещи с высоким семиотическим статусом и атрибуты обрядовой практики. Вкратце скажем о них.

Булава. В погребениях срубной культуры булавы выступали как инсигнии власти [Цимиданов, 2004а, с. 72]. Стоит заострить внимание еще и на том, что булава из Кизильского, 2/2 была изготовлена из горного хрусталя. Данный минерал у многих народов широко использовался в обрядовой сфере (см., например: [Михайлов, 2001, с. 61–68, 140]). Нередко он являлся шаманским атрибутом [Пропп, 1986, с. 290; Харнер, 1994, с. 85–86].

Оселок. Абразивы и их фрагменты обнаружены в жертвенниках и святилищах срубной культуры (см., например: [Ромашко, 1993, с. 87]), что свидетельствует об их принадлежности к обрядовым атрибутам. В частности, абразивы в эпоху бронзы могли выступать в качестве медиаторов с блокирующей функцией [Подобед и др., 2014б, с. 290].

Кремневый отщеп. В культурах эпохи бронзы и раннего железа кремни нередко использовались в обрядах. Например, им могли приписывать способность восстанавливать границу между людьми и потусторонним миром [Цимиданов, 1995].

Наконечники стрел. Семантика стрел в культурах прошлого была довольно разнообразной. Для рассматриваемой темы важно то, что стрела могла выступать в качестве медиатора, причем использоваться как для открытия канала связи между мирами, так и для его блокирования [Подобед и др., 2012б, с. 89–90].

Плеть. Нам уже приходилось писать о том, что плети у иранских народов являлись обрядовыми атрибутами [Цимиданов, 2007, с. 220–223]. Важно то, что плеть наделялась и медиативными свойствами. В частности, фольклорные герои, ударяя ею коня определенное количество раз, могли перемещаться из одного мира в другой [Сказки..., 1976, с. 82].

Шило. Данное орудие было полисемантическим. В определенных контекстах оно мыслилось как вещь, которая может помочь при перемещении в царство мертвых, сообщить о беде, отвратить злые силы [Подобед, Цимиданов, 2010, с. 114–115].

Пряслице. Этот предмет является частью веретена. Среди зафиксированных в индоевропейском фольклоре и этнографии представлений, связанных с веретеном и нитями, наиболее рельефно выступают следующие два: а) веретено и нити ассоциируются с непрерывным движением, продолжением жизни, судьбами людей; б) веретено способно быть медиатором между мирами [Подобед и др., 2013б, с. 43].

Флейта. Музыкальные инструменты, в частности флейты, играли важную роль в обрядовой практике многих народов [Цимиданов, 2004а, с. 57]. Отсюда правомерно допущение, что в захоронениях срубной культуры они являлись не просто утилитарными вещами.

Раковина моллюска. Раковины моллюсков, в том числе ископаемые, как мы уже пытались показать, у носителей срубной культуры олицетворяли водную стихию, связывались с миром мертвых, плодородием, благополучием [Цимиданов, 2009]. Напомним и о том, что ископаемые раковины, выявленные в срубных погребениях, порой происходят с территорий, отдаленных на сотни километров от места совершения захоронения [Горбунов, Морозов, 1991, с. 83]. Этот момент свидетельствует о высоком семиотическом статусе данных предметов и делает маловероятным допущение об их использовании в качестве банальных биток.

Птичья кость. Птицы во многих традициях рассматриваются как проводники в потусторонний мир и переносчики из одного мира в другой [Подобед и др., 2012а, с. 58–60].

Клыки хищника. Выявленные в срубных захоронениях клыки хищников исследователи обычно трактуют как амулеты. Не следует, однако, забывать того, что хищники семейства псовых (а именно зверю данного семейства, скорее всего, принадлежат рассматриваемые артефакты) у индоевропейских народов, в том числе индоиранцев, связывались с представлениями о царстве мертвых и пути туда, считались медиаторами между мирами (см., например: [Цимиданов, 2004б, с. 264; Тянина, 2011, с. 165]).

Зуб человека. Данные предметы использовались в разнообразных манипуляциях, в том числе в качестве медиаторов при общении с представителями иного мира [Подобед и др., 2013а, с. 64–66].

Гальки. Эти камни, вероятно, в силу того, что они были сглажены водой, у многих народов ассоциировались с водной стихией, использовались в метеорологической магии, в том числе для вызывания дождя [Цимиданов, 2014, с. 115].

Высказывать свои соображения относительно других предметов, коррелировавшихся с астрагалами МК, мы не беремся. Но и отмеченного выше достаточно для констатации связи рассматриваемых наборов с обрядовой практикой, в частности с медиативной функцией. Отсюда вытекает гипотеза о том, что люди, погребавшиеся с наборами, включавшими астрагалы и предметы-медиаторы, являлись не игроками в кости, а участниками обрядовых манипуляций, призванными выполнять роль посредников между миром живых и миром мертвых (при жизни или после смерти). Но тут возникают два вопроса:

1. Почему рассмотренные наборы столь разнообразны, не унифицированы и, в частности, содержат разные предметы-медиаторы?

2. Почему эти наборы, по крайней мере, на востоке территории срубной общности, попадали преимущественно в захоронения лиц незрелого возраста?

На первый вопрос ответить несложно. Как показывают исследования в области семиотики, существует большая разница между языком повседневной коммуникации и обрядовым «языком». В первом люди обычно используют один код. Второму присуща разнокодовость, вызванная общей тенденцией к максимальной синонимичности, к повторению одного и того же содержания разными возможными способами. В развитии обрядов имело место стремление к увеличению числа синонимических форм одного и того же смысла. Отсюда в обрядовых манипуляциях одни знаки относительно свободно замещались другими, синонимичными им [Толстой, 1995, с. 64–65]. В случае с рассматривавшимися срубными захоронениями данная тенденция проявлялась в том, что роль вещей-медиаторов могли выполнять разные предметы, а порой несколько таких предметов одновременно.

Для ответа на второй вопрос попытаемся уточнить, в захоронения умерших какого возраста чаще всего попадали интересующие нас наборы. В двух случаях сведения о возрасте отсутствуют. Двое умерших являлись «детьми», 14 – подростками (в том числе 6–7, 7 (два комплекса), 7–8; 8 (два), 8–10, 9–10, 10–12 и 14 лет), 8 – взрослыми (в том числе 20–25 (2), 30–40 и 50–55 лет). Ситуация со взрослыми более-менее ясна. Даже А.И. Юдин [2009, с. 167] допускает возможность их причисления к служителям культа. А кем могли быть покойники детского и подросткового возраста, сопровождав-

шиеся рассматриваемыми наборами? Обратим внимание на то, что во всех случаях, когда мы располагаем данными о возрасте этих лиц, выраженными в годах, возраст укладывается в интервал 6–14 лет. Но в обществах древних индоиранцев примерно в этом возрасте подростки проходили посвящение (инициацию) и последующее обучение, растягивавшееся на несколько лет [Бойс, 1987, с. 27; Пандей, 1990, с. 112–113]. К тому же следует учесть, что инициировавшиеся считались мертвецами или людьми, находящимися в промежуточном состоянии между жизнью и смертью. Данные представления являлись универсальными – они зафиксированы в самых разных уголках земного шара [Пропп, 1986, с. 93–101]. Эта «печать смерти» делала лиц отмеченного возраста как нельзя лучше подходящими для контактов с потусторонним миром. Учитывая отмеченный нюанс и присутствие в некоторых захоронениях подростков срубной культуры вещей-медиаторов, уместно допустить, что люди, похороненные с ними, воспринимались соплеменниками как посредники между мирами живых и мертвых, а потому при жизни играли определенную роль в обрядах, имевших цель установить связь с иномирьем. То, что дети и подростки в срубном обществе могли выполняли роль служителей культа, не должно вызывать чрезмерного скепсиса, поскольку данное явление известно у индоиранских народов прошлого, например индоариев [Горбов, Усачук, 1993, с. 120], калашей Гиндукуша [Йеттмар, 1986, с. 388], осетин [Каммарзати, 2004, с. 249]. В случае смерти подростков-медиаторов могли использовать для так называемой «трансферной коммуникации» (см.: [Лопатин, 2010, с. 125, 129]), т.е. отправлять в потусторонний мир с «посланиями», каковыми, вероятно, и являлись анализируемые в нашей статье «тексты». То, что погребения этих людей, как правило, не были «социально выделенными», т.е. не отличались от рядовых захоронений ни планиграфической позицией, ни большими размерами могильных ям, ни «необычным» инвентарем (см.: [Юдин, 2009, с. 153–154]), нисколько не противоречит нашей гипотезе. Дело в том, что проявления погребальной обрядности, которые А.И. Юдин считает необходимыми для «социально выделенных» комплексов, связаны не со статусом служителя культа, а с высоким рангом умершего. Медиаторы же не обязательно могли успеть достигнуть высокого ранга, особенно если речь идет о детях и подростках.

Что касается знаковой нагрузки астрагалов из рассмотренных наборов, то она заслуживает отдельного исследования. Пока же мы склонны ограничиться допущением, что астрагалы могли являться символической заменой животных. На наш взгляд, в контексте наборов астрагалы МК, как и кости других животных, либо символизировали адресованные богам или предкам жертвы, либо кодировали обращенные к представителям высших сил просьбы людей о ниспослании обилия скота. Последнее предположение представляется нам более предпочтительным, поскольку в наборы нередко входили астрагалы нескольких животных (к тому же почти исключительно домашних), т.е., вероятно, преднамеренно составлялся «текст», который с языка вещей может быть переведен как «стадо».

Библиографический список

Антипина Е.Е., Ольховский В.С. Археозоологические материалы из главной культовой конструкции святилища Байте III // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М. : Геос, 2000. С. 79–88.

Бойс М. Зороастрийцы. Вера и обычаи. М. : Наука, 1987. 304 с.

Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника // *Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск : Музей-заповедник Аркаим, 1996. С. 64–88.*

Васильева И.Н., Кулакова Л.С., Салугина Н.П. Новые памятники срубной культуры на востоке Самарской области // *Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара, 2012. С. 198–222.*

Ворошилова С.А. Астрагалы – особый элемент детского погребального обряда (по материалам могильника Бестамак) // *XL Международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2008. С. 157–159.*

Гайдученко Л.Л. Особенности сложения жертвенного комплекса ямы №170 могильника Бестамак // *Tәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: қорытындылары мен келешегі. Т. I. Алматы : Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2011. С. 360–365.*

Горбов В.Н., Усачук А.Н. Дружковский могильник и некоторые вопросы мировоззрения срубных племен // *Археологический альманах. №2. Донецк : ДОКМ, 1993. С. 115–131.*

Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа : Башкирское книж. изд-во, 1991. 161 с.

Гришук О.М. Астрагалы як элемент поховального обряду населення дніпро-донської бабинської культури // *Донецький археологічний збірник. №17. Донецьк : ДонНУ, 2013. С. 24–34.*

Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 году // *Древности Астраханского края. М. : Наука, 1977. С. 3–77.*

Дудин А.А. К вопросу о функциональном назначении деревянных чаш ранних кочевников степей Восточной Европы (IX–VII вв. до н.э.) // *Старожитності степового Причорномор'я та Криму. Т. XV. Запоріжжя : Вид-во Запорізького ун-ту, 2009. С. 34–37.*

Дудин А.А. К вопросу о возможности выделения комплексов служителей культа среди погребений ранних кочевников степей Восточной Европы в первой трети I тыс. до н.э. // *Историко-археологический альманах. Вып. 10. Армавир ; Краснодар ; М. : Армавирский краеведческий музей, 2011. С. 15–27.*

Зудина В.Н. Археологические древности Южного Средневожья. Самара : Самарский университет, 1998. 124 с.

Изотова М.А. Ритуальные комплексы поселения эпохи поздней бронзы «Макаровская речка» // *Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. С. 118–124.*

Изотова М.А. Поселение эпохи бронзы Макаровская Речка // *Нижневожский археологический вестник. Вып. 8. Волгоград : Изд-во Волгогр. ун-та, 2006. С. 154–172.*

Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2009. 240 с.

Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М. : Наука, 1986. 526 с.

Каммарзати О.К. К вопросу о грозном божестве у осетин // *Ритмы Евразии. Вып. 2, 1. Владикавказ : СОИГСИ, 2004. С. 246–265.*

Клейн Л.С. Происхождение нуля, или древнейшая эволюция игры в кости между Дунаем и Индом // *Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб. : Нестор-История, 1997. С. 47–66.*

Ковалева И.Ф. Срубные погребения с наборами альчиков // *Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск : Изд-во Днепр. ун-та, 1990. С. 59–71.*

Ковалева И.Ф., Андросов А.В., Шалобудов В.Н., Шахров Г.И. Исследование курганов группы «Долгой Могила» у с. Терны в Приорелье // *Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск : Изд-во Днепр. ун-та, 1987. С. 5–27.*

Колотухин В.А., Тоцев Г.Н. Курганные древности Крыма. Вып. III. Запорожье : Изд-во Запорож. ун-та, 2000. 245 с.

Кравченко Е. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ : ІА НАНУ, 2011. 272 с.

Крамарев А.И., Кузьмина О.В. Раскопки Рождественского I курганного могильника на юге Самарской Луки // *Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара, 2012. С. 83–157.*

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. XVII. М. : ГИМ, 1948. С. 57–164.

Кузьмина О.В. Кости животных в погребальном обряде абашевской культуры // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2000. С. 54–66.

Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Субботин И.П. Курганный могильник эпохи бронзы Владимировский I // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара : Самар. ун-т, 2003. С. 217–260.

Литвиненко Р.А., Полидович Ю.Б. Курган срубной культуры у с. Ивано-Дарьевка // Археологический альманах. №10. Донецк : ООО «Лебедь», 2001. С. 119–144.

Литвиненко Р.О., Усачук А.М. Курганы поблизу залізничної станції Квашине в Донбасі (з розкопок Б.А. Шрамка) // Древности Восточной Европы : сборник научных трудов к 90-летию Б.А. Шрамка. Харьков : Изд-во Харьков. ун-та, 2011. С. 198–206.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.). Саратов : Наука, 2010. 244 с.

Ляшко С.Н., Попандопуло З.Х., Дровосекова О.В. Курганные могильники Днепровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка). Запорожье : Дикое поле, 2004. 178 с.

Марков С.С. Астрагалы в погребальной обрядности эпохи бронзы Южного Зауралья // Вестник общества открытых исследований древности. Челябинск : Общество открытых исследований древности, 2002. С. 39–48.

Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. 1954. №42. С. 39–156.

Маразов И. Играта на ашици, гатанката, гадаенето // Миф. 12. Обредът. София : Изд-во на Нов български университет, 2007. С. 68–101.

Михайлов Ю.И. Мирозрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово : Кузбассвуиздат, 2001. 363 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных памятников одиновской культуры. Т. 3. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2012. 220 с.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2010. 160 с.

Мыськов Е.П., Лапшин А.С. Памятники эпохи поздней бронзы: Сухая Мечетка IV и Ерзовские курганные могильники. Волгоград : Изд-во Волгогр. ун-та, 2007. 100 с.

Нуралинова А.Г. Дети в обществе эпохи поздней бронзы в Южном Зауралье (по материалам погребальных памятников) // XL международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Самара : Самар. ун-т, 2008. С. 137–139.

Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычаи). М. : Высшая школа, 1990. 320 с.

Пещерева Е.М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XVII. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. С. 22–94.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Птицы в верованиях степных и лесостепных племен Евразии эпохи бронзы // Уфимский археологический вестник. Вып. 12. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012а. С. 43–70.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Стрелы в обрядах древнего населения Центральной Азии и Сибири (по материалам поселений эпохи бронзы) // Кадырбаевские чтения – 2012. Актобе : Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2012б. С. 85–92.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Зубы человека в обрядах племен Поволжья эпохи бронзы // Поволжская археология. №3 (5). Казань : Фэн, 2013а. С. 56–72.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Манипуляции в столбовых ямах (культуры эпохи бронзы Азии и Восточной Европы) // Теория и практика археологических исследований. 2013б. №1 (7). С. 33–48.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Таранные кости крупного рогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Теория и практика археологических исследований. 2014а. №2 (10). С. 31–56.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Колодцы в картине мира племен эпохи бронзы лесостепной и степной Евразии // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Липецк : РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2014б. С. 283–293.

Подобед В.А., Цимиданов В.В. Погребения с шильями и иглами в культурах Восточной Европы эпохи поздней бронзы и предскифского времени (степь и лесостепь) // Донецкий археологический сборник. 2009/2010. №13/14. Донецк : ДонНУ, 2010. С. 98–120.

Полідович Ю.Б. Курган доби бронзи «Розкопана Могила» поблизу м. Дружківка Донецької області // Археологический альманах. №25. Донецк : Донбасс, 2011. С. 71–155.

Посредников В.А. О гностицизме в методологии интерпретации источников // Донецкий археологический сборник. Вып. 8. Донецк : Истоки, 1998. С. 71–113.

Привалова О.Я. Срубные погребения Николаевского могильника в бассейне Кальмиуса // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк : Український культурологічний центр, 1999. С. 88–97.

Привалова О.Я., Привалов А.И., Дегерменджи С.М. Отчет об археологических исследованиях за 1982 г. // Архив Отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея. №1983/1.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. 366 с.

Прохорова Т.А. Исследование курганов у х. Головка Белокалитвенского района в 1999 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. Вып. 17. Азов : Изд-во Азовского музея-заповедника, 2001. С. 162–168.

Ромашко В.А. Святилища и жертвенники на поселениях срубной культуры Украины // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск : Изд-во Днепрпетр. ун-та, 1993. С. 79–91.

Рослякова Н.В., Косинцев П.А. Археозоологическое изучение комплексов погребального инвентаря из погребений срубной культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 15, №1. Самара : Самарский НЦ РАН, 2013. С. 211–218.

Сказки народов Памира. М. : Наука, 1976. 536 с.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. 1959. №60. С. 206–322.

Сотникова С.В. Детские погребения с наборами альчиков и роль игры в обществах степного населения эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №2 (25). Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. С. 26–34.

Стоколот В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). М. : Наука, 1972. 168 с.

Стоколот В.С., Стоколот Г.И. Кизильский курганный могильник эпохи поздней бронзы на реке Урал // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1 : Исторические науки. Вып. 2. Челябинск : Изд-во Челяб. ун-та, 2004. С. 237–256.

Стрельник М.О., Хомчик М.А., Сорокіна С.А. Гральні кості (II тис. до н.е. – XIV ст. н.е.) з колекції Національного музею історії України // Археологія. 2009. №2. С. 34–49.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : Индрик, 1995. 262 с.

Топорков А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л. : Наука, 1989. С. 89–101.

Тянина Е.А. Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // Археологические вести. Вып. 17. СПб. : Дмитрий Булавин, 2011. С. 159–168.

Усачук А.Н. К вопросу о костяных деталях духовых музыкальных инструментов в эпоху бронзы // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк : Український культурологічний центр, 1999. С. 70–87.

Усманова Э.Р. Дифференцированный подход к умершему в погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Маргулановские чтения. Ч. 1. М. : ИА РАН, 1992. С. 97–104.

Харнер М.Д. Путь шамана или шаманская практика: руководство по обретению силы и целительству. М. : ИЧП «Палантир», 1994. 104 с.

Циміданов В.В. «Магічна втеча» та деякі категорії поховального інвентаря зрубної культури // Історія релігій в Україні. Ч. 5. Київ ; Львів : Музей історії релігії, 1995. С. 486–488.

Цимиданов В.В. Астрагалы в погребениях степных культур эпохи поздней бронзы и раннего железа // Археологический альманах. №10. Донецк : ООО «Лебедь», 2001. С. 215–248.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. Донецк, 2004а. 204 с.

Цимиданов В.В. Украшения в погребальном обряде срубной культуры: социальный и половозрастной аспект // Археологический альманах. №14. Донецк : ООО «Лебедь», 2004б. С. 260–291.

Цимиданов В.В. Поховання із нагайками в зрубній культурі // Матеріали та дослідження з археології Східної України. №7. Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2007. С. 217–224.

Цимиданов В.В. Погребения с раковинами моллюсков в срубной культуре // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул : Азбука, 2009. С. 61–67.

Цимиданов В.В. Камень *яда* и некоторые «тексты» культур степной и лесостепной Евразии эпохи бронзы // Кадырбаевские чтения – 2014. Астана : Мега принт, 2014. С. 115–122.

Цимиданов В.В., Чаур Н.А. Погребения с астрагалами срубной культурно-исторической общности // Древности Подонцовья. Луганск : ОСИРИС, 1997. С. 50–61.

Чекменев Ю.А. Погребения эпохи бронзы Среднего Похоперья (курганный могильник Каменка) // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Т. 1. Пенза : Пензенский гос. краеведч. музей, 2008. С. 189–200.

Юдин А.И. Погребения с астрагалами из Новопокровки-II: служители культа или «игроки»? // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 7. Саратов : Научная книга, 2009. С. 146–170.

V.V. Tsimidanov

**TIMBER-GRAVE CULTURE BURIALS WITH ASTRAGALS FROM
NOVOPOKROVKA-2 (lower Volga region):
«PLAYERS» OR MEDIATORS?**

The author considers the Timber-Grave Culture burials that present sets including astragals of small ungulates and other artifacts such as bones of various animals, mace, touchstone, flints, arrowheads, fragments of whips, awl, spindles, parts of musical instruments, bone tubes, «tricks», mollusk shells, human teeth, pebbles, etc. Analysis of 26 such burials and considering the semantics of the artifacts that were in sets allowed the author to link the above-mentioned sets of objects with religious practices (mediation function). In accordance with hypothesis of the author the people in the graves with the excavated sets of objects including astragals were not dicers but the participants of the ritual manipulation. They acted as intermediaries between the world of the living and the world of the dead (during life or after death). Often these intermediaries were children and teenagers. Probably they were considered as people who are in an intermediate state between life and death. Astragals and bones of other animals in the context of sets symbolized the sacrifices to gods or ancestors of the people's requests to the higher powers about the abundance of cattle.

Keywords: Late Bronze Age, Timber-Grave Culture, burials, astragals, semantics.

В.В. Горбунов¹, А.А. Тишкин¹, Н.Н. Серегин¹,
А.Н. Мухарева^{1,2}, Ч. Мунхбаяр³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул;

²Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия;

³Ховдский государственный университет, Ховд, Монголия

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЮРКСКИХ ОГРАДОК НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ*

С 2007 г. на территории Монгольского Алтая Буянтской российско-монгольской археологической экспедицией осуществляется целенаправленное изучение тюркских оградок. В статье представлены результаты раскопок на памятниках Харганат-II и Бийрэг, расположенных в Ховдском аймаке. Исследование первого комплекса, обнаруженного возле известной петроглифической композиции Хар-Хад с изображениями тяжеловооруженных всадников, направлено на получение дополнительной информации о периоде раннего средневековья. Второй объект связан с зафиксированной рунической надписью на одной из плит традиционного ритуального сооружения тюркского времени. К сожалению, все раскопанные оградки оказались потревожены предыдущими проникновениями, и найти какие-либо материальные свидетельства не удалось. Однако выявленные конструктивные признаки, а также зафиксированные письменные знаки позволили предварительно определить хронологию всех изученных объектов. Все этапы проведенных работ иллюстрируются планами и фотоснимками. На заключительном этапе производилась частичная музеефикация каждой раскопанной оградки. Плита с рунической надписью хранится в филиале Ховдского музея.

Ключевые слова: Монгольский Алтай, археологическая экспедиция, тюркские оградки, раннее средневековье, раскопки, руническая надпись, стела, каменная конструкция, музеефикация.

DOI: 10.14258/tra1(2015)1(11).-05

Введение

Хорошо известно, что центр раннесредневековых тюрков находился на территории современной Монголии. Об этом свидетельствуют не только информация письменных источников, но и результаты археологических исследований в различных частях страны. К настоящему времени накоплен определенный объем материалов, демонстрирующих особенности развития культуры тюрков в Центральной Азии [Войтов, 1996; Баяр, 1997; Серегин, 2014; и др.]. Одним из существенных пробелов остается весьма незначительное количество раскопанных ритуальных тюркских комплексов. В большинстве случаев работы на таких памятниках ограничиваются визуальным обследованием и описанием каменных изваяний. Между тем раскопки оградок, а также фиксация различных сопроводительных сооружений и объектов позволяют получить существенную информацию о различных сторонах культуры кочевников раннего средневековья, о чем свидетельствуют результаты работ на сопредельных территориях [Кубарев, 1984; Досымбаева, 2006; Суразаков, Тишкин, Шелепова, 2008; Серегин, Шелепова, 2015; и др.].

Начиная с 2007 г. системные раскопки тюркских ритуальных комплексов Монгольского Алтая осуществляются участниками Буянтской экспедиции, созданной университетами Монголии и России [Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2007]. Результаты ра-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии (проект №13-21-03003 «Систематизация, анализ и комплексное изучение археологических памятников Монгольского Алтая»).

бот, в ходе которых была исследована серия оградок и сопроводительных объектов, частично опубликованы [Горбунов, Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2007; Горбунов, Тишкин, Шелепова, 2008; Мунхбаяр, Тишкин, Горбунов, Эрдэнэбаатар, Серегин, Сарантугалаг, Идэрхангай, 2013; Горбунов, Тишкин, Идэрхангай, Мунхбаяр, Серегин, Лихачева, Паршикова, 2014; и др.]. В настоящей статье представлены итоги изучения тюркских сооружений на памятниках Харганат-II и Бийрэг, расположенных в Ховдском аймаке Монголии (рис. 1).

Раскопки оградок на памятнике Харганат-II

Комплекс Харганат-II зафиксирован в урочище Хар-Хад на территории Эрдэнэбурэн сомона, который находится к северу от г. Ховда. Данная местность хорошо известна историкам благодаря изображениям тяжеловооруженных всадников, зафиксированных на одной из скальных поверхностей [Новгородова, Горелик, 1980; Новгородова, 1981, 1984; и др.]. В 2011 г. Буянтская российско-монгольская археологическая экспедиция приступила к изучению петроглифов Хар-Хада и обследованию прилегающих окрестностей. В течение нескольких дней осуществлялось копирование на современном методическом уровне, а также проводилась детальная фотофиксация [Тишкин, Горбунов, Мухарева, 2012]. Наряду с этим, проведена сплошная разведка, которая позволила выявить ряд объектов различных хронологических периодов, в том числе этнографического времени [Тишкин, 2011]. Перспективными для исследования представлялись оградки памятника Харганат-II. По совокупности характеристик, фиксируемых визуально, эти объекты могли оказаться синхронными обозначенным выше наскальным изображениям тяжеловооруженных всадников. В таком случае исследование выбранных комплексов позволило бы не только детализировать время создания рисунков, но и получить важную информацию о культуре населения данного слабо изученного периода.

Намеченные для раскопок объекты комплекса Харганат-II представляли собой две отдельно стоявшие оградки. Раскоп разбивался с учетом максимального охвата конструкции. Через него намечалась бровка шириной 0,1 м, примерно посередине сооружения. Нулевым репером обозначалась самая южная отметка разреза по линии А-А'. Нивелировка поверхности бровки проводилась через каждые 0,5 м. Помимо этого нивелировались углы раскопа и все важные конструктивные элементы (камни забутовки, стенки оградок, стела, находки). Высоты и глубины выставлялись от нулевого репера.

После разбивки раскопа производилось снятие гумуса по всей его площади (до материка – с внешней стороны каменных объектов). В дальнейшем выполнялась внутренняя выборка заполнения оградок. Для всех объектов она осуществлялась в два приема. Сначала удалялась земля, и зачищались камни забутовки. Затем эти камни убирались, и внутренняя площадь оградки зачищалась по материк.

По окончании исследования всех объектов проводилась рекультивация раскопа с элементами частичной музеефикации. Стенки оградок выравнивались до своего первоначального положения. Заодно проверялся грунт под ними. Затем плиты забутовывались мелкими камнями, после чего восстанавливалось заполнение из крупных камней и плит. Стела устанавливалась в центр оградки в каменное гнездо и укреплялась. На заключительной стадии работ внутренняя часть оградок закладывалась камнями до уровня высоты стенок, а внешняя присыпалась землей.

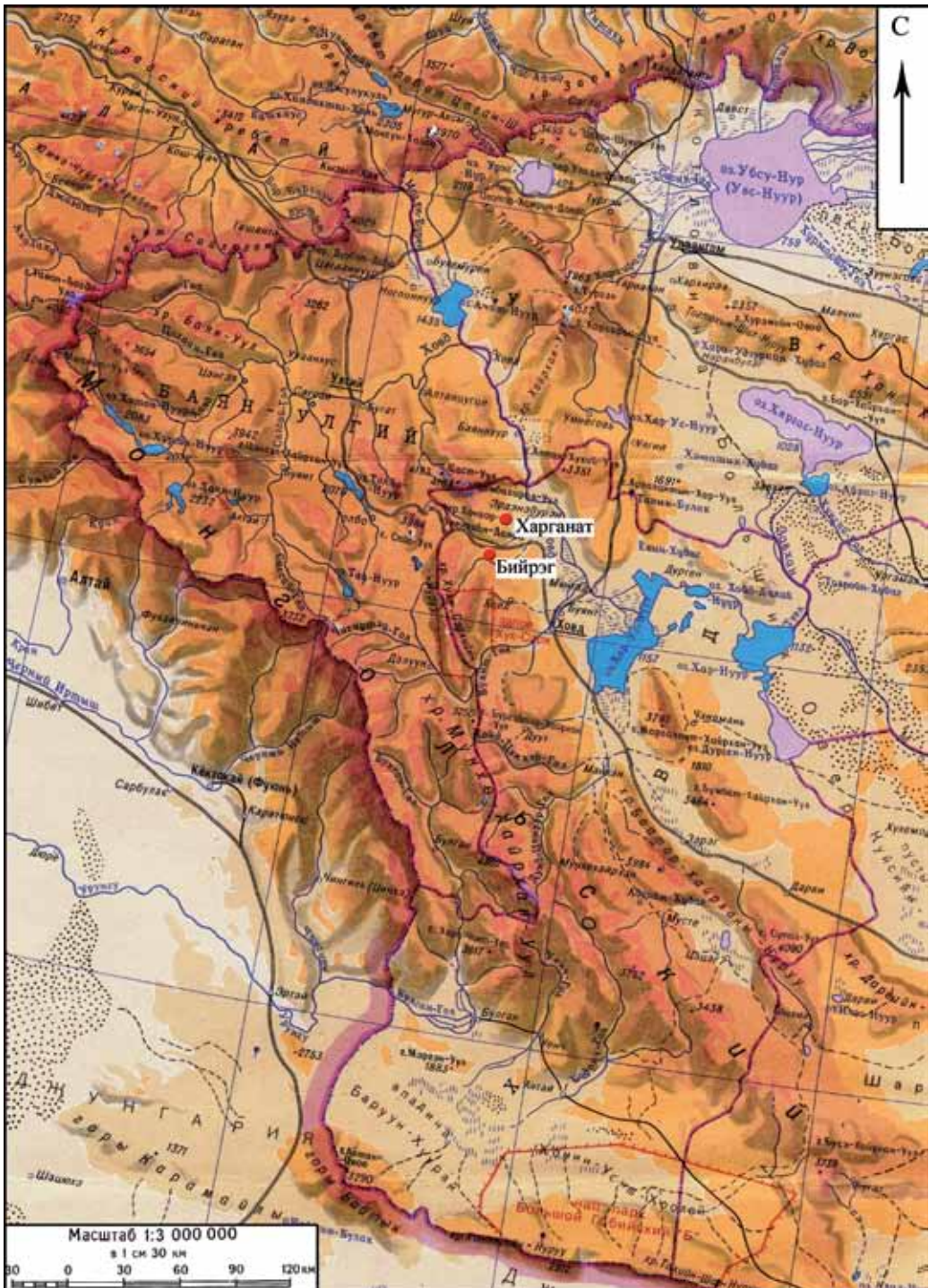

Рис. 1. Монгольский Алтай. Карта. Места проведения раскопок

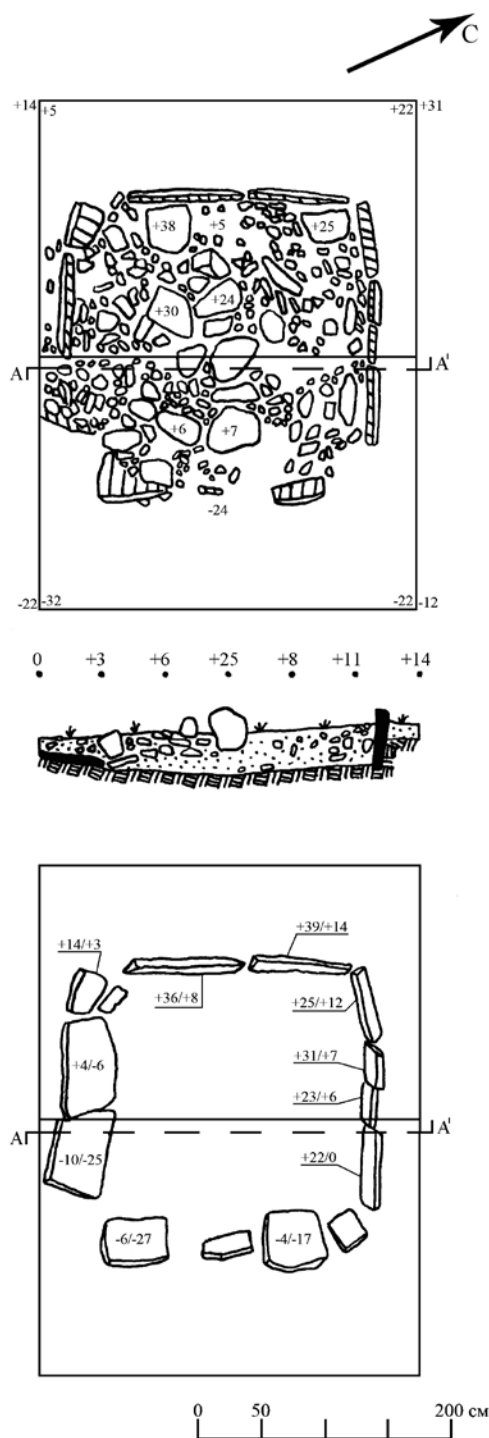

Рис. 2. Харганат-II, оградка №1.
План и разрез

Оградка №1 (географические координаты: N–48°31'30,33"; E–91°04'56,76") (рис. 2–5) находилась в 39 м к юго-западу от оградки №2. До раскопок она представляла собой частично разрушенный четырехугольный каменный объект, ориентированный углами по сторонам света. Оградка исследовалась раскопом прямоугольной формы (размерами 4 x 3 м). Структура раскопа прослежена по разрезу А–А': его длина – 3 м, глубина в точке А до уровня материка – 0,15 м, в точке А' – 0,14 м. Разрез состоит из слабо задернованного гумусированного слоя светло-коричневого цвета и материка (супесь светло-охристого цвета с вкраплениями из мелких камней). В него попадали элементы конструкции оградки. Длина в разрезе – 2,75 м, наибольшая высота – 0,2 м. В разрезе фиксируются две плиты от стенок оградки: юго-западная лежала плашмя, северо-восточная стояла вертикально и была углублена в материк до 0,05–0,25 м. Между ними находились крупные, средние и мелкие камни забутовки.

Расчистка оградки выявила сооружение, основу которого составляли стенки из вертикально установленных плит. Юго-восточная стенка (длиной около 2,2 м) состояла из четырех плит, одна из которых сохранилась не полностью. Все плиты оказались завалены наружу (их размеры в пределах обозначенных параметров: 0,25–0,55 x 0,2–0,5 x 0,05–0,1 м). Северо-западная стенка имела длину 1,85 м. В ней отмечены две вертикальные плиты (размерами 0,85–1 x 0,4–0,45 x 0,08–0,1 м). Северо-восточная стенка оказалась длиной 2 м. Она включала четыре вертикальные плиты (размерами 0,4–0,7 x 0,35–0,45 x 0,1–0,15 м). Юго-западная стенка имела длину 1,85 м. Там были три плиты, одна из которых сломана на две части. Все они (размерами 0,35–0,8 x 0,45 x 0,08–0,1 м) оказались завалены наружу. Параметры

Рис. 3 (фото). Харганат-II, оградка №1. Зачистка каменной конструкции

Рис. 4 (фото). Харганат-II, оградка №1. Сохранившиеся плиты сооружения

Рис. 5 (фото). Харганат-II, оградка №1. Частичная музеефикация

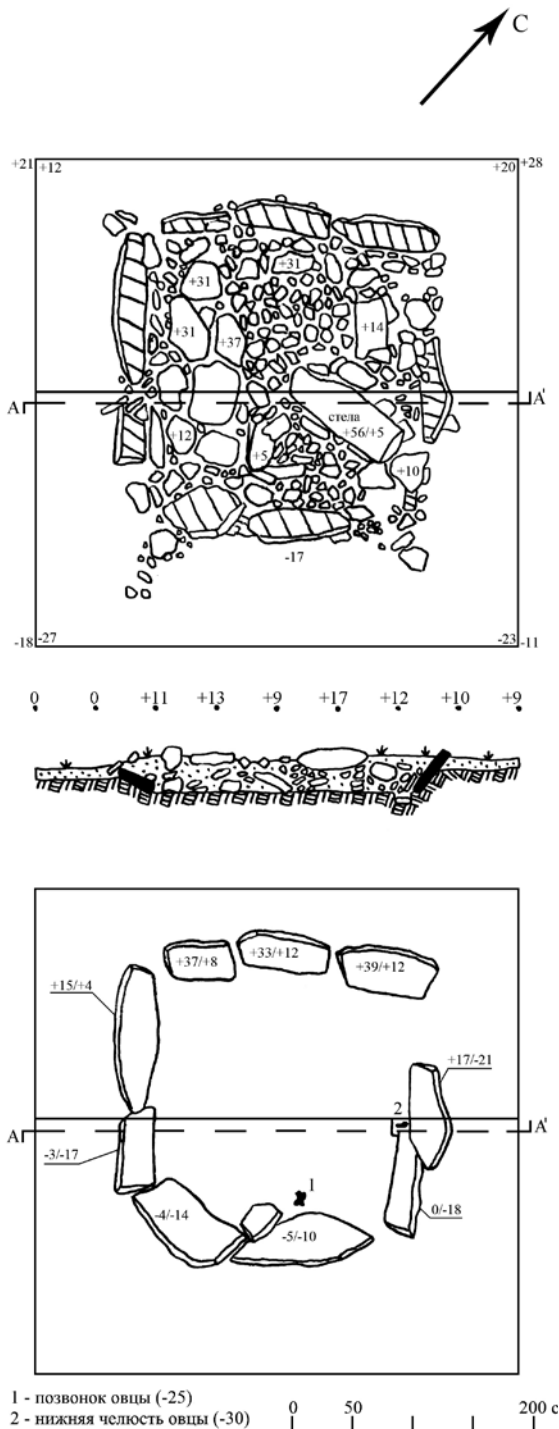

Рис. 6. Харганат-II, оградка №2. План и разрез

оградки по центральным осям составляли следующие показатели: юго-запад – северо-восток – 2,5 м, юго-восток – северо-запад – 2,6 м. С внешней стороны стенки оградки забутованы мелкими камнями и местами подперты средними булыжниками. Внутреннее заполнение состояло из крупных и средних камней, уложенных плашмя на пол или образующих второй (верхний) слой, крайние из которых подпирали стенки сооружения изнутри. Промежутки между ними заполнялись мелкими камнями. В центральной части оградки хорошо «читалось» гнездо для стелы, образованное пятью камнями. Пол оградки оказался углублен в материк до 0,2 м. Находок не обнаружено.

Стела-столб лежала за пределами южной стенки оградки и была разбита на две части. Она сделана из цилиндрического каменного блока, уплотненного обработкой до эллиптического абриса. Размеры целого изделия: высота – 1,3 м, наибольшая ширина – 0,42 м, наибольшая толщина – 0,2 м. Основание стелы слегка заужено, верхняя часть ровная.

Оградка №2 (географические координаты: N – 48°31'30,72"; E – 91°04'58,11") (рис. 6–9) находилась северо-восточнее предыдущего объекта. До раскопок она представляла собой задернованную каменную конструкцию четырехугольной формы, ориентированную углами по сторонам света. Объект исследовался раскопом прямоугольной формы (размерами 4 x 4 м). Структура раскопа прослежена по разрезу А–А': его длина – 4 м, глубина в точке А до уровня материка – 0,1 м, в точке А' – 0,9 м. Разрез состоял из слабо задернованного гумусированного слоя светло-ко-

Рис. 7 (фото). Харганат-II, оградка №2. Зачистка каменной конструкции

Рис. 8 (фото). Харганат-II, оградка №2. Сохранившиеся плиты сооружения

Рис. 9 (фото). Харганат-II, оградка №2. Частичная музеефикация

ричневого цвета и материка (супесь светло-охристого цвета с вкраплениями из мелких камней). В него попали каменные элементы конструкции. Длина оградки в разрезе – 2,85 м, наибольшая высота – 0,15 м. В разрезе фиксируются две наклонные плиты от стенок оградки, углубленные в материк до 0,12–0,19 м. Между ними находились крупные, средние и мелкие камни забутовки. Также в разрез попали стела (размерами 0,6 х 0,18 м) и яма у северо-восточной плиты (шириной 0,12 м), углубленная в материк на 0,1 м.

После расчистки оградки выявлено сооружение, основу которого составляли стенки из вертикально установленных плит. Юго-восточная стенка имела длину 2 м. Она включала две поваленные наружу плиты размерами 0,9–1,2 х 0,45 х 0,08 м. Северо-западная стенка оказалась длиной 2,3 м. Она состояла из трех наклонившихся наружу плит (размерами 0,55–0,85 х 0,35–0,4 х 0,08–0,1 м). Северо-восточная стенка была длиной около 2 м. В ней сохранились только две наклоненные наружу плиты (размерами 0,85–0,9 х 0,3–0,35 х 0,08–0,1 м). Юго-западная стенка имела длину 1,95 м. Она включала две наклоненные наружу плиты размерами 0,7–1,25 х 0,35–0,4 х 0,08–0,1 м. Размеры оградки по центру составляли 2,8 х 2,8 м. С внешней стороны ее стенки были забутованы мелкими камнями, подперты средними булыжниками и плитками. Щели между плитами стенок и по углам оказались заполнены мелкими камнями. Внутреннее заполнение оградки было выложено крупными, средними и мелкими камнями в 2–3 слоя. Пол оградки оказался углублен в материк до 0,2 м. Посередине северо-восточной стенки оградки, вплотную к плитам, зафиксирована нижняя челюсть овцы. Она находилась в небольшой яме (размерами 0,15 х 0,12 м) на каменной плитке. Рядом с юго-восточной стенкой на уровне пола обнаружен позвонок овцы.

Стела-столб располагалась в середине оградки в наклонном положении вершиной на восток. Она сделана из цилиндрического каменного блока, уплощенного обработкой до эллиптического абриса, и имеет следующие размеры: высота – 1,2 м, наибольшая ширина – 0,4 м, наибольшая толщина – 0,18 м. Основание стелы слегка заужено, верхняя часть ровная.

Раскопки оградок на памятнике Бийрэг

Летом 2013 г. Ч. Мунхбаяр обследовал археологический комплекс, содержащий каменную плиту с вырезанной на ней рунической надписью. Памятник расположен в местности Бийрэг (рис. 10) в Ховдском аймаке Монголии (географические координаты: N – 48°18.883', E – 091°09.704'). Плита лежала рядом с двумя ритуальными сооружениями – оградками, подвергшимися грабительским раскопкам (рис. 11–12). Осенью 2013 г. Ч. Мунхбаяр вывез плиту с надписью в г. Ховд, где она была установлена в новом павильоне филиала местного музея. Ввиду редкости тюркских оградок с надписями в Западной Монголии летом 2014 г. Буянтская российско-монгольская археологическая экспедиция провела полевые работы по изучению указанных объектов на памятнике Бийрэг (рис. 13–18).

Намеченные для раскопок объекты представляли собой две рядом стоящие оградки, находившиеся на расстоянии 0,45–0,75 м друг от друга. Данные сооружения исследовались единым раскопом прямоугольной формы размерами 6 х 4 м, ориентированным длинными сторонами по линии северо-восток – юго-запад. Через раскоп по центру объектов намечалась линия разреза. Нулевым репером в раскопе выбиралась крайняя юго-западная отметка в линии А–А'. Нивелировка поверхности раскопа проводилась по разрезу через каждые 0,5 м. Помимо этого нивелировались также углы

раскопа и все важные конструктивные элементы: камни забутовки, стенки оградок, находки. Высоты и глубины выставлялись от нулевого репера.

После разбивки раскопа производилось снятие дерна и удаление земли в юго-восточной половине раскопа до материка с зачисткой камней внутри и снаружи оградок. Затем фиксировался разрез по линии А–А'. После этого разбиралась вторая, северо-западная, половина раскопа по аналогичной методике. В конце работ удалялись камни забутовки внутри оградок, и их внутренняя площадь зачищалась по материкам.

По окончании исследования объектов проводилась рекультивация раскопа с элементами музеефикации. Стенки оградок выравнивались до своего первоначального положения. Затем плиты стенок забутовывались мелким камнем, после чего восстанавливалась забутовка оградок из более крупных камней и плит. В заключение внутренняя часть оградок закладывалась камнем, а внешняя часть присыпалась землей.

Структура раскопа прослежена по разрезу А–А': длина – 6 м, глубина в точке А до уровня материка – 0,29 м, в точке А' – 0,09 м. Разрез состоит из дерна, сохранившегося местами в юго-западной и северо-восточной частях, гумусированного слоя коричневого цвета и материка – супесь охристого цвета с вкраплениями гальки.

Оградка №1. До раскопок представляла слабо задернованную, сильно разрушенную каменную конструкцию подквадратной формы, ориентированную стенками по сторонам света. От северной стенки оградки сохранились одна плита, наклоненная наружу, и обломок основания второй плиты. Их размеры 0,95–0,85 x 0,33–0,15 x

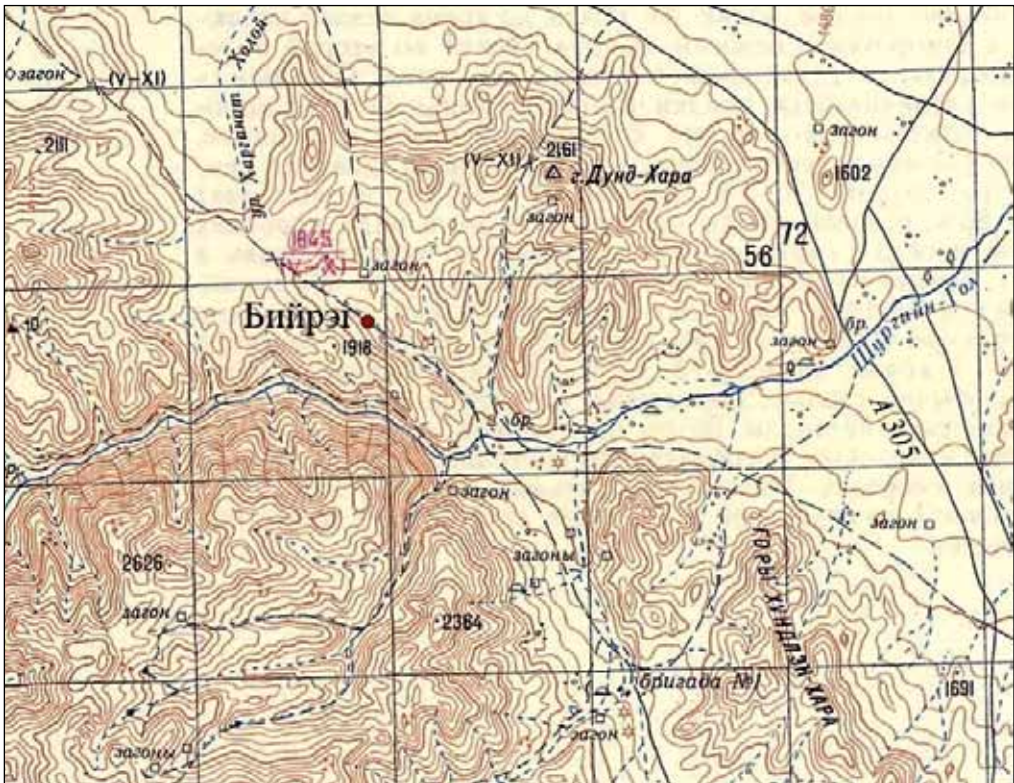

Рис. 10. Бийрэг. Расположение памятника на фрагменте карты

0,07–0,1 м. Третью плиту этой стенки, судя по всему, составлял камень с рунической надписью. Во всяком случае, он лежал недалеко от северной стенки. От восточной стенки оградки тоже осталась одна плита, поваленная наружу, размерами 0,9 x 0,4 x 0,1 м. От южной стенки оградки сохранились три плиты, поваленные наружу и сильно разбитые, размерами 1–0,65 x 0,55–0,4 x 0,05–0,08 м. От западной стенки оградки фиксировались две разбитые и поваленные наружу плиты размерами 0,95–0,8 x 0,4–0,35 x 0,05–0,07 м. Забутовка оградки сохранилась в основном в северо-западной части и представляла собой настил от двух до четырех слоев крупных, средних

Рис. 11 (фото). Бийрэг. Общий вид на разрушенные оградки с северо-востока. Справа плита с рунической надписью (фотоснимок сделан Ч. Мунхбаяром)

Рис. 12 (фото). Бийрэг. Плита с рунической надписью. Вид на месте нахождения (фотоснимок сделан Ч. Мунхбаяром)

и мелких камней. Первоначальные размеры оградки составляли 2,3 x 2,3 м. Основу ее конструкции образовывал многоплитовый квадратный ящик. Вероятнее всего, каждая стенка ящика включала по три плиты. Часть этих плит были выброшены в процессе грабительских раскопок и лежали вокруг оградки.

Оградка №2. До раскопок представляла собой слабо задернованную разрушенную каменную конструкцию подквадратной формы с тремя выраженными стенками. Ее расчистка выявила сооружение, основу которого составляли стенки из вертикально установленных плит, ориентированные углами по сторонам света, с незначительными отклонениями. Юго-восточную стенку образовывала одна плита, наклоненная наружу, размерами 1,8 x 0,54 x 0,12 м. Северо-восточная стенка также состояла из одной плиты, слегка наклоненной наружу, размерами 1,85 x 0,5 x 0,1 м. Северо-западная стенка включала одну плиту размерами

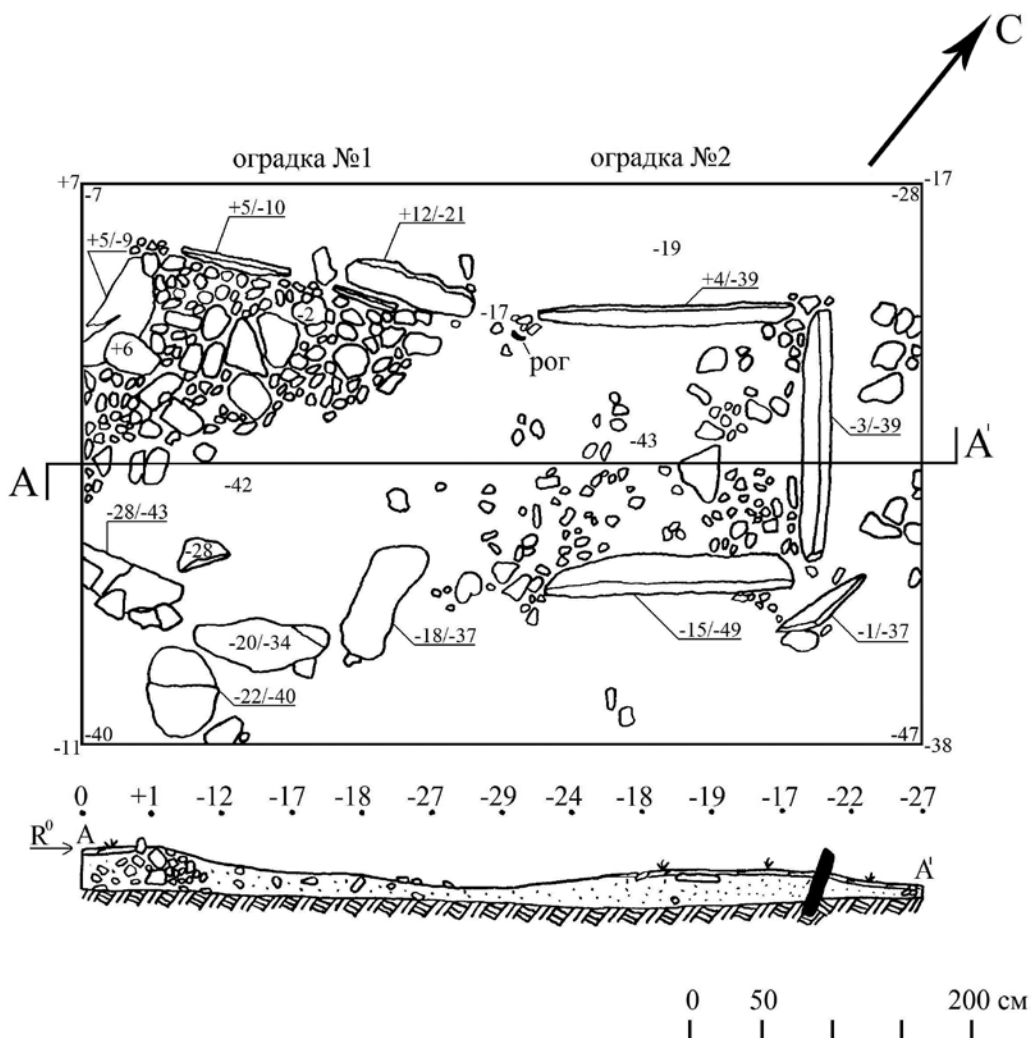

Рис. 13. Бийрэг. Оградки №1–2. План и разрез

Рис. 14 (фото). Бийрэг. Оградки №1–2. Общий вид после зачистки с юга

Рис. 15 (фото). Бийрэг. Оградки №1–2. Сохранившиеся плиты сооружений

1,85 x 0,53 x 0,14 м. На верхнем торце этой плиты были выбиты изображения животных (рис. 16–17). В юго-западной стенке плита отсутствовала, но она, выброшенная в результате грабительских раскопок объекта, лежала южнее оградки. Ее размеры составляли 1,9 x 0,48 x 1,2 м. От внутренней забутовки оградки сохранились в основном лишь мелкие камни по углам. Положение остальных камней было нарушено. В западном углу оградки на уровне материка найден фрагмент рога животного. У восточного угла оградки стояла вертикальная плита размерами 0,75 x 0,36 x 0,07 м, не углубленная в материк. Возможно, она дополнительно закрывала угол оградки. Первоначальные размеры оградки составляли 2 x 2 м. Основу конструкции образовывал квадратный ящик из четырех плит.

Плита с рунической надписью и другими изображениями подробно обследована и скопирована в филиале Ховдского музея (рис. 19–24). Она представляет собой плоский камень следующих размеров: длина – 1,09 м, высота – 0,41 м (до вкопанной

Рис. 16. Бийрэг. Изображения на торце плиты оградки №2 (прорисовка А.Н. Мухаревой)

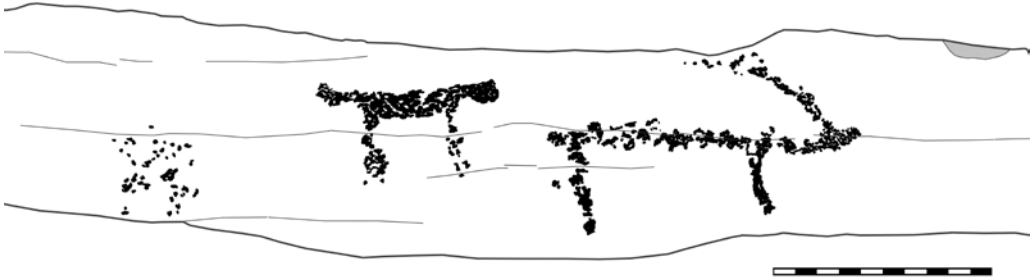

Рис. 17. Бийрэг. Оградка №2. Фрагмент плиты с изображениями (прорисовка А.Н. Мухаревой)

части), толщина – от 2,5 до 3 см. На одной из широких сторон плиты по центру выбито изображение козла. Немного выше и левее его головы вырезана горизонтальная строка рунической надписи. Общая длина строки – 12,5 см, наибольшая высота строки – 2,1 см. В строке 13 буквенных знаков. Выше надписи и рисунка козла вырезаны три крупных тамгообразных знака. Кроме того, вокруг надписи и козла имеются резные линии в основном диагонального направления, назначение которых пока не ясно.

Знаки рунического письма сделаны тонкими (ширина – менее 1 мм) резными линиями, но их глубина больше, чем у тамгообразных знаков. Некоторые знаки соответствуют буквам орхонского рунического алфавита [Кызлысов, 2002, табл. 3, 9, 21, 31], но большинство знаков характерны для выделяемого И.Л. Кызласовым [1994, табл. XV.-3, 5, 9, 14, 16, 23, 28, 33, 37, 38, 43] южно-енисейского рунического алфавита. Носителями этого алфавита данный исследователь считает тюрок-тугю, а его существование определяет VIII–X вв. н.э. [Кызласов, 1994, с. 217–218].

Рис. 18 (фото). Бийрэг, оградки №1–2. Вид с юго-востока после рекультивации раскопа и частичной музейфикации объектов

Рис. 19 (фото). Плита с рунической надписью из памятника Бийрэг, установленная в экспозиции филиала Ховдского музея

Рис. 20 (фото). Вид на часть плиты из оградки №1 памятника Бийрэг

Рис. 21 (фото). Руническая надпись на плите из оградки №1 памятника Бийрэг

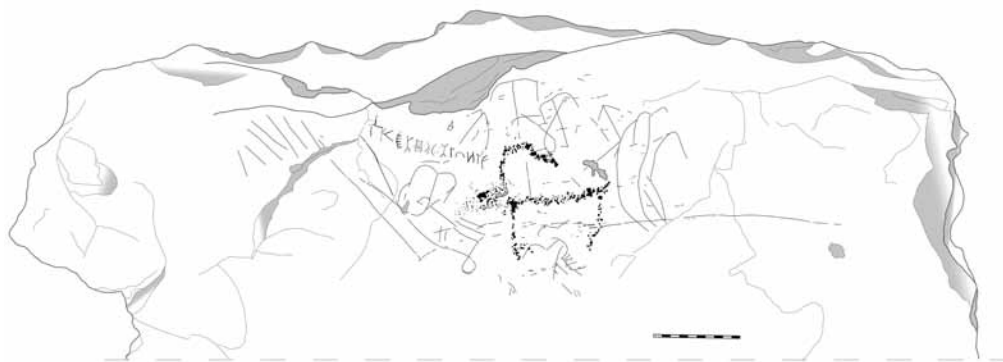

Рис. 22. Часть плиты из оградки №1 памятника Бийрэг и изображения на ней (прорисовка А.Н. Мухаревой)

Рис. 23. Изображения на плите из оградки №1 памятника Бийрэг (прорисовка А.Н. Мухаревой)

Рис. 24. Руническая надпись и изображение козла (прорисовка А.Н. Мухаревой)

Заключение

Объекты, исследованные на памятниках Харганат-II и Бийрэг, по своим конструктивным особенностям и совокупности зафиксированных характеристик имеют многочисленные аналогии среди материалов раскопок тюркских ритуальных комплексов Центральной Азии.

Наибольшую близость оградкам Харганат-II демонстрируют тюркские сооружения Монгольского Алтая, раскопанные на памятниках Улаан худаг-I и Бугатын зуур-I-II [Горбунов, Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2007; Горбунов, Тишкин, Шелепова, 2008]. Прежде всего, их объединяет наличие каменной стелы посередине оградки, заменявшей собой ствол дерева, часто встречающийся в других ритуальных комплексах. В целом исследованные оградки по всем признакам относятся к археологической культуре раннесредневековых тюрков. Очевидно, что каменные стелы, установленные в центре объектов, использовались аналогично деревянным столбам на Алтае, т.е. перед «закрытием» комплекса они могли специально ломаться. Время сооружения оградок памятника Харганат-II можно предварительно определить в рамках 2-й половины VI – 1-й половины VIII в., т.е. периодом существования тюркских каганатов, что может в определенной мере быть синхронизировано с изученными наскальными изображениями всадников. Массовое разрушение тюркских памятников Монголии, вероятно, было предпринято противниками после падения Второго Восточно-тюркского каганата [Гумилев, 1993, с. 365].

Анализ планиграфических особенностей объектов комплекса Бийрэг позволяет сделать заключение об их разновременности. Оградка №1 имеет ориентацию, отличную от объекта №2. Стенки оградки №1 ориентированы по сторонам света, а оградка №2 устроена по сторонам света углами, и следовательно, эти объекты не образуют одну линию. Существенные отличия имеются и в конструкции стенок оградок. Для оградки №1 сделан многоплитовый ящик, тогда как у оградки №2 ящик четырехплитовый. По мнению В.Е. Войтова [1996, с. 61, 70], многоплитовые ограды – признак более ранний, характерный для эпохи Первого Тюркского каганата, т.е. VI–VII вв. н.э., тогда как четырехплитовые ящики стали сооружаться на тюркских поминальных комплексах в период Второго Восточно-Тюркского каганата, т.е. в конце VII – 1-й половине VIII в. н.э. Данные наблюдения позволяют предположить, что сначала в местности Бийрэг была построена одиночная оградка №1, а затем, не ранее рубежа VII–VIII вв., рядом с ней соорудили оградку №2. Причем руническая надпись, тамги и рисунок козла нанесены на плиту северной стенки оградки №1 также не ранее этого времени. Вероятнее всего, их сделали строители оградки №2.

Таким образом, раскопанные оградки демонстрируют отличительные характеристики традиций строительства ритуальных комплексов, характерных для раннесредневековых тюрков. Дальнейшие работы в этой части Монголии, до сих пор изученной в археологическом отношении весьма фрагментарно, имеют большое значение для решения целого ряда проблем, касающихся взаимодействия кочевых народов в различные хронологические периоды.

Библиографический список

Баяр Д. Монголын тов нутаг дахь турэгийн хун чулуу (Тюркские каменные скульптуры Центральной Монголии). Улаанбаатар : Ин-т истории АН МНР, 1997. 148 с.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М. : Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Идэрхангай Т.-О., Мунхбаяр Ч., Серегин Н.Н., Лихачева О.С., Паршикова Т.С. Раскопки тюркских оградок в Западной и Центральной Монголии // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. Вып. 1. С. 19–22.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Исследования ритуальных комплексов Монгольского Алтая на памятниках Богатын-узуур-I и II // Теория и практика археологических исследований. Вып. 4. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 92–102.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Тюркские оградки в Западной Монголии (по материалам раскопок на памятнике Улаан Худаг-I) // Теория и практика археологических исследований. Вып. 3. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 62–68.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М. : Калашников – Комаров и К, 1993. 526 с.

Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы : ОФ «Тюркское наследие», 2006. 168 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск : Наука, 1984. 230 с.

Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. Горно-Алтайск : РИО ГАГУ «Универ-Принт», 2002. 164 с.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М. : Восточная литература, 1994. 327 с.

Мунхбаяр Б.Ч., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Эрдэнэбаатар Д., Серегин Н.Н., Сарантугалаг Д., Идэрхангай Т.-О. Раскопки на памятнике Хар узуур-I // Эрдэм шинжилгээний бичиг. 2013. №6 (18). С. 89–114.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М. : Наука, 1984. 168 с.

Новгородова Э.А. Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНР // Тюркологический сборник 1977. М. : Наука, 1981. С. 203–218.

Новгородова Э.А., Горелик М.В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. М. : МГУ, 1980. С. 101–112.

Серегин Н.Н. Изучение и интерпретация погребальных комплексов раннесредневековых тюрков Монголии (историографический аспект) // Теория и практика археологических исследований. 2014. №1 (9). С. 101–114.

Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул : Азбука, 2015. 168 с.

Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. 112 с. : ил.+вкл.

Тишкин А.А. Индэры Монгольского Алтая как отражение мировоззренческих представлений современных кочевников // Древние и современные культовые места Алтая. Барнаул : АРТИКА, 2011. С. 76–80.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Мухарева А.Н. КатафрактариИ Хар-Хада // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 221–226.

V.V. Gorbunov, A.A. Tishkin, N.N. Seregin, A.N. Muhareva, Ch. Munhbayar

CONTINUATION OF RESEARCH OF THE TURKIC ENCLOSURES IN MONGOLIAN ALTAI

The purposeful studying of Turkic burial fences has been carried out by Buyant Russian-Mongolian archaeological expedition in the territory of the Mongolian Altai since 2007. The results of excavation on the sites Harganat-II and Biyreg located in the Hovd aimag are presented in the article. The research of the first complex found near a known petroglyphic composition Har-Had with images of the heavy armed riders was aimed at obtaining additional information on the period of the early Middle Ages. The second object is connected with the recorded runic inscription on one of plates of a traditional ritual object of Turkic time. Unfortunately, all dug-out enclosures were disturbed by the previous penetrations, and no material evidence was found. However, the revealed constructions and also the recorded written signs allowed to define the chronology of all previously studied objects. All stages of the performed work are illustrated by plans and pictures. At the final stage the partial museumification of each dug-out enclosures was made. The plate with a runic inscription is stored in branch of the Hovd museum.

Keywords: The Mongolian Altai, archaeological expedition, Turkic enclosures, early Middle Ages, excavation, runic inscription, stele, stone construction, museumification.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 903.2; 903.05

А.П. Бородовский, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ОБЛОМОК КИТАЙСКОГО ЗЕРКАЛА ИЗ ШАГИРСКИХ ЮРТ В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ*

Статья посвящена рассмотрению крупного фрагмента металлического зеркала, обнаруженного весной 2014 г. на берегу оз. Чемодан, у с. Шагир Барабинского района Новосибирской области (Россия). С помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра установлен медно-свинцово-оловянный сплав, из которого был изготовлен предмет. Поиск аналогий не увенчался успехом. Зафиксировать подобный экземпляр авторам пока не удалось. Лишь по нескольким признакам изделие предварительно соотнесено с периодом существования в Китае династии Тан. Долгое время с территории Барабинской лесостепи были известны только единичные находки металлических зеркал или их обломков, которые можно назвать китайскими. Однако за последнее время уже обнаружена серия таких артефактов. Их детальное изучение, а также картирование позволит получить существенную информацию культурно-исторического плана. Также можно установить локализацию южно-таежной кромки, которая на территории Барабы неоднократно смещалась. Перспективным направлением дальнейших исследований станет обобщение сведений о металлических зеркалах эпохи Средневековья, обнаруженных на территории Западной Сибири. В этом плане важно реализовать комплексный анализ всех находок по единой программе.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь, раннее средневековье, китайское зеркало, рентгенофлуоресцентный анализ, эпоха Тан.

DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-06

Введение

До недавнего времени на территории Новосибирской области были известны единичные свидетельства о средневековых китайских зеркалах (например, часть такого изделия зафиксирована на памятнике Сопка-2 [Молодин, Соловьев, 2004, с. 20, рис. 40, табл. XVIII.-43]). В начале нового столетия ситуация изменилась. К северу от транссибирской железнодорожной магистрали и автомобильной трассы «Байкал», частично совпадающей со старым Московским трактом, обнаружена целая серия случайных находок рассматриваемого плана (Теренинские юрты, Шагирские юрты, Сергеевка, окрестности р.п. Кольвани Новосибирской области). Среди них есть целые металлические изделия и фрагменты. Одной из таких находок посвящена настоящая публикация.

Весной 2014 г. на берегу оз. Чемодан у с. Шагир Барабинского района Новосибирской области (рис. 1, 2) обнаружен обломок бронзового китайского зеркала крупных размеров. Название местонахождения обозначено как Шагирские юрты. Этот выбор обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, данный археологический объект зафиксирован в ареале жизнедеятельности населения Шагирских юрт, известных еще с конца XVII – начала XVIII в. Во-вторых, случайные находки упомянутых выше китайских зеркал достаточно часто происходят из тех мест, которые обозначались

* Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14. Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Рис. 1 (фотоснимок из космоса). Место находки обломка металлического зеркала на берегу оз. Чемодан (Новосибирская обл.)

на ремезовской картографии, составленной на рубеже XVII–XVIII вв., как «юрты». Например, еще одно целое изделие происходит с территории Теренинских юрт, что в современных условиях соответствует северо-западным окрестностям с. Теренино Каргатского района Новосибирской области.

В расположении китайских зеркал из Шагирских и Теренинских юрт есть целый ряд сходных черт. Прежде всего обнаружение этих предметов связано с береговой кромкой озер, на которых в связи с отсутствием рельефных признаков погребальных комплексов с большой долей вероятности существовал разновременный поселенческий слой. Из него и могли происходить указанные находки.

Материал, методы, результаты

Рассматриваемый фрагмент металлического зеркала исследовался с разных сторон. Его вес составил 140 граммов*. Само изделие было сломано давно. Об этом свидетельствуют заполированные края найденной части (рис. 3). Первоначальный диа-

* Для получения этого показателя использовались почтовые электронные весы.

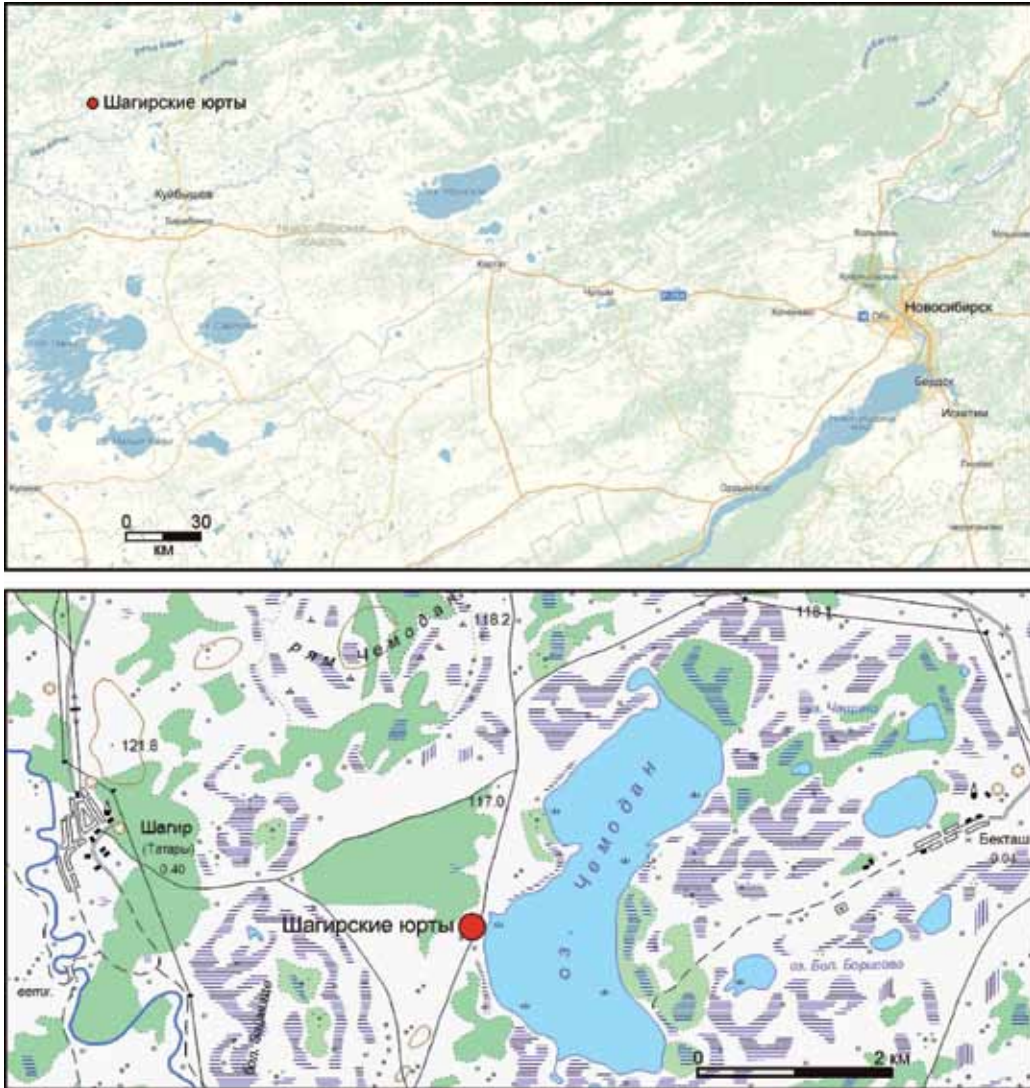

Рис. 2. Местонахождение Шагирских юрт на современных картах Новосибирской обл.

метр целого зеркала мог быть 15,3 см (рис. 4). Размеры оставшейся части – 14 x 8,6 см. Толщина бортика – 0,5 см. Высота шишка-петли с учетом толщины диска – 0,85 см (без него – 0,65 см). Другие ее размеры (крайние) – 1,35 x 1,15 см. Диаметр отверстия – около 0,5 см. Шишка-петля отлита вместе с зеркалом.

По периметру изделия имелся бортик (рис. 3 и 4). Он слегка отогнут вовнутрь, край его заовален. Ширина бортика (по основанию) – от 0,8 до 1 см.

С помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США), который имеется на кафедре археологии, этнографии и музеологии АлтГУ, предпринято определение химического состава сплава рассматриваемого фрагмента зеркала. Сначала почти по центру тестировалась

поверхность гладкой (лицевой) части диска. Прибором дважды (в разных местах) зафиксированы следующие результаты:

Cu (медь) – 30%; Pb (свинец) – 49,57%; Sn (олово) – 20,43%;

Cu – 31,21%; Pb – 43,81%;

Sn – 23,44%; Fe (железо) – 1,54%.

Несмотря на выявленные компоненты, эти данные демонстрируют наличие существенного слоя окислов. Характерно, что свинец и олово в совокупности доминируют в нем. При этом необходимо указать на повышенное содержание железа. Подобная ситуация фиксировалась и при исследовании орнаментированной поверхности:

Cu – 45,26%; Pb – 32,52%; Sn – 22,04%; Fe – 0,18%;

Cu – 43,27%; Pb – 34,62%; Sn – 21,98%; Fe – 0,13%.

Отдельно в двух местах тестировалась поверхность шишки-петли:

Cu – 14,86%; Pb – 67,69%; Sn – 17,26%; Fe – 0,19%;

Cu – 17,35%; Pb – 66,86%; Sn – 15,56%; Fe – 0,23%.

Эти сведения демонстрируют значительное количество свинца на характерной детали зеркала. Указанное доминирование одного из основных элементов сплава отразилось на показателях двух других, особенно на меди. За-

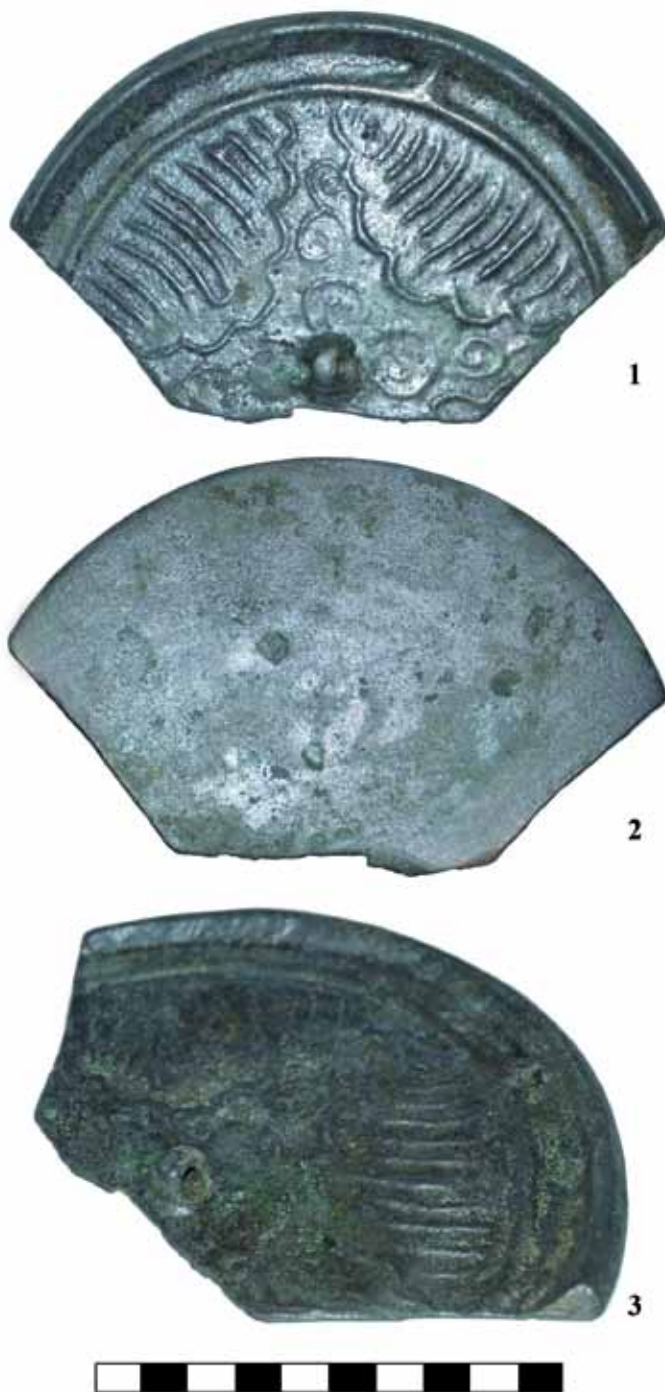

Рис. 3 (фото). Шагирские курганы.
Виды фрагмента металлического зеркала
(снимки сделаны А.А. Тишкиным)

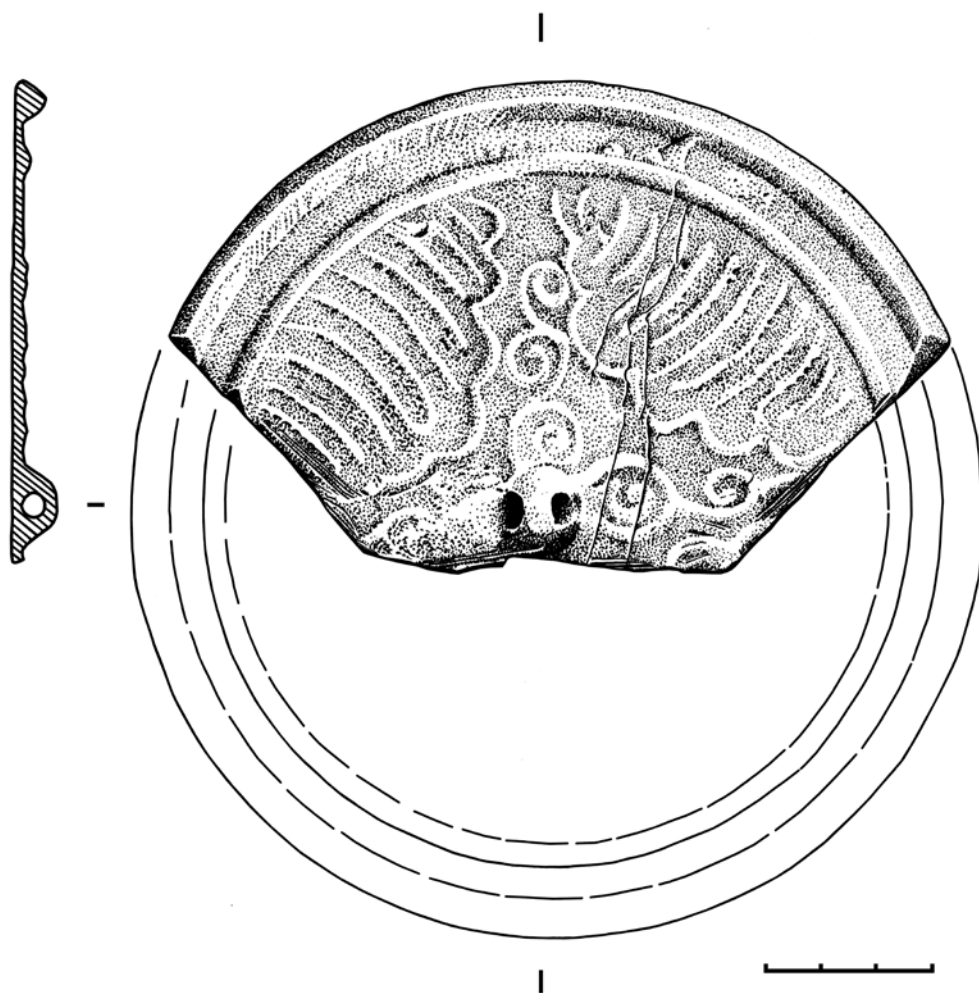

Рис. 4. Шагирские юрты. Орнаментированная сторона и разрез найденной части металлического зеркала (рисунок выполнен А.Л. Кунгуровым)

фиксированная ситуация отражает частный момент технологического процесса изготовления предмета.

Для получения более адекватных количественных показателей указанным прибором исследовались два участка неорнаментированной поверхности, где были осуществлены механические снятия окислов. Тестирование проводилось в разных местах. Получена следующая серия схожих результатов:

- 1) Cu – 54,98%; Pb – 32,8%; Sn – 12,22%;
- 2) Cu – 58,17%; Pb – 29,8%; Sn – 12,03%;
- 3) Cu – 60,6%; Pb – 26,55%; Sn – 12,85%;
- 4) Cu – 59,26%; Pb – 27,78%; Sn – 12,96%;
- 5) Cu – 60,33%; Pb – 27,89%; Sn – 11,78%.

Исходя из приведенных данных, можно сделать заключение о том, что изделие изготовлено из медно-свинцово-оловянного сплава. Такое сочетание трех компонентов использовалось для изготовления металлических зеркал в период раннего средневековья. В частности, на Алтае на памятнике Шибе найдена уменьшенная копия китайского зеркала с подобным составом [Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXIV, с. 49, 78–79]. Однако чаще всего для китайских зеркал фиксируется медно-оловянно-свинцовый сплав [Лубо-Лесниченко, 1975; Тишкин, Серегин, 2011, с. 82–85 и др.].

Обсуждение

Для определения датировки обнаруженного фрагмента и идентификации имеющегося орнамента (рис. 4) привлечены специальные книги и публикации. Подобные образцы отсутствуют в широко используемой монографии Е.И. Лубо-Лесниченко [1975]. Просмотры других изданий и каталогов, а также имеющихся интернет-ресурсов и собственных фотоархивов результатов не дали. В связи с этим авторы статьи обратились за консультацией к сотруднику Института археологии и этнографии СО РАН, кандидату исторических наук С.В. Алкину*. По мнению археолога, который знает китайский язык, металлическое зеркало может относиться к эпохе Тан, а на рассмотренном обломке изображена гора, встречающаяся на ряде косвенных аналогий [Кун Сянсин, 1997, с. 633, 645].

Орнамент на зеркале нечеткий. Данный признак указывает на то, что мы имеем дело с копией китайского образца. Вопрос о месте изготовления изделия остается открытым. Имеющиеся наблюдения свидетельствуют о более широком распространении фрагментов в Западной Сибири на протяжении раннего средневековья [Тишкин, Серегин, 2011, с. 100–102 и др.]. Это обусловлено удаленностью от существовавших ремесленных центров Китая. Дальнейшие исследования позволят расширить научно-информационный потенциал публикуемого фрагмента.

Заключение

В завершение данной статьи важно отметить несколько обстоятельств, связанных с особенностями фиксации случайных находок в виде средневековых металлических зеркал и их обломков.

1. Имеет место перспективность поиска новых археологических памятников и эксклюзивных средневековых изделий на местах татарских юрт, отмеченных в атласе С.У. Ремезова.

2. Расположение практически всех вновь выявленных китайских зеркал на географической карте демонстрирует примерно одну линию выше современного Московского тракта, от Колывани до Шагирских юрт. Весьма вероятно, что такая локализация совпадает с прежней южно-таежной кромкой, которая на территории Барабы несколько раз смещалась на протяжении веков.

3. Необходимо отметить относительную труднодоступность мест обнаружения китайских зеркал в Барабе (плохие дороги или их отсутствие, нахождение среди болот).

4. Как показывает практика, металлические зеркала и их обломки в Новосибирской области чаще можно зафиксировать не в погребальных комплексах, а на других типах памятников, включая поселения и местонахождения.

* Авторы статьи выражают благодарность С.В. Алкину за ценные указания и присланные копии сюжетных аналогий.

Библиографический список

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины: К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М. : Наука, 1975. 155 с. + рис.

Кун Сянсин. Чжунго тунцзин тудянь (Иллюстрированный словарь китайских бронзовых зеркал). Пекин : Вэнь чубаньшэ, 1997. 952 с. (на кит. яз.).

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 2 : Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 184 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул : Азбука, 2011. 144 с. : ил.

A.P. Borodovsky, A.A. Tishkin

FRAGMENT OF THE CHINESE MIRROR FROM SHAGIRSKY YURTAS IN THE BARABINSK FOREST-STEPPE

The article concerns a large fragment of the metal mirror found in the spring of 2014 on the bank of the lake Chemodan at the village Shagir of the Baraba Area of Novosibirsk region (Russia). By means of a X-ray fluorescent spectrometer a copper and lead-tin alloy of the subject is established. Search of analogies wasn't successful. Authors didn't manage to record a similar copy yet. Only on several signs the artifact is previously correlated to the existence period of Tan dynasty in China. Long time from the territory of the Baraba forest-steppe only single finds of metal mirrors or their fragments which it is possible to call Chinese were known. However a series of such artifacts is already found lately. Their detailed studying, and also mapping will allow to receive essential information of the cultural and historical plan. In particular, it is possible to establish localization of a southern taiga edge which in the territory of Baraba was repeatedly displaced. Synthesis of data on the metal mirrors of the Middle Ages found in the territory of Western Siberia will become the perspective direction of further researches. In this plan it is important to carry out the complex analysis of all finds according to the uniform program.

Keywords: Baraba forest-steppe, early Middle Ages, Chinese mirror, X-ray fluorescent analysis, Tan era.

МАСС-СПЕКТРОМЕТРИЧЕСКИЙ МУЛЬТИЭЛЕМЕНТНЫЙ АНАЛИЗ АРТЕФАКТОВ ДРЕВНЕГО БРОНЗОЛИТЕЙНОГО ЦЕНТРА И ШАМАНСКОЙ АТРИБУТИКИ ТАЙМЫРА

Научно-поисковая экспедиция «Сибирская Прародина – Таймыр-2009» (руководитель Е.Г. Вертман) провела отбор и изучение археологических экспонатов бронзового века Сибирского Заполярья в фондах краеведческих музеев Приенисейского региона, а также собрала коллекцию медных руд.

Методом масс-спектрометрического анализа с индуктивно связанной плазмой (ИСП-МС) определены содержания 63 элементов в диапазоне от 100 до $10^{-7}\%$ масс. в бронзах, самородной меди и рудах, железных артефактах и материалах льячек древнего Таймырского горно-металлургического комплекса из коллекции Л.П. Хлобыстина в Таймырском краеведческом музее г. Дудинки. Показано, что древние металлурги использовали чистую самородную медь без присадок других элементов.

Также методом ИСП-МС изучены предметы шаманской атрибутики из Этнографического музея О.Р. Крашевского на озере Лама, плато Путорана. Химический состав бронзовых медальонов с изображением китовраса и подвесок из музеев Дудинки, Норильска, оз. Лама, Красноярска значительно отличается от химического состава самородной меди. Этот факт свидетельствует о том, что они не связаны с эпохой ранней бронзы Заполярья, а имеют более позднее происхождение (XVI–XII вв.).

Ключевые слова: масс-спектрометрический анализ (ИСП-МС), медь, бронза, железо, бронзовый век, шаманская атрибутика, китоврас, Таймыр.

DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-07

Открытие и изучение самого северного древнего бронзолитейного центра Таймырского Заполярья выдающимся представителем русской арктической археологии Леонидом Павловичем Хлобыстиным имеет огромное значение для понимания феномена бронзового века в истории человечества [Хлобыстин, 1998] (рис. 1, 2). Полевые исследования, осуществленные им в период 1966–1981 гг., позволили собрать прекрасную коллекцию артефактов, изучение которых мы продолжили.

Одной из задач научно-поисковой экспедиции «Сибирская Прародина – Таймыр-2009» (руководитель Е.Г. Вертман) являлись отбор и изучение археологических экспонатов бронзового века Сибирского Заполярья в фондах краеведческих музеев приенисейского региона [Вертман, Лавбин, Тощев, 2009, с. 18], а также сбор коллекции медных руд.

Норильский горнорудный район Таймыра известен богатыми месторождениями меди, полиметаллов, а также необходимых для цветной металлургии известняковых флюсов и даже каменного угля. На левобережье реки Арылах самородная медь обнаружена геологами НКГРЭ Е.И. Волковым, В.Ф. Ржевским, А.Г. Лапшиным в 1967 г., а в 1973–1974 гг. были проведены поисково-оценочные работы под руководством О.А. Дюжикова, которые позволили открыть Арылахское месторождение меди. Позднее там же найдено еще несколько меднорудных проявлений, например Неракачи-Уохирское. Главным рудным минералом является самородная медь. Наибольшая концентрация металла приурочена к карбонатным брекчевидным породам и достигает 4–5%. Причем, как показали современные геологические исследования, эти карбонатные породы идеально подходили в качестве флюса, необходимого для качественной плавки металла [Урванцев, 1981; Савушкин, 2004, с. 51].

Там же, на северной окраине плато Путорана, многочисленные реки прорезают гигантские каньоны глубиной до 1,5 км, вынося и откладывая в низовье миллионы тонн дробленой породы. Этот естественный процесс приводит к освобождению от породы и переотложению самородков. Вес самородков составляет от нескольких граммов до десятков килограммов. Для древних горняков добыча меди заключалась в поиске и сборе таких самородков (рис. 3). Кроме того, они могли использовать и медные руды, также выбирая их куски в речных отложениях.

Таким образом, древние заполярные металлурги были обеспечены высококачественным сырьем – самородной медью и параллельно карбонатным флюсом. Для плавки металла требовалось высококалорийное топливо. Его металлурги получали в виде древесного угля, который готовили из берез, произраставших на севере Таймыра в до-

Рис. 1, 2 (фото). Бронзолитейная мастерская (гора шлака)
в заполярной тундре на правом берегу р. Пясины, Таймыр, 2009 г.

статочно теплом для того времени климате. Река давала неограниченное количество воды и глинистые отложения для изготовления литейных форм и льячек (рис. 4).

Подтверждением таких предпосылок развития древней цветной металлургии на севере Таймыра служат открытые Л.П. Хлобыстиным на берегах р. Пясины вблизи от Арылахского месторождения древние стоянки с бронзолитейным производством.

Для изучения химического состава всех компонентов бронзолитейного производства мы использовали нетрадиционный для археологов, но современный, сравнительно дешевый мультиэлементный высокоточный метод масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой (ИСП-МС).

В настоящее время благодаря созданию новых компьютеризированных масс-спектрометров с мощным программным обеспечением метод ИСП-МС стал широко использоваться для количественного мультиэлементного анализа металлов, горных пород, руд и минералов, растительных и биологических объектов, различных вод, других природных и техногенных объектов. Универсальность метода делает его особенно удобным для решения задач археологии [Вергман, Федюнина, Тенякшева, 2009, с. 48]. Основными преимуществами метода являются высокая чувствительность, широкий диапазон определяемых содержаний ($100 - 1 \times 10^{-6}$ масс. %) для большинства из 63 элементов: Li, Be, Na, Mg, Al, Si, P, K, Ca, Ti, V, Cr, Mn, Fe, Co, Ni, Cu, Zn, Ga, Ge, As, Se, Rb, Sr, Y, Nb, Mo, Ru, Pd, Ag, Cd, In, Sn, Sb, Te, Cs, Ba, La, Ce, Pr, Nd, Sm, Eu, Gd, Tb, Dy, Ho, Er, Tm, Yb, Lu, Hf, Ta, W, Re, Pt, Au, Hg, Tl, Pb, Bi, Th, U.

Точность анализа ИСП-МС соответствует 5% при высокой правильности, обеспечиваемой контрольными измерениями государственных стандартных образцов состава (ГСО) и аттестованными методиками анализа.

Метод позволяет работать с малым количеством вещества (до 10^{-3} г), что обуславливает его применение в криминалистике и археологии. Решается и проблема оценки средних содержаний элементов в больших пробах путем их гомогенизации.

Следует отметить, что получить достоверный и качественный во всех отношениях результат анализа можно только в лаборатории или центре, аккредитованных на техническую компетентность и независимость в соответствии с требованиями ГОСТ-Р ИСО/МЭК 17025/2005 и имеющих достаточный опыт работы на спектрометрах нового поколения. Кроме того, в настоящее время необходимо пользоваться аттестованными и внесенными в Госреестр методиками ИСП-МС, например, такими, как методика МВИ №001-ХМС-2007, ФР. 1.31, а также МВИ №002-ХМС-2009, ФР. 1.31.2010.06998 III категории точности, разработанные в аккредитованном ООО «Химико-аналитический центр

Рис. 3 (фото). Медный самородок (50 x 30 x 10 мм). Горы Хараелах. Таймыр

Рис. 4 (фото). Льячка из обожженной глины, реестровый №27, ПОР-I 139-1-72. Стоянка Усть-Половинка, р. Пясины. Таймырский краеведческий музей

Методом ИСП-МС предварительные исследования состава бронзовых сплесков, шлаков, медных руд древних горно-металлургических комплексов Таймыра, Алтая, Томского региона показали возможность выявления новых критериев идентификации бронзовых и медных изделий по микроэлементному составу. Обычный спектральный метод анализа не позволяет этого сделать из-за более низких метрологических параметров [Вертман, Васильев, Грушин, 2010, с. 71].

Методом ИСП-МС нами проанализированы бронза, медь, железо, материал льячек, шлаки древних горно-металлургических центров Таймыра из коллекций Л.П. Хлобыстина Таймырского краеведческого музея г. Дудинки, а также изучена бронзовая атрибутика нганасанских шаманов и отдельные находки бронзовых изделий из коллекций Музея Норильского района, Этнографического музея О.Р. Крашевского на озере Лама (плато Путорана) и Красноярского краеведческого музея. Мы благодарим дирекцию и сотрудников вышеупомянутых музеев, которые любезно предоставили нам такую возможность.

Образцы медной руды и самородной меди Таймыра были предоставлены Норильским филиалом ВСЕГЕИ (Ф.Д. Лазарев, Г.В. Шнейдер), Талнахским музеем ООО «Норильскгеология» (В.В. Кургин), красноярским геологом В.В. Стеблевым.

В таблице 1 приведены результаты анализа медных руд и самородной меди Таймыра (% масс, далее – %). Здесь и далее следует обратить внимание на выделенные жирным шрифтом элементы и значения их содержаний, которые являются важными первоочередными параметрами для характеристики конкретной пробы.

Самородная медь Таймыра из разных месторождений имеет высокую чистоту (более 99,5% Cu) и различается по содержанию микроэлементов. Так, Арылахский самородок Стеб-1 содержит примеси Ni, Pd, Pt, Au, Pb, Bi на два порядка выше, чем медь в двух пробах рудопоявления Неракачи-Уохирское. Руды бассейна р. Таймыры отличаются повышенным на два-три порядка содержанием мышьяка (0,41%), и, видимо, металл, полученный из такой руды, будет близок к мышьяковистой бронзе. К сожа-

«Плазма» (ООО «ХАЦ «Плазма») на масс-спектрометре ELAN DRC-E фирмы «Perkin-Elmer Instruments LLS» [Свидетельство аттестации, 2010].

Высокие метрологические параметры метода ИСП-МС, а также возможность одновременного определения макро- и микросодержаний элементов в одной и той же навеске одним и тем же методом позволяют производить количественное сравнение химического состава объектов и выявлять достоверные критерии их подобия или отличия, что важно для идентификации артефактов.

Выполненные нами мето-

лению, север полуострова Таймыр (район р. Таймыры и оз. Таймыр) археологически не изучен, и мы не имеем соответствующих образцов древней бронзы, хотя наличие медных руд предполагает там наличие древних бронзолитейных мастерских.

Химический состав артефактов бронзового и раннего железного веков мы сравнили с поздними бронзами на примере медальонов с изображениями китоврасов, полканов и всадников. Всего исследованы 99 образцов на 63 элемента, что позволяет изучить не только макросостав (содержание элементов 100–0,1%), но и микросостав (содержание 0,1–0,000001%).

Для реконструкции истории металлургического процесса имеет значение знание не только подробного химсостава всех компонентов шихты, шлака, но и химсостава применяемых приспособлений и инструментов.

Таблица 1

Химический состав медных руд и самородной меди Таймыра.
Анализ методом ИСП-МС, ООО «ХАЦ «Плазма», Томск, % масс.

Элемент	Медь самородная, самородок 50030 х 10 мм продырявл. Арылахское месторожд. Стеб-1	Медь самородная, 15 х 8 х 3 мм из известняка р. Неракчи, р/п Уохирь А-II 7-3	Медь самородная, пластинка из миндалины в базальтах р. Неракчи, р/п Уохирь	Руда, известняк розовато-сиреневый, брекчирован. с сам. медью р. Неракчи р/п Уохирь Ш-101-1	Руда, агаатовидная миндалина, сам. медь в базальтах р. Микчанда, верховье р. Кумга Ш-295	Руда, медная фосфатная, кристаллы голубого цвета, Сев. Таймыр Стеб-2	Руда, блеклая в ордовикских отл. руч. Горбатый, приток 1-й Головы р. Таймыры Ш-113
Li	0,000054	0,000027	0,000028	0,0013	0,0011	0,00012	0,00036
Be	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000014	0,00010	<0,000001	0,000020
Na	0,012	<0,001	0,0016	0,029	0,71	0,011	0,020
Mg	0,0020	0,0012	0,0013				
Al	0,0055	0,014	0,0033	0,037	1,83	0,16	0,28
Si	0,083	0,24	0,20				
P	<0,001	<0,001	0,002	0,43	0,13	0,0010	0,0039
K	0,015	<0,001	<0,001	0,011	0,77	0,017	0,11
Ca	0,034	0,34	0,059				
Ti	0,0010	0,000080	0,00020	0,0056	0,42	0,011	0,0064
V	0,0022	0,00084	0,0016	0,026	0,017	0,0014	<0,0001
Cr	<0,0001	<0,0001	<0,0001	0,00058	0,0092	0,00041	0,00044
Mn	0,0000052	0,0014	0,000045	0,44	0,086	0,00043	0,00735
Fe	0,011	0,010	0,0010	4,45	6,65	0,039	0,73
Co	0,000068	0,0000070	0,0000067	0,0058	0,0028	0,00012	0,00021
Ni	0,42	0,0032	0,0011	0,0024	0,018	0,10	0,016
Cu	99,46	99,66	99,73	4,93	1,99	29,41	2,83
Zn	0,0002	0,0003	0,0005	0,0421	0,0072	0,0002	0,2038
Ga	0,000017	<0,000001	0,0000059	0,00015	0,0013	0,00011	0,00012
Ge	0,000018	<0,000001	0,000018	0,000031	0,00018	0,00016	0,00057
As	0,00094	0,0037	<0,0001	0,0084	0,0038	0,0076	0,41
Se	0,020	<0,0001	0,00051	0,00036	0,00076	0,059	0,0011
Rb	<0,000001	0,0000015	0,000011	0,000067	0,0043	0,000066	0,00025

Элемент	Медь самородная, самородок 50030 х 10 мм продырявл. Арылахское месторожд. Стеб-1	Медь самородная, 15 х 8 х 3 мм из известняка р. Неракчи, р/п Уохирь А-П 7-3	Медь самородная, пластинка из миндалины в базальтах р. Неракчи, р/п Уохирь	Руда, известняк розовато-сиреневый, брекчирован. с сам. медью р. Неракчи р/п Уохирь Ш-101-1	Руда, агатовидная миндалины, сам. медь в базальтах р. Микчанда, верховье р. Кумга Ш-295	Руда, медная фосфатная, кристаллы голубого цвета, Сев. Таймыр Стеб-2	Руда, блеклая в ордовикской отл. руч. Горбатый, приток 1-й Головы р. Таймыры Ш-113
Sr	0,000071	0,000030	<0,00003	0,027	0,0089	0,00026	0,0014
Y	0,000037	0,000036	0,000044	0,000080	0,00038	0,000037	0,000061
Nb	0,000033	0,000015	0,000022	0,00061	0,00031	0,00012	0,000020
Mo	0,000015	0,000091	0,000015	0,00051	0,000084	<0,000001	0,00011
Ru	0,000062	0,000014	0,000014	0,000019	0,000026	0,00012	0,000046
Pd	0,0021	<0,000001	0,000015	0,000066	0,000065	0,0060	0,000044
Ag	0,017	0,022	0,020	0,00018	0,00031	0,046	0,0058
Cd	0,000046	0,000016	0,000014	0,0001390	0,0000348	0,000032	0,0018
In	0,000032	<0,000003	<0,000003	0,000070	0,000082	<0,000003	0,000073
Sn	0,00016	0,00031	0,000048	0,0034	0,00022	0,000060	0,000056
Sb	0,00017	0,000018	0,000094	0,00022	0,000042	0,00037	0,26
Te	0,0021	0,000030	0,000033	0,000030	0,000015	0,0050	<0,000001
Cs	<0,0000005	<0,0000005	0,000011	0,000013	0,000019	0,000061	0,000073
Ba	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,0048	0,0043	<0,000001	0,00035
La	0,000014	0,000080	<0,000001	0,0017	0,00055	0,000077	0,000073
Ce	0,0000087	0,000016	0,0000081	0,0015	0,0014	0,00014	0,00010
Pr	0,0000009	0,0000013	0,0000013	0,000084	0,00019	0,0000087	0,000016
Nd	<0,000002	0,0000045	0,0000070	0,00016	0,00077	0,000058	0,000050
Sm	<0,000001	<0,000001	0,0000028	0,000013	0,00018	<0,000001	0,0000064
Eu	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000033	0,000042	0,0000024	<0,000001
Gd	<0,000002	<0,000002	<0,000002	0,000018	0,00019	0,0000038	0,0000071
Tb	<0,0000005	<0,0000005	0,0000009	0,0000038	0,000036	0,0000005	0,0000014
Dy	<0,000001	<0,000001	0,0000014	0,0000025	0,00016	0,000010	0,000010
Ho	<0,0000005	<0,0000005	<0,0000005	0,0000005	0,000033	0,0000029	0,0000010
Er	<0,0000008	<0,0000008	<0,0000008	<0,0000008	0,000085	0,0000015	0,0000049
Tm	<0,0000003	0,0000004	<0,0000003	<0,0000003	0,000012	<0,0000003	0,0000014
Yb	<0,000001	0,0000013	<0,000001	<0,000001	0,000062	0,0000030	0,0000030
Lu	<0,0000005	<0,0000005	<0,0000005	0,0000010	0,0000099	<0,0000005	0,0000014
Hf	0,0000005	0,0000009	0,0000007	0,0000000	0,00017	0,000013	0,0000089
Ta	<0,0000006	<0,0000006	<0,0000006	0,0000008	0,0000198	0,0000090	<0,0000006
W	0,0000012	0,0000039	0,0000021	0,00078	0,000018	0,000012	0,0000088
Re	<0,0000006	0,0000008	0,0000007	0,0000024	<0,0000006	0,0000008	<0,0000006
Pt	0,0020	<0,000001	0,0000021	0,0000053	0,000020	0,0049	<0,000001
Au	0,00091	0,0000012	0,000010	0,000021	0,0000085	0,0012	0,000014
Hg	0,000013	0,000049	0,000017	0,000018	0,000011	0,000014	0,0027
Tl	0,0000021	<0,0000003	0,0000027	0,0000052	0,000011	0,0000020	0,000030
Pb	0,0072	0,000041	0,000029	0,0046	0,00028	0,0073	0,011
Bi	0,00020	0,0000008	0,0000015	0,00022	0,0000032	0,000073	0,00015
Th	0,0000013	<0,0000003	<0,0000003	0,0000021	0,000043	0,000031	0,000024
U	0,0000018	<0,0000001	<0,0000001	0,00054	0,000045	0,000016	0,000024

Мы проанализировали материал пяти льячек, а также капли сплава из двух льячек из коллекции Л.П. Хлобыстина в Таймырском краеведческом музее. Артефакты найдены на стоянке Усть-Половинка. Ее местонахождение – на левом берегу р. Пясины, ниже устья р. Половинки, в 53 км от истока из озера Пясины. Возможности метода анализа ИСП-МС позволили убедиться в том, что отработавшая льячка «заражается» элементами, содержащимися в разливаемом сплаве (табл. 2).

Таблица 2

Химический состав льячек из обожженной глины и капель расплава меди из них.
Анализ методом ИСП-МС, ООО «ХАЦ «Плазма», Томск, % масс.

Элемент	Глина обожж. льячки	Металл. капля из льячки	Глина обожж. льячки	Металл. капля из льячки	Глина обожж. льячки	Глина обожж. льячки	Глина обожж. льячки
	ПОР-I-72 р. №27		ПОР-У-73 р. №157		ПОР-III-72 40-72	ПОР-V-73 20-23-73	ПОР-V-73 41-73
Li	0,0013	<0,00001	0,0016	0,00038	0,0014	0,0014	0,0016
Be	0,00038	0,00015	0,00017	<0,000001	0,000043	<0,000001	0,00038
Na	1,02	0,0031	1,33	0,040	1,32	1,04	1,32
Mg	1,09	0,0040	1,68	0,023	2,08	1,69	2,20
Al	3,39	0,011	4,41	0,042	4,32	4,49	5,99
Si	31,55	0,016	31,49	<0,001	23,80	26,91	30,16
P	0,057	0,044	1,23	0,091	0,11	0,57	0,056
K	1,22	0,0056	1,69	0,22	1,05	1,00	1,24
Sc	0,0011	0,012	0,0016	0,92	0,0018	0,0016	0,0021
Ti	0,37	0,0012	0,53	<0,00001	0,42	0,58	0,77
V		0,0014		<0,001			
Cr	0,0072	0,00049	0,010	0,0024	0,013	0,012	0,015
Mn	0,066	0,00074	0,15	0,0027	0,094	0,12	0,11
Fe	2,92	0,017	4,92	0,21	4,55	5,04	6,73
Co	0,0020	0,0035	0,045	0,0017	0,0034	0,0089	0,0032
Ni	0,0043	0,037	0,021	0,039	0,019	0,012	0,0070
Cu	0,12	98,30	1,31	94,19	2,71	1,82	0,036
Zn	0,0091	0,010	0,037	0,075	0,029	0,015	0,014
Ga	0,00091	0,000085	0,0014	0,00021	0,0013	0,0015	0,0019
Ge	0,00020	0,000035	0,0012	<0,00001	0,00013	0,00011	0,00020
As	0,0011	0,91	0,22	1,03	0,045	0,026	<0,0001
Se	<0,0001	0,013	0,013	0,014	0,00069	<0,0001	0,0054
Rb	0,0040	0,000014	0,0063	<0,000001	0,0034	0,0038	0,0047
Sr	0,019	0,00011	0,034	0,0013	0,025	0,020	0,022
Y	0,0012	0,000010	0,0018	0,000022	0,0015	0,0020	0,0022
Zr	0,0047	0,000068	0,023	0,00048	0,0066	0,0073	0,016
Nb	0,00046	<0,00001	0,00082	0,000066	0,00043	0,00075	0,00094
Mo	0,013	0,000042	0,00015	0,00039	0,0012	<0,000001	0,00016
Ru	0,000004	0,000011	<0,000001	0,000038	<0,000001	<0,000001	0,000012
Pd	0,000042	0,000005	0,000073	<0,000001	0,000039	0,000009	0,000053
Ag	0,00019	0,061	0,0019	0,076	0,0034	0,0017	0,000063
Cd	0,000024	0,000039	0,000015	0,00084	<0,000001	<0,000001	0,000017
In	0,000010	0,000059	0,00063	0,00041	0,000048	0,000062	0,000020

Элемент	Глина обожж. льячки	Металл. капля из льячки	Глина обожж. льячки	Металл. капля из льячки	Глина обожж. льячки	Глина обожж. льячки	Глина обожж. льячки
Sn	0,0016	0,0094	0,18	0,084	0,024	0,23	0,0053
Sb	0,0043	0,40	0,12	0,49	0,012	0,031	0,0014
Te	0,000033	0,00065	0,000036	0,0042	0,000055	0,000076	<0,000001
Cs	0,00010	<0,000001	0,00012	<0,000001	0,000084	0,00011	0,00022
Ba	0,050	0,00025	0,058	0,0059	0,039	0,039	0,054
La	0,0015	0,000050	0,0020	0,000030	0,0011	0,0019	0,0022
Ce	0,0033	0,000019	0,0043	<0,000001	0,0026	0,0042	0,0048
Pr	0,00039	0,000002	0,00050	<0,000001	0,00032	0,00047	0,00058
Nd	0,0013	0,000017	0,0019	<0,000001	0,0012	0,0017	0,0019
Sm	0,00032	<0,000001	0,00034	<0,000001	0,00023	0,00034	0,00047
Eu	0,000062	0,000001	0,00011	<0,000001	0,000064	0,00011	0,00011
Gd	0,00025	<0,000001	0,00038	<0,000001	0,00028	0,00040	0,00044
Tb	0,000038	<0,000001	0,000058	<0,000001	0,000039	0,000061	0,000075
Dy	0,00025	<0,000001	0,00033	<0,000001	0,00025	0,00038	0,00041
Ho	0,000042	<0,000001	0,000078	<0,000001	0,000059	0,000082	0,000085
Er	0,000097	0,000002	0,00016	<0,000001	0,00014	0,00020	0,00022
Tm	0,000027	<0,000001	0,000025	<0,000001	0,000027	0,000031	0,000024
Yb	0,000090	<0,000001	0,00018	<0,000001	0,00013	0,00013	0,00019
Lu	0,000017	<0,000001	0,000029	<0,000001	0,000021	0,000035	0,000043
Hf	0,00017	0,000001	0,00047	0,000046	0,00017	0,00019	0,00035
Ta	0,000030	0,000001	0,000065	0,000029	0,000036	0,000036	0,000064
W	0,000043	0,000006	0,000071	0,00017	0,000037	0,000046	0,0067
Re	0,0000023	<0,000001	0,0000005	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Pt	0,0000063	0,000002	0,00016	0,000012	0,0000088	0,0000063	0,000023
Au	0,000013	0,00081	0,0000091	0,0013	0,00071	0,000048	<0,000001
Hg	0,000024	<0,000001	0,000039	<0,000001	0,000071	0,000031	<0,000001
Tl	0,000011	0,000077	0,000011	0,000029	0,000011	0,000020	0,0000092
Pb	0,0047	0,049	0,51	0,35	0,0026	0,019	0,011
Bi	0,000019	0,010	0,010	0,20	0,00054	0,0024	0,000098
Th	0,00031	0,000003	0,00041	<0,000001	0,00024	0,00040	0,00049
U	0,000064	<0,000001	0,00011	0,000018	0,000046	0,000092	0,00011

Макросостав материала льячек определяют окислы породообразующих элементов (Na, Mg, Al, Si, K, Ti, Fe), которые содержатся в нем в сравнительно больших количествах – от 0,5 до 31%. В льячке при высоких температурах происходит обмен химическими элементами между расплавом и материалом льячки. Из сопоставления химсостава двух льячек и приставших к их стенкам капель металла (1–2 и 3–4 колонки таблицы 2) видим, что в сплаве содержание меди – 94–98%, мышьяка – 0,5%, олова – 0,0094–0,084%, свинца – 0,049–0,35%, а в глине обожженной содержание меди – 0,12–1,31%, мышьяка – 0,0011–0,22%, олова – 0,0016–0,18%, свинца – 0,0047–0,51%. Пары расплава пропитывают поры стенки льячки, и содержание этих и некоторых других элементов увеличивается в материале льячек в 100–1000 раз, что сравнимо с их рудными содержаниями. Отсюда следует, что соотношения повышенных содержаний

элементов в материале льячек, по сути, отражают состав сплава, находившегося в них. Этот факт может использоваться как критерий оценки химсостава сплава, когда отсутствует сам сплав, но имеется материал бывших в работе льячек.

В таблице 3 приведены результаты анализа ИСП-МС проб древней таймырской бронзы (сплески металла из плавок на трех разных стоянках на р. Пясине) и фрагментов железных предметов из коллекции Л.П. Хлобыстина (экспедиции 1971, 1972, 1973 гг.) Таймырского краеведческого музея г. Дудинки. Из таблиц 1–3 можно сделать вывод, что в основном в древних печах Таймыра плавил самородную медь, не используя каких-либо присадок для получения специальных бронз или латуни. Однако повышенные по сравнению с самородной медью содержания серебра, мышьяка, олова, сурьмы, свинца и висмута, но превышающие в среднем 0,5%, а для золота – 0,003%, свидетельствуют о возможных добавках лома бронзы различного состава, полученной из медных руд.

Таблица 3

Химический состав бронзы, меди и железа древнего Таймыра.
Анализ методом ИСП-МС, ООО «ХАЦ «Плазма», Томск, % масс.

Элемент	Бронза, сплеск ПОР-III-72, р. №128, стоянка У-Половинка, р. Пясина, Музей Дудинки	Бронза, сплеск НР-III-74, стоянка Ново-рыбная-III, р. Пясина, Музей Дудинки	Бронза, сплеск ДюП 1-73, стоянка Дюна-II, р. Пясина, Музей Дудинки	Медная пластина-конь без перед. ног, ВФ6547-22, Музей Норильска	Железо, пластина КП -72, р. №1, стоянка Капканная-II, р. Пясина, Музей Дудинки	Железо, пластина ПО IV-71, р. №174, стоянка У-Половинка, р. Пясина, Музей Дудинки	Железо, пластина МК1-72, стоянка Малая Коренная, р. Пясина, Музей Дудинки
Li	0,000032	0,000030	0,000089	<0,00001	0,000087	<0,00001	0,000097
Be	0,000024	<0,000001	0,00013	0,00016	<0,000001	0,00059	<0,000001
Na	0,0056	0,0042	0,0045	0,017	0,016	0,0058	0,013
Mg	0,0069	0,0057	0,0078	0,0024	0,073	0,025	0,024
Al	0,011	0,024	0,033	0,0028	0,35	0,028	0,077
Si	0,0028	0,062	0,038	0,020	0,11	0,16	0,020
P	0,042	0,025	0,0055	0,0024	0,067	0,053	0,062
K	<0,001	0,016	<0,001	0,015	0,016	0,019	0,035
Ca	0,049	<0,01	0,014	0,024	0,11	<0,01	0,050
Ti	0,00065	0,00095	0,0012	0,00053	0,013	0,0011	0,0037
V	0,0015	<0,001	<0,001	0,0013	<0,001	<0,001	<0,001
Cr	<0,0001	0,00020	0,00043	<0,0001	0,00018	0,00068	<0,0001
Mn	0,0029	0,00059	0,00092	0,00024	0,013	0,0074	0,040
Fe	0,23	0,040	0,034	0,013	76,38	99,30	99,64
Co	0,0015	0,00027	0,00012	0,00047	0,0020	0,066	0,0037
Ni	0,039	0,020	0,21	0,070	0,026	0,057	0,0071
Cu	97,33	96,94	98,89	95,91	20,78	0,23	0,010
Zn	0,015	0,0059	0,0028	0,013	0,0085	0,021	0,012
Ga	0,000017	0,000012	0,000015	0,000023	0,00036	0,00032	0,00047
Ge	0,000037	<0,00001	<0,00001	0,000020	0,000062	0,000025	0,000045
As	0,72	0,040	0,46	0,055	0,073	0,0077	<0,0001
Se	0,0028	0,00021	<0,0001	0,011	0,0021	0,0080	<0,0001
Rb	0,000017	0,000013	0,0000073	0,000011	0,000056	0,0000036	0,000053

Элемент	Бронза, сплеск ПОР-III-72, р. №128, стоянка У-Половинка, р. Пясины, Музей Дудинки	Бронза, сплеск НР-III-74, стоянка Ново-рыбная-III, р. Пясины, Музей Дудинки	Бронза, сплеск Дюп I-73, стоянка Дюна-II, р. Пясины, Музей Дудинки	Медная пластина-конь без перед. ног, ВФ6547-22, Музей Норильска	Железо, пластина КП -72, р. №1, стоянка Капканная-II, р. Пясины, Музей Дудинки	Железо, пластина ПО IV-71, р. №174, стоянка У-Половинка, р. Пясины, Музей Дудинки	Железо, пластина МК1-72, стоянка Малая Коренная, р. Пясины, Музей Дудинки
Sr	0,00029	0,00011	0,000077	0,00018	0,00046	0,00040	0,00067
Y	0,000013	0,000019	0,000027	<0,000001	0,00015	0,000028	0,000067
Zr	0,000071	0,000086	0,000094	0,000020	0,00044	0,000074	0,00025
Nb	0,000021	<0,00001	0,000017	0,000019	0,00017	0,00023	0,00027
Mo	0,000048	0,000039	0,000010	0,00014	0,0077	0,0041	0,00023
Ru	0,000011	0,000014	<0,000001	0,000016	0,000014	<0,000001	<0,000001
Pd	0,000017	0,0000039	0,0000048	<0,000001	0,000011	<0,000001	<0,000001
Ag	0,11	0,084	0,062	0,057	0,0064	0,00010	0,00026
Cd	0,00011	0,000041	0,000012	0,00011	0,000083	0,000084	0,00013
In	0,00019	0,0047	0,000020	0,000032	0,0047	0,000024	0,000033
Sn	0,014	1,35	0,0029	0,0034	1,54	0,0052	0,00052
Sb	0,54	0,080	0,13	0,040	0,016	0,00064	0,00017
Te	0,0027	0,00066	0,0014	0,0014	0,00048	0,000023	0,00016
Cs	<0,000001	0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000011	0,000003	0,000004
Ba	0,00085	0,0013	0,0015	0,00028	0,0024	0,0015	0,0012
La	0,000042	0,000014	0,000035	0,000005	0,00014	0,000042	0,000057
Ce	0,000043	0,000027	0,000027	0,0000034	0,00029	0,000037	0,000088
Pr	<0,000001	0,000015	0,0000028	<0,000001	0,000042	0,0000060	0,000003
Nd	<0,000001	0,000012	0,0000020	<0,000001	0,00013	0,000015	0,000066
Sm	0,0000067	0,0000054	<0,000001	<0,000001	0,000042	<0,000001	0,000006
Eu	0,0000031	0,000003	<0,000001	<0,000001	0,000001	0,0000023	0,0000031
Gd	<0,000001	0,000003	0,0000028	<0,000001	0,000017	0,0000089	0,000006
Tb	<0,000001	0,000002	<0,000001	<0,000001	0,000003	<0,000001	0,000003
Dy	0,0000026	<0,000001	0,0000052	<0,000001	0,000018	0,0000041	0,000002
Ho	<0,000001	<0,000001	0,0000020	<0,000001	0,0000060	0,0000035	0,000008
Er	<0,000001	0,0000021	<0,000001	<0,000001	0,0000098	<0,000001	0,000006
Tm	<0,000001	0,000001	0,0000012	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000004
Yb	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000009	<0,000001	<0,000001
Lu	<0,000001	0,000001	<0,000001	0,0000025	0,000002	0,0000012	0,000003
Hf	0,0000054	0,000003	0,0000085	<0,000001	0,000013	0,0000047	0,000008
Ta	0,0000013	<0,000001	0,0000016	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000005
W	0,000012	0,000010	0,0000030	0,000017	0,0022	0,000043	0,000024
Re	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000008
Pt	<0,000001	0,000003	0,0000024	0,0000046	0,000002	0,0000017	<0,000001
Au	0,0014	0,0023	0,0029	0,00065	0,00041	0,000021	0,000027
Hg	0,000044	0,00010	0,000013	0,000020	0,00015	<0,000001	0,000036
Tl	0,000020	0,000006	0,000014	0,000011	0,000015	0,000022	0,000031
Pb	0,14	0,88	0,059	0,0065	0,052	0,00053	0,00068
Bi	0,30	0,0065	0,033	0,00029	0,0023	0,000025	0,000022
Th	<0,000001	0,000005	0,0000048	0,0000048	0,000019	0,000007	0,000018
U	0,0000011	<0,000001	0,0000040	0,0000036	0,000002	0,000005	0,000003

Находки Л.П. Хлобыстиным железных пластин со следами меди на их поверхности говорят, что они использовались, видимо, как инструмент для перемешивания расплава. Оказалось, что при высоких температурах медь проникает в поверхностный слой железа. Анализ химсостава такой пластины КП-72 (р. №1, стоянка Капканная-II, р. Пясины) служит тому подтверждением, так как содержание меди достигает 20,78%, а содержание железа, соответственно, понижается до 76,38%. Две другие железные пластины участвовали, видимо, в менее горячем процессе или не так длительно и поэтому содержат всего 0,1–0,2% меди. Содержание железа (по двум последним колонкам таблицы 3) достигает 99,5%, что свидетельствует о его высокой чистоте, при этом содержание легких элементов составляет сотые доли процента, а содержание остальных значительно ниже. Низкое содержание никеля (менее 0,03%) говорит, что это неметеоритное железо, в котором никеля содержится десятки процентов. Метод анализа ИСП-МС позволяет впервые определить такой детальный химсостав таймырского железа, которое по датировке Л.П. Хлобыстина относится к раннему железному веку. Происхождение такого чистого железа на Таймыре не известно.

Химсостав пластины красной меди, из которой вырублен конь (№ВФ 6547-22, Норильский музей), по составу близок к самородной меди. Изделия из нее могли отливаться или выковываться напрямую без присадок. Артефакт является предметом атрибутики шаманского костюма позднего средневековья, но мог быть изготовлен из медной пластины эпохи бронзы.

Также изучена лучшая таймырская коллекция металлической атрибутики нганасанских шаманов Таймыра, представленная частным Этнографическим музеем О.Р. Крашевского на оз. Лама [Крашевский, 2009; Вертман, 2010, с. 124].

Шаманы Таймыра являлись главными собирателями и хранителями металлических предметов, датировка которых может иметь диапазон в несколько тысячелетий начиная с бронзового века, при этом предпочтение отдавалось круглым медальонам, прикреплявшимся в центре короны или подвешивавшимся на груди (рис. 5).

Особое место занимали крупные (диаметром около 10 см) медальоны с изображением древнерусских богов-волшебников китоврасов, через которых шаманы общались с вышним миром. Передавая свою атрибутику из поколения в поколение своим преемникам, шаманы веками накапливали и сохраняли самые разные металлические изделия, которые для них являлись священными дарами богов.

Химический макро- и микросостав, а также фото меда-

Рис. 5 (фото). Корона Леонида Костёркина – последнего шамана Таймыра. Этнографический музей О.Р. Крашевского на оз. Лама. Таймыр

люнов китоврасов Таймыра из коллекций краеведческих музеев Дудинки, Норильска, оз. Лама, Красноярска приведены в таблице 4.

Таблица 4

Химический состав и фото медальонов китоврасов Таймыра из коллекций краеведческих музеев Дудинки, Норильска, Красноярска, оз. Лама. Анализ методом ИСП-МС, ООО «ХАЦ «Плазма», Томск, % масс.

Фото						
Элемент	Китоврас, д-103 мм, оз. Лама	Китоврас – Полкан, д-87 мм оз. Лама	Китоврас – Полкан, №11590/11, Норильск	Китоврас, №11590/9, Норильск	Китоврас, №6547/4, Дудинка	Китоврас, №1531-1, Красноярск
Li	<0,00001	<0,00001	<0,00001	0,00026	0,000089	0,0012
Be	0,000046	<0,000001	0,0004027	<0,000001	0,0001237	0,0016883
Na	0,057	0,019	<0,001	0,044	0,011	0,037
Mg	0,0039	0,0037	0,022	0,0077	0,021	0,010
Al	0,093	0,24	0,010	0,0063	0,043	0,027
Si	0,30	0,18	0,96	0,012	0,17	4,63
P	0,015	0,016	0,079	0,035	0,071	0,18
K	0,021	<0,001	0,16	0,15	0,034	0,14
Ca	0,18	0,072	0,76	0,50	0,23	0,56
Ti	0,00027	0,00014	0,004586	<0,00001	<0,00001	<0,00001
V	0,0021	0,0015	0,0022	0,0024	0,0040	<0,0001
Cr	0,0023	0,0016	0,00072	0,00094	0,012	0,17
Mn	0,0023	0,0017	0,0053	0,0019	0,0056	0,0059
Fe	0,78	0,066	0,39	0,16	0,25	0,81
Co	0,0024	0,00033	0,00094	0,00030	0,0013	0,00099
Ni	0,026	0,034	0,054	0,047	0,013	0,020
Cu	78,99	87,45	80,09	67,92	84,61	77,37
Zn	3,61	0,04	14,14	21,17	0,072	0,28
Ga	0,00025	0,00011	0,00020	0,00019	0,000087	<0,00001
Ge	0,000026	0,00016	<0,00001	<0,00001	0,000041	<0,00001
As	0,047	0,066	0,021	0,046	0,034	0,093
Se	0,013	0,0022	<0,0001	<0,0001	0,010	0,27
Rb	0,000040	0,000032	<0,000001	0,000039	0,000060	<0,000001
Sr	0,00024	0,00020	0,00093	0,00057	0,00076	0,022
Y	0,000012	0,000010	0,000019	0,000035	0,000031	0,00019
Zr	0,000028	0,000066	0,00071	0,00064	0,00017	0,00171
Nb	<0,00001	0,000010	0,000089	0,000027	0,000023	0,00033
Mo	0,000031	0,000029	0,000092	0,00015	0,00013	0,000097
Ru	0,000021	0,0000044	0,000043	<0,000001	<0,000001	0,00012
Pd	0,000017	0,0000084	0,0011	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Ag	0,091	0,13	0,047	0,032	0,079	0,076
Cd	0,00012	0,000072	0,0022	0,0095	0,00018	0,0014
In	0,0016	0,00074	0,0017	0,0014	0,0021	0,028

Окончание таблицы 4

Фото						
Элемент	Китоврас, д-103 мм, оз. Лама	Китоврас – Полкан, д-87 мм оз. Лама	Китоврас – Полкан, №11590/11, Норильск	Китоврас, №11590/9, Норильск	Китоврас, №6547/4, Дудинка	Китоврас, №1531-1, Красноярск
Sn	13,06	3,38	0,57	0,44	10,20	10,37
Sb	0,045	0,15	0,031	0,034	0,022	0,034
Te	0,000076	0,00085	0,0058	0,00121	0,000079	0,0018
Cs	0,000036	0,000008	0,000057	<0,000001	0,000043	<0,000001
Ba	0,00068	0,00062	0,0046	0,0046	0,0019	0,0038
La	0,000029	0,000014	0,000057	0,000051	0,000022	<0,000001
Ce	0,000044	0,000026	0,00010	<0,000001	0,000084	0,00041
Pr	0,000013	0,000003	0,000053	<0,000001	0,000019	0,000061
Nd	<0,000001	<0,000001	0,000038	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Sm	0,000004	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Eu	0,000005	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,0000027	<0,000001
Gd	0,000004	<0,000001	0,000033	<0,000001	0,0000052	<0,000001
Tb	0,000003	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,0000026	<0,000001
Dy	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Ho	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,0000013	<0,000001
Er	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Tm	0,000002	<0,000001	<0,000001	0,0000039	0,0000026	<0,000001
Yb	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Lu	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Hf	0,000004	0,000005	0,000095	0,000024	0,0000074	0,000066
Ta	<0,000001	0,0000010	0,000066	0,000019	0,0000029	0,000023
W	0,000027	0,000018	0,00023	0,000053	0,0026	0,067
Re	<0,000001	0,000002	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Pt	0,000002	0,000002	0,000061	0,0000082	<0,000001	0,000037
Au	0,0023	0,0013	0,00074	0,00044	0,0023	0,0022
Hg	0,000019	0,000024	0,00012	<0,000001	0,00010	0,0012
Tl	0,000028	0,000037	0,00065	0,00018	0,000066	0,00040
Pb	2,02	8,39	2,80	9,56	3,57	5,25
Bi	0,038	0,0032	0,0010	0,0058	0,013	0,030
Th	0,000010	0,000001	0,000037	0,0000058	0,0000098	<0,000001
U	<0,000001	<0,000001	0,000012	<0,000001	0,0000022	<0,000001

Макросостав всех медальонов (табл. 4) имеет общее в том, что они отлиты не из чистой самородной меди, а являются сплавами и содержат менее 0,01% мышьяка, 0,57–13,0% присадки олова и 2–9,5% свинца. Однако красноярский и дудинский китоврасы, а также китоврас-полкан с оз. Лама отличаются от остальных низким содержанием цинка 0,04–0,28% и отлиты из оловянистой бронзы (Sn – 3,38–10,37%). В остальных медальонах отмечается высокое содержание цинка (от 14 до 21%), что

позволяет отнести их к латунным сплавам. Более наглядно это различие сплавов представлено в таблице 5 по девяти элементам (медь, цинк, олово, никель, серебро, вольфрам, золото, висмут, от группы редкоземельных элементов (РЗЭ) – лантан).

Таблица 5

Различие элементного состава медальонов китоврасов Сибирского Заполярья из оловянистой бронзы (1) и латуни (2), % масс.

Элемент	Китоврас, №6547/4, в.ф., Музей Дудинска (1)	Китоврас №1531-1, Музей Красноярск (1)	Отличие первых (1) от вторых (2)	Китоврас – Полкан, №11590/11, о.ф., Музей Норильск (2)	Китоврас, №11590/9, о.ф., Музей Норильск (2)
Медь	84,61	77,37		80,09	67,92
Цинк	0,072	0,20	в 200 раз меньше	14,14	21,17
Олово	10,20	10,37	больше в 20 раз	0,57	0,54
Никель	0,013	0,020	в 2–4 раза меньше	0,054	0,047
Серебро	0,079	0,076	в 2 раза больше	0,047	0,032
РЗЭ, лантан	0,000057	0,000051	в 2 раза больше	0,000022	<0,000001
Вольфрам	0,00023	0,000053	в 10–100 раз меньше	0,0026	0,067
Золото	0,0023	0,0022	в 3–5 раз больше	0,00074	0,00044
Висмут	0,0010	0,0058	в 5–10 раз меньше	0,013	0,030

В коллекции О.Р. Крашевского помимо крупных круглых медальонов на шаманском костюме и короне можно выделить еще медальоны меньшего диаметра 55–40 мм с фигурами охотников, гагары – мифологической утки, поднявшей со дна моря землю, и др.

Рис. 6 (фото). Медальон «Вознесение головы человека грифонами» (диаметр 40 мм) на короне шамана Л. Костёркина. Этнографический музей О.Р. Крашевского

Среди малых медальонов выделяется единственный медальон в центре короны шамана Л. Костёркина с изображением малоизвестного персонажа: странная голова человека с длинными до плеч волосами и надувными щеками. Голова поддерживается слева и справа двумя львами-грифонами. Скорее всего, это изображение (рис. 6) символизирует северного таймырского бога ветра Борея, который постоянно дует из-за гор Бырранга.

Следует выделить еще две группы подвесок – ромбов. Равносторонние ромбы подразделяются на чисто геометрические фигуры, поделенные

на 16 и 25 равных ромбов поменьше, а также есть равносторонние ромбы с фигурой стоящего внутри ромба человека или льва.

Из круглых подвесок чаще всего встречаются восьмилучевые звезды в круге.

Химический состав и фото подвесок из металлической атрибутики шаманов Таймыра из Этнографического музея О.Р. Крашевского на оз. Лама приведены в таблице 6.

Таблица 6

Химический состав подвесок из металлической атрибутики шаманов Таймыра из коллекции этнографического музея О.Р. Крашевского на оз. Лама.

Анализ методом ИСП-МС, ООО «ХАЦ «Плазма», Томск, % масс.

Фото						
Элемент	Человек в ромбе, 70 x 50 мм, Кр-8 РЧ	Ромб ½ – 7 ромбиков, 100 x 58 мм, Кр-9 Р1/2	Ромб ½, 10 ромбиков, Кр-10 Р1/2	Утка-гагара, д-40 мм, Кр-11 УТ	Звезда, 8 луч. в круге, д-65 мм, Кр-13 Зв	Звезда, 8 луч. в круге, д-65 мм, Кр-14 Зв
Li	<0,00001	<0,00001	<0,00001	<0,00001	0,00016	0,00013
Be	<0,000001	0,0000530	<0,000001	0,0002800	<0,000001	<0,000001
Na	<0,001	<0,001	<0,001	<0,001	<0,001	0,0011
Mg	0,0076	<0,001	0,0028	<0,001	0,0029	0,0029
Al	0,014	0,0012	0,0020	0,0053	0,0081	0,0048
Si	0,16	0,019	<0,001	0,36	<0,001	0,065
P	0,0071	0,011	0,0053	0,012	0,014	0,0056
K	<0,001	<0,001	0,024	<0,001	<0,001	0,034
Ca	0,0049	0,023	0,0034	0,16	0,095	0,074
Ti	0,00019	0,00039	0,00019	0,0012	0,00033	0,00011
V	0,0022	0,00090	0,0010	0,0024	0,0018	0,00013
Cr	0,0012	0,00051	0,00057	0,0018	0,00032	0,00060
Mn	0,0027	0,00028	0,00046	0,00056	0,00031	0,00042
Fe	1,10	0,35	0,30	0,24	0,093	0,20
Co	0,0053	0,00072	0,00082	0,0011	0,0021	0,0018
Ni	0,061	0,047	0,084	0,082	0,048	0,051
Cu	77,60	84,56	73,63	71,77	83,55	80,76
Zn	11,37	5,25	22,40	24,10	2,39	6,47
Ga	0,000083	0,00020	0,00019	<0,00001	0,000064	0,00011
Ge	<0,00001	0,000016	0,000042	0,00022	<0,00001	0,00011
As	0,049	0,061	0,043	0,037	0,34	0,088
Se	0,0094	0,011	0,0066	0,012	0,0027	0,0037
Rb	<0,000001	0,000026	0,000024	0,00013	0,000082	0,00015
Sr	0,00039	0,000065	0,000094	0,00023	0,00038	0,00031
Y	0,000015	0,0000095	0,0000026	0,000010	0,000014	0,000011
Zr	0,000090	0,000053	0,000069	0,00016	0,000063	0,00018
Nb	0,000012	<0,00001	0,000016	0,000010	0,000020	0,000017
Mo	0,000053	0,000032	0,000024	0,000049	0,000037	0,000033
Ru	0,000032	0,000014	0,000013	0,000025	0,000040	0,000048

Фото						
Элемент	Человек в ромбе, 70 x 50 мм, Кр-8 РЧ	Ромб ½ – 7 ромбиков, 100 x 58 мм, Кр-9 Р1/2	Ромб ½, 10 ромбиков, Кр-10 Р1/2	Утка-гагара, д-40 мм, Кр-11 УТ	Звезда, 8 луч. в круге, д-65 мм, Кр-13 Зв	Звезда, 8 луч. в круге, д-65 мм, Кр-14 Зв
Pd	0,000048	0,000030	0,000084	0,000045	<0,000001	0,00017
Ag	0,056	0,063	0,21	0,026	0,042	0,031
Cd	0,00050	0,00035	0,0028	0,0042	0,0020	0,0015
In	0,0010	0,00063	0,0042	0,0027	0,013	0,00062
Sn	3,06	2,10	1,29	1,63	7,50	5,88
Sb	0,057	0,082	0,036	0,019	1,46	0,87
Te	0,00099	0,00082	0,0010	0,00074	0,00028	0,00098
Cs	0,000016	0,000073	0,000047	0,000012	0,000011	0,000019
Ba	0,00058	0,00026	0,00067	0,0012	0,0011	0,0015
La	0,000020	0,000017	<0,000001	0,000021	0,000094	0,000051
Ce	0,000061	0,000028	0,000010	0,000076	0,000081	0,000062
Pr	0,000012	0,000017	0,000030	0,000040	0,000012	0,000016
Nd	0,000030	<0,000001	0,000012	0,000013	0,000017	<0,000001
Sm	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Eu	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000041	<0,000001	0,000056
Gd	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000044
Tb	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000010
Dy	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Ho	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000039
Er	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Tm	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000025	0,000025
Yb	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001
Lu	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000020
Hf	0,000092	0,000025	0,000033	0,000017	0,000015	0,000034
Ta	0,000066	<0,000001	<0,000001	0,000010	0,000018	0,000018
W	0,000022	0,000089	0,000060	0,000099	0,000039	0,000047
Re	<0,000001	<0,000001	<0,000001	<0,000001	0,000032	<0,000001
Pt	0,000012	0,000084	0,000073	0,000067	<0,000001	0,000013
Au	0,00093	0,00097	0,0042	0,00070	0,00055	0,0011
Hg	0,00026	0,000031	0,00017	0,000040	0,000049	0,000071
Tl	0,000084	0,000050	0,000036	0,00018	0,00011	0,00012
Pb	5,80	7,61	2,03	1,74	5,99	6,42
Bi	0,0045	0,0029	0,0032	0,0046	0,0031	0,0072
Th	0,000084	<0,000001	0,000029	<0,000001	0,000073	0,000074
U	0,000030	<0,000001	0,000010	0,000062	0,000077	<0,000001

В таблице 6 металл подвесок существенно отличается от самородной меди и сплесков древней бронзы (см. табл. 1, 3) наличием присадок цинка (2,4–24%), олова (1,3–8,7%), сурьмы (0,04–1,5%), свинца (1,7–7,6%). Высокое содержание цинка позволяет

отнести эти медные сплавы к латуням. По содержанию микроэлементов сплавы различаются незначительно и, возможно, изготовлены из таймырских руд, но не исключается версия привозной бронзы. Различия химсостава предметов объясняются многократными переплавками лома разных изделий и разновременными плавками.

Из приведенных выше таблиц видим, что отсутствуют медальоны и подвески, изготовленные из самородной меди. Это свидетельствует о том, что эти предметы отливались не в древних бронзолитейных центрах Заполярья, а гораздо позднее (XII–XVI вв.) в мастерских, имеющих заготовки, скорее всего, привозной бронзы или латуни.

В таблице 7 сопоставляются результаты полуколичественного спектрального анализа бронзы и руд Таймыра, выполненные в лаборатории ИГЕМ РАН (Москва) [Хлобыстин, 1998], с данными ИСП-МС древних сплавов Таймыра, пос. Чекист Томского региона, и елунинской культуры Алтая [Вертман, Васильев, Грушин, 2010, с. 71]. Здесь сопоставляем химсоставы только 21 элемента, которые, на наш взгляд, наиболее информативны и позволяют выявить различие или близость элементного состава объектов различных регионов.

Таблица 7

Химсостав бронзы и самородной меди Таймыра, по данным спектрального анализа ИГЕМ РАН [Хлобыстин, 1998], в сравнении с химсоставом древних сплавов Таймыра, пос. Чекист Томского региона, и елунинской культуры Алтая [Вертман, Васильев, Грушин, 2010, с. 71], по данным ИСП-МС ООО «ХАЦ «Плазма», Томск, % масс.

Элемент	Таймыр, бронза, стоянка Уст-Половинка, Спектрал.	Таймыр, медь из льячек и сплески, 5 проб, ИСП-МС	Таймыр, медь самородная, 3 пробы, ИСП-МС	Томск, медный сплав, пос. Чекист, Томский регион, 5 проб, ИСП-МС	Алтай, бронза елунинской культуры, 9 проб, ИСП-МС
Mg		0,002–0,02	0,001–0,002	0,0009–0,004	0,004–0,05
Al		0,003–0,04	0,01–0,06	0,004–0,008	0,006–0,2
Ti		0,00001–0,0012	0,00008–0,001	0,0001–0,001	0,0003–0,006
Mn		0,0002–0,003	0,000005–0,001	0,00001–0,0003	0,0001–0,004
Fe		0,02–0,2	0,001–0,01	0,005–0,03	0,001–0,8
Ni	0,2–0,5	0,02–0,2	0,001–0,4	0,06–0,2	0,0007–0,002
Cu	>8	94–99	99,5–99,7	82–98	86–93
Zn		0,003–0,02	0,0005–0,0002	0,0007–0,003	0,002–0,1
As	0,8–5,0	0,04–1,0	0,0009–0,004	0,8–1,9	0,01–3,1
Ag	0,05–0,08	0,06–0,1	0,017–0,02	0,08–0,2	0,002–0,3
In		0,00003–0,005	0,0000003–0,000003	0,00002–0,00009	0,0000001–0,01
Sn	0,08–0,2	0,003–1,4	0,00004–0,0003	0,002–0,4	0,2–11,5
Sb	0,2–0,8	0,04–0,5	0,000009–0,0002	0,12–0,3	0,0001–0,04
La		0,000005–0,00005	0,000001–0,00001	0,00001–0,00003	0,000006–0,0001
W		0,000003–0,0002	0,000001–0,000004	0,000003–0,000004	0,000004–0,0003
Pt		0,000001–0,00001	0,000001–0,002	0,000002–0,000005	0,000001–0,0002
Au	0,01–0,05	0,0007–0,003	0,00001–0,0009	0,002–0,004	0,00007–0,0005
Pb	0,2–0,5	0,007–0,9	0,00003–0,007	0,08–0,3	0,009–1,1
Bi	0,02–0,2	0,0003–0,3	0,0000008–0,0002	0,03–0,08	0,002–0,005
Th		0,000001–0,000005	0,0000003–0,000001	0,0000003–0,0000004	0,0000003–0,00003
U		0,000001–0,00002	0,0000001–0,000002	0,0000001–0,000006	0,000003–0,0001

Из таблицы 7 видно, что спектральным анализом не определяется количественно даже медь, на фоне которой определяются относительно высокие содержания восьми элементов с недостаточным для некоторых проб пределом определения (до сотых долей процента). Из теории погрешностей химического анализа следует, что в этом случае результаты спектрального анализа могут быть существенно завышенными и полуколичественными. Преимущества масс-спектрометрического метода анализа (ИСП-МС) были отмечены выше.

Количественные соотношения таких элементов, как Mg, Al, Nb, Mo, Pr, Nd, Gd, Ho, Tm, Ta, Th, медного сплава из Томского региона близки микросоставу самородной меди и сплавам Таймыра. Можно предположить, что таймырская самородная медь или сплавы на ее основе поставлялись в томские бронзолитейные мастерские древними таймырскими горно-металлургическими центрами.

В алтайских же бронзах содержания данных микроэлементов на порядок (два) выше, чем в томских сплавах и таймырской самородной меди. Кроме того, высокие содержания олова 0,2–11,5% выводят алтайскую бронзу в разряд оловянистых бронз.

Выводы

1. Метод масс-спектрометрического анализа с индуктивно связанной плазмой ИСП-МС позволил впервые определить содержания 63 элементов в бронзах, самородной меди и рудах, материалов льячек древнего Таймырского горно-металлургического комплекса в диапазоне от 100 до 10⁻⁷% масс.

2. Метод анализа ИСП-МС позволил впервые количественно оценить детальный химсостав (63 элемента) таймырского железа эпохи бронзы как химически высокочистого.

3. Результаты определения химического макро- и микросостава металлических предметов шаманской атрибутики Таймыра позволяют выделить три типа используемых медных сплавов: самородная медь, оловянистая бронза и латунь.

4. ИСП-МС анализ химсостава материала льячек и капель расплава из них показал, что соотношения повышенных содержаний элементов в материале льячек могут использоваться для оценки химсостава сплава, когда отсутствует сам сплав, но имеется материал бывших в работе льячек.

5. Сопоставление содержаний 63 элементов в древней бронзе, самородной меди и рудах Таймыра, бронзе Алтая и Томского региона позволяет предположить, что таймырская самородная медь или выплавленная на ее основе бронза поставлялись в томские бронзолитейные мастерские древними таймырскими горно-металлургическими центрами.

6. Высокие метрологические параметры метода анализа ИСП-МС позволяют выявлять новые количественные критерии более точной идентификации и оценки генезиса артефактов, а также дают возможность уточнить их адресную принадлежность к конкретным центрам древней металлургии.

Библиографический список

Вертман Е.Г., Федюнина Н.В., Тенякшева С.Е. Масс-спектрометрический анализ с индуктивно связанной плазмой и особенности его применения в археологии // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 48–50.

Вертман Е.Г., Лавбин Ю.Д., Тошев А.И. Таймыр – Сибирская Прародина. Научно-поисковая краеведческая экспедиция – 2009 // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее. Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева, 2009. Т. 1. С. 18–23.

Вертман Е.Г., Васильев Е.А., Грушин С.П. Масс-спектрометрический многоэлементный анализ древних бронз Томской области, Алтая и Таймыра // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. 56. Томск : ТМЛ-Пресс, 2010. С. 71–77.

Вертман Е.Г. Китоврасы в атрибутике шаманов Таймыра // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 124–127.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А. и др. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. 160 с.

Крашевский О.Р. Нганасаны. Коллекция шаманской атрибутики. Этнографический музей на озере Лама Крашевского О.Р. Каталог. Норильск : Апекс, 2009. 86 с.

Савушкин М.П. Из истории изучения проявлений самородной меди на северо-западе Сибирской платформы // Очерки по истории открытий минеральных богатств Таймыра. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2003. С. 51–107.

Свидетельство аттестации №224.03.12.001/2010. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. МВИ №002-ХМС-2009. Методика выполнения измерений массовых долей 62 элементов в почвах, донных отложениях, горных породах и сплавах цветных металлов методом масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой. Томск : ООО «Химико-аналитический центр «Плазма», 2009. С. 1.

Урванцев Н.Н. Открытие Норильска. М. : Наука, 1981. 176 с.

Хлобыстин Л.П. Древняя история таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб. : Изд-во Дм. Буланина, 1998. 342 с.

E.G. Vertman

MASS SPECTROMETRIC MULTIELEMENT ANALYSIS OF ARTIFACTS FROM THE ANCIENT BRONZE-FOUNDRY CENTER AND SHAMANISTIC ATTRIBUTES FROM TAIMYR

Scientific-search expedition «Siberian ancestral homeland – Taimyr – 2009» (chief: E.G. Vertman) have made a selection and study of archaeological artifacts from the Bronze Age of the Siberian Arctic in the collections of the regional museums in the Yenisei region. A collection of copper ores was gathered as well.

The contents of 63 elements (in the range from 100% to 10⁻⁷%) in Bronze, in native Copper, ores and in Iron artifacts and in the materials of buckets for bottling metal from the ancient Taimyr mining and metallurgical complex from the collection of L.P. Khlobystin in the Taimyr regional Museum in Dudinka town were determined using the method of mass spectrometric analysis with inductively coupled plasma (ICP-MS). It is shown that the ancient metallurgists used pure native copper without additives of other elements.

The objects of shamanistic ritual practices from the Ethnographic Museum named by O.R. Krashevski at the lake Lama (the Putorana plateau) were studied using the ICP-MS method also. The chemical composition of Bronze medallions with the image of kitovras and pendants from museums of Dudinka, Norilsk, lake Lama, Krasnoyarsk significantly differ from the native copper. This fact indicates that they are not related to the Early Bronze Age of Arctic, and have a more recent origin (XVI–XII centuries).

Keywords: mass spectrometric analysis (ICP-MS), Copper, Bronze, Iron, Bronze Age, shamanistic rituals, kitovras, Taimyr.

К.А. Руденко

Государственный университет культуры и искусств, Казань, Россия

УНИКАЛЬНЫЕ НАХОДКИ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ИЗ ТАТАРСТАНА

В статье рассматриваются уникальные находки эпохи раннего железного века. Это бронзовый сосуд, изготовленный на Кавказе в конце VIII – начале VII в. В то время он и попал на Среднюю Волгу. Это единственная находка целого бронзового сосуда эпохи раннего железного века на территории Татарстана. На Кавказе была изготовлена небольшая бронзовая статуэтка. Датируется она IV в. до н.э. – II в. н.э. и изображает стоящего человека в высоком головном уборе. Ее нашли в Билярске, расположенном в Алексеевском районе Татарстана, и хранилась она у казанского коллекционера А.Ф. Лихачева. Сейчас артефакт находится в Национальном музее Республики Татарстан. Уникальной находкой является железный скифский меч (акинак) 2-й половины VII в. до н.э., обнаруженный у г. Чистополя в Татарстане. Он был согнут при проведении какого-то ритуала. Это самая северная находка мечей «келермесского типа» в Восточной Европе. Интересен набор из 16 бронзовых декорированных пластин трапециевидной, прямоугольной и квадратной формы, обнаруженных на IV Мурзихинском могильнике эпохи раннего железного века. Они были соединены между собой тонкими кожаными ремешками. Пластины положили в маленькую ямку, рядом с древними захоронениями. Датируются эти пластины VII в. до н.э. Сделаны они, вероятно, на Кавказе.

Ключевые слова: археология, скифы, скифский меч, акинак, ананьинская культура, Татарстан, Кавказ, меч, ритуал, Урал, Волга, ранний железный век.

DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-08

Одной из ярких страниц археологии Татарстана является эпоха раннего железного века. Более ста лет насчитывает история изучения древностей ананьинской культуры, или культурно-исторической общности (КИО), являющейся основной для этого периода в Волго-Камском регионе. Исследования А.В. Збруевой, А.Х. Халикова, В.С. Патрушева, В.Н. Маркова, С.В. Кузьминых и других позволили детально изучить различные стороны материальной культуры населения Предуралья в VIII–V вв. до н.э. Масштабные разведочные изыскания и раскопки погребальных памятников и поселений в 1940–1980-х гг. дали возможность учесть основной массив археологических памятников ананьинской КИО на территории Татарстана и соседних республик. Тем не менее за последние десятилетия XX в. и первые годы XXI в. эти данные были дополнены или уточнены. В качестве примера можно привести охранно-спасательные раскопки IV Мурзихинского могильника IX–VII вв. до н.э. в Алексеевском районе Республики Татарстан [Руденко, 2002, с. 16–30], который оказался частью огромного некрополя, состоявшего из нескольких частей, одна из которых, известная в 1970-х гг. по сборам подъемного материала и материалам небольшого раскопа и получившая название I Мурзихинского могильника, датировалась VI–V вв. до н.э. (рис. 9.-1). Масштабы этого памятника, его специфику, как и время функционирования, удалось определить только в начале XXI в.

Актуальной задачей и сейчас остается ввод в научный оборот как уже исследованных памятников и материалов (по сути, полностью опубликован только один могильник – Старший Ахмыловский, а из поселений – практически ни одно), так и новых. О таких артефактах и пойдет речь в данной статье.

К эпохе раннего железного века относится несколько уникальных находок с территории Республики Татарстан (РТ) (рис. 1). Это бронзовая ваза, найденная в 1960-х гг.

Рис. 1. Расположение рассматриваемых объектов на карте Татарстана:
1 – атабаевская ваза; 2 – IV Мурзихинский могильник; 3 – чистопольский меч;
4 – билярская антропоморфная фигурка (ферт)

у с. Атабаево Лаишевского района РТ (рис. 2–4), железный меч (акинак) – случайная находка у г. Чистополя (рис. 5–6), комплекс блях из раскопок IV Мурзихинского могильника (рис. 10–25) и бронзовая культовая статуэтка из окрестностей Билярска в Алексеевском районе РТ (рис. 7). Эти находки концентрируются в центральных районах Татарстана, хотя и без особой привязки к памятникам раннего железного века, за исключением IV Мурзихинского могильника, входящего в Курналинско-Мурзихинской макрорегион, где сосредоточены памятники IX–V вв. до н.э. [Руденко, 2002, с. 16–30].

Одной из редких находок (и единственной) на территории Татарстана является бронзовая ваза с узкой придонной частью и раструбообразной верхней, с покатыми плечиками, переходящими в узкую цилиндрическую горловину (рис. 2). Она была найдена случайно в 1968 г. у с. Атабаево на территории Волжско-Камского природного заповедника (рис. 1.-1). Реконструкция ее формы выполнена А.Х. Халиковым [1977, с. 228, рис. 83–84]. В настоящее время сосуд находится в экспозиции Национального музея Республики Татарстан (далее – НМ РТ) (инв. №1/39). Изделие сохранилось на высоту 36,5 см, диаметр наибольшего расширения тулова – 38 см, высота венчика – около 2 см, диаметр – 11 см. Оно собрано из бронзовых листов, соединенных крупными заклепками (рис. 3.-5). Верхняя часть вазы орнаментирована: изнутри вычеканено несколько поясков круглых точек, а с наружной стороны прочерчены в несколько рядов наклонные (слева направо в верхней части и справа налево в нижней) вытянутые ромбики (поверх прочеканенных точек). Линии из ромбиков разделены пояском из

зубчатой линии, образованной равнобедренными треугольниками (рис. 4). Отметим, что прочерченный рисунок нанесен поверх наложенных заплаток, как и чеканные точки. По плечу и в верхней части тулова (в месте наибольшего расширения) имеются вертикальные рельефные полосы, заканчивающиеся в районе соединительного шва между верхней и нижней половинами тулова вазы (рис. 2).

Рис. 2. Бронзовая ваза из Атабаево (Республика Татарстан).

Центральный Кавказ, конец VIII – начало VII в. до н.э. Экспозиция НМ РТ. Временное хранение: Вр. – 1/39

Рис. 3. Бронзовая ваза из Атабаево. Детали

Рис. 4. Бронзовая ваза из Атабаево. Орнамент на плечике сосуда

Верхняя часть вазы деформирована (рис. 3.-1), дно утрачено. Как предполагал А.Х. Халиков, ваза, возможно, имела усеченно-конический поддон и высокое цилиндрическое, с небольшим расширением горло [Козенкова, 1996, с. 50, рис. 19–10, 12]. На вазе имеются многочисленные заплатки из бронзовых пластин, наложенных поверх листов и прикрепленных также заклепками (рис. 3.-2, 3). 16 заклепок утрачены, при этом три из них выпали вместе с пластиной-заплаткой. Венчик помят и имеет множественные разрывы (рис. 3.-1). Изнутри ваза сильно загрязнена.

Ваза является центральнокавказским изделием и датируется концом VIII – началом VII в. до н.э. Атрибуция основывается на аналогиях из Тлийского могильника [Халиков, 1977, с. 228; Козенкова, 1996, с. 47–48]. Предполагается, что существовал единый центр изготовления таких изделий, располагавшийся в рассматриваемый период в верховьях Большой Лиахвы.

Части импортных vaz использовались для изготовления украшений костюма и головных уборов населением ананьинской КИО. Например, такие изделия встречены в погребениях №150 и 314 Старшего Ахмыловского могильника [Халиков, 1977, с. 228].

В экспозиции Билярского государственного музея-заповедника демонстрируется железный меч-акинак (рис. 5). Это случайная находка в Чистопольском районе Татарстана, близ города Чистополя (рис. 1.-3). Точные обстоятельства обнаружения данного артефакта не известны. По словам владельца, хранившего его до передачи в музей, акинак был обнаружен случайно при распашке поля в 1990-х гг.; каких-либо других предметов рядом не обнаружено. Изначально меч был согнут на 60° в верхней трети (в 8 см от перекрестия), высота его в месте сгиба составила 18 см от рукояти. Находчик, пытаясь разогнуть изделие, переломил клинок на две части: рукоять отдельно, клинок отдельно. Металл хорошего качества, без существенной коррозии. Поверхность меча была очищена находчиком с помощью напильника.

Меч имеет общую длину 60 см (рис. 5). Клинок обоюдоострый ромбического сечения, толщиной 0,6 см, очевидно, предназначен для колюще-режущего удара. К окон-

Рис. 5. Железный меч, найденный
у г. Чистополя (Республика Татарстан).

2-я половина VII в. до н.э.

Собрание БГИАПМЗ

чанию он сужается: ширина – 2,5 см, у окончания – 1,5 см. Острие чуть закруглено. Рукоять общей длиной 12,5 см (рис. 6) имеет бабочковидное перекрестие (6 x 3 x 1 см), ромбическое в плане. Оно было надето на рукоять: ширина отверстия – 1 см, длина – 3,5 см. Сама рукоять имела длину 8 см. Окончание ее брусковидное (6 x 2 x 1,5 см). На рукояти меча имеется два желобка, которые делят ее на три валика. Средний валик одинаковой высоты с боковыми.

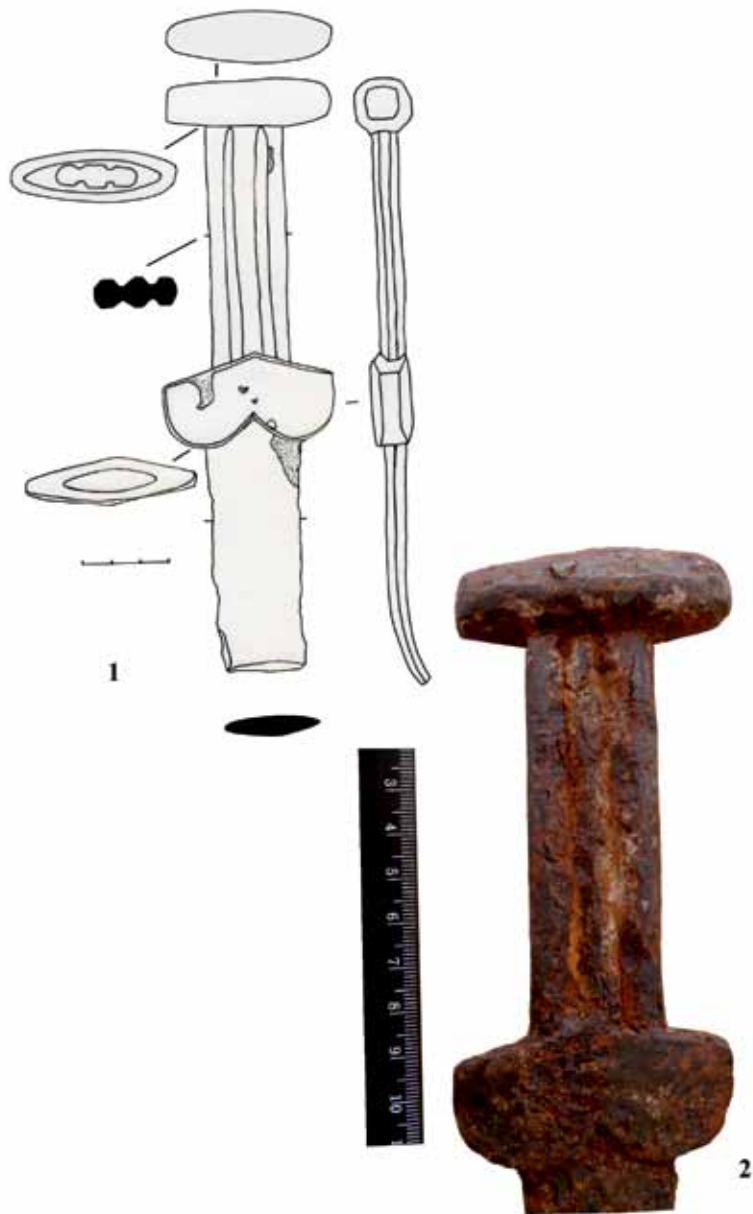

Рис. 6. Железный меч, найденный у г. Чистополя:
1 – прорисовка рукояти; 2 – рукоять меча. Деталь

Такие мечи (акинаки), относимые к келермесскому типу, встречаются достаточно широко от Причерноморья до Предуралья [Хомчик, Шовкопляс, 1984, с. 82, рис. 3.-1; Топал, Бруяко, 2012, с. 1–11, рис. 3]. В Самарском Поволжье известны железные мечи и кинжалы конца IV – I в. до н.э. [Денисов, 2010, с. 222–230]. Близкие формы кинжалов и мечей встречаются на Кавказе [Козенкова, 1995, с. 148, табл. XIII.-1]. Близкий меч найден в лесостепном Подонье [Ворошилов, 2008, с. 92, рис. 1.-14]. По аналогиям чистопольский меч может быть датирован 2-й половиной VII в. до н.э.

Находка этого артефакта в левобережье Камы необычна, поскольку памятников этого времени в данном районе практически нет. Ближайшим археологическим объектом эпохи раннего железного века является ананьинское городище Черепашье, исследованное В.Н. Марковым [1985, с. 162] только на правом берегу Камы, почти напротив Чистополя, отдаленное от места находки акинака на расстояние камской поймы (в этом месте ширина ее около 3–6 км). Единичные находки эпохи раннего железа встречены в подъемном материале при разведках К.А. Руденко на отрезке р/п Алексеевское – Чистополь, в частности на Остолоповском селище средневекового времени.

Южнее Чистополя керамика ананьинского времени выявлена при раскопках Малополянского V селища именниковского периода [Руденко, 1998, с. 194, рис. 4а.-35, 37]; случайные находки бронзовых изделий эпохи раннего железа (IX–VIII вв. до н.э.) были сделаны в XIX в. в районе с. Билярск на Малом Черемшане и опубликованы А.Х. Халиковым [1977, с. 86] в 1970-х гг.

Ближе к устью Камы известен целый комплекс памятников эпохи поздней бронзы – раннего железного века, расположенных в пойменной части, точнее, на притоках Камы у с. Мурзихи, к западу от Алексеевского. Это I, II, IV Мурзинские могильники, поселение Песчаный остров, городища Сорочьи Горы и Гремячий Ключ (на правом берегу) [Руденко, 2002, с. 18–30]. Несмотря на довольно большое расстояние, отделяющее их от находки чистопольского акинака, можно предполагать определенную связь рассматриваемого артефакта с материалами данного комплекса. Отсутствие в месте находки меча памятников и отдельных предметов той эпохи, относящихся к ананьинской КИО, позволяет предположить, что он не был напрямую связан с местным населением, а принесен скифами; не исключено, что акинак выступал в качестве знакового элемента какого-то ритуала (об этом свидетельствует преднамеренная деформация этого оружия).

Бронзовая литая фигурка из окрестностей Билярска (рис. 7) находилась в собрании А.Ф. Лихачева, казанского коллекционера 2-й половины XIX в. (в настоящее время – собрание НМ РТ, инв. №5427), и была обозначена в описи как находка из Билярска (Алексеевский район РТ) и его окрест-

Рис. 7. Антропоморфная фигурка из Билярска. Кавказ, IV в. до н.э. – II в. н.э. (Собрание НМ РТ, инв. №5427, коллекция А.Ф. Лихачева)

ностей (рис. 1.-4). Она дополняет опубликованные А.Х. Халиковым в 1970-х гг. находки раннего железного века с этого памятника. Долгое время эта фигурка считалась болгарским изделием, поскольку большая часть коллекции А.Ф. Лихачева содержала артефакты именно того времени. Кроме всего, на первый взгляд она напоминала бронзовые фигурки так называемых «уродцев», найденные также в районе Билярска. Однако внимательное изучение этого изделия показало, что оно имеет полные аналогии с фигурками кавказского производства, большая часть которых найдена именно там [Брилева, 2012, с. 219–220, 368, кат. №592, 596, илл. 11]. Фигура ферта, по терминологии О.А. Брилевой, достаточно стандартна: изображен невысокий стоящий мужчина (?) без предметов в руках. Контур рук округлый, правое плечо ниже левого, кисти находятся на разном уровне. Правая рука заметно короче левой, она согнута калачиком и упирается в бок; кисть не проработана в деталях и практически не заметна. Левая рука вытянута вниз, массивная кисть ее

Рис. 8. Бронзовая бляха со вставкой с инкрустацией. IV Мурзихинский могильник, погребение №9. Кавказ, конец VIII – VII в. до н.э. Собрание НМ РТ: 1 – верхняя часть бляхи со вставкой; 2 – вид сбоку; 3 – оборотная сторона бляхи

чуть сжата: большой палец отставлен в сторону, пальцы полусогнуты, как будто что-то удерживают. Голова вытянутой формы завершается коническим навершием, возможно, изображающим прическу или шапочку. Подбородок удлиненной формы, выступает вперед; нос прямой крупный. Туловище переходит в прямые расставленные на ширину плеч ноги. Широкие ступни ног придают фигурке устойчивое положение. Скульптура после отливки не обработана. Большая часть учтенных находок такого типа происходит с Кавказа (Осетия, Дагестан и Чечня); датируются они IV в. до н.э. – II в. н.э. [Брилева, 2012, с. 213].

Стоит сказать, что кавказские изделия – детали костюма, украшения конской упряжи и прочее – встречаются на Средней Волге особенно часто с VIII до VI в. до н.э., хотя проникали они сюда и в более раннее время. Некоторые и них, в частности бронзовая инкрустированная бляха из IV Мурзихинского могильника (рис. 8), опубликованы [Руденко, 2012, с. 226–231; Рябкова, 2014, с. 163–168]. К тому же кругу изделий, предположительно, можно отнести набор из 16 бронзовых пластин, обнаруженных на этом же памятнике (рис. 11).

Интересен археологический контекст этой находки. Как уже было сказано, пластины обнаружены на IV Мурзихинском могильнике VIII–VII вв. до н.э. (рис. 9.-1), который выявлен на месте бывшего с. Мурзиха в Алексеевском районе Татарстана, на берегу Куйбышевского водохранилища (рис. 1.-2). 16 мая 1992 г. для определения границ могильника (его исследования начались в 1991 г. экспедицией Казанского государственного университета под руководством К.А. Руденко) была заложена траншея шириной 1 м и длиной 6 м, затем расширенная до раскопа (рис. 9.-2). При зачистке второго пласта в слое темно-серой супеси на глубине 40 см от поверхности обнаружена бронзовая пластина. Дальнейшая расчистка (рис. 10) показала, что рядом находилось еще несколько пластин в разном положении: стоявшие вертикально, лежавшие горизонтально или с наклоном.

Тщательная зачистка показала, что вокруг этих пластин в почве имеются включения крупных угольков и фрагменты небольших обуглившихся плашек, располагавшихся над пластинами. После снятия 3 см культурного слоя удалось проследить контуры углистого пятна овальной формы (55 x 28 см), вытянутого в направлении северо-запад – юго-восток. В восточной части пятна зафиксирована круглая ямка диаметром 15 см, глубиной 20 см, с чашевидным дном. Она получила порядковый номер 10 жертвенно-поминальных комплексов этого могильника. Пластины компактно располагались в этой ямке.

Небольшие по размерам и неглубокие ямки с помещенными в них вещами – своего рода жертвенно-поминальные комплексы (ЖПК) – на этом могильнике не редкость. Правда, наличие такого рода пластин в его составе зафиксировано единственный раз. В других случаях в ЖПК помещались предметы вооружения: наконечники дротиков, завернутые в кусок кожи, бронзовые наконечники топоров («кельты») с остатками деревянных втулок либо бронзовые удила, чаще всего трехпетельчатые с ложковидным окончанием и в редких случаях железные наконечники копий. Как правило, ЖПК располагались в межмогильном пространстве либо на площадках, где в специальных котлованах производились захоронения в несколько ярусов, сопровождавшиеся огненным ритуалом. В последнем случае они находились на краю таких площадок и вне котлованов погребений.

Пластины расчищались микрозачистками по 3–5 см и по мере углубления верхние из них, располагавшиеся горизонтально, после фиксации снимались, а те, которые находились в вертикальном или наклонном положении, оставались на своем месте до завершения расчистки. Это позволило установить, что все пластины были буквально втиснуты в эту небольшую ямку, а их расположение по отношению друг к другу дает возможность предположить, что они, скорее всего, соединялись тонким кожаным ремешком или ремешками, остатки которого обнаружены в отверстии пластины №15 (кат., №14) или, что менее вероятно, были нашиты еще на матерчатую основу. Кожу как основу крепления мы исключили, поскольку она на этом памятнике при контакте с металлом сохраняется хорошо. Наличие угольков и обуглившихся деревянных плашек наталкивало на мысль, что этот набор мог быть помещен в деревянные короб, покрытый берестой, как это было на Старшем Ахмыловском могильнике [Патрушев, Халиков, 1982, с. 29, табл. 35.-1]. Однако характер расположения остатков дерева (при отсутствии бересты, которая хорошо сохранялась на IV Мурзихинском могильнике) не позволяет сделать такое заключение. Более вероятно, что ямка была закрыта деревянными плашками или корой, а конструкция крепления пластин включала какие-то деревянные элементы.

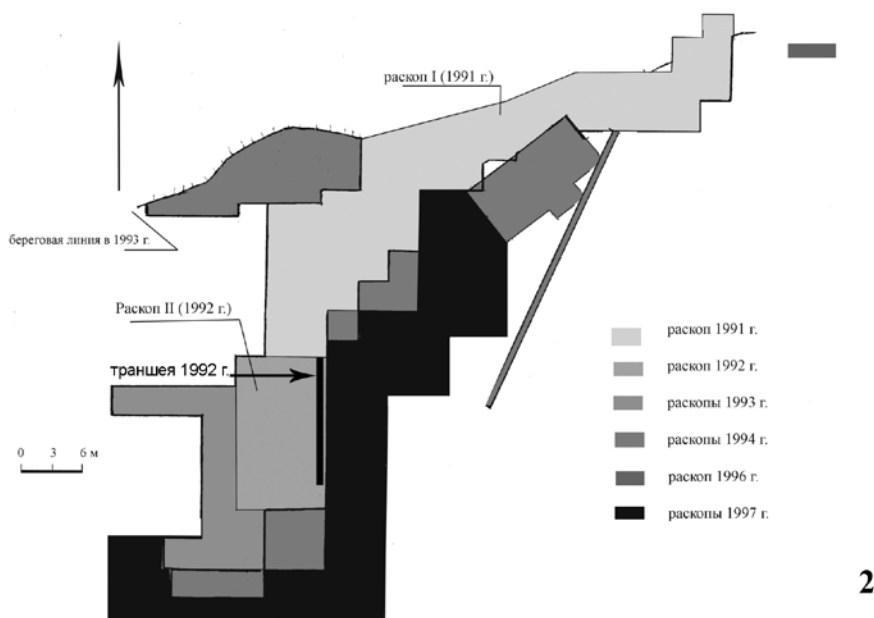
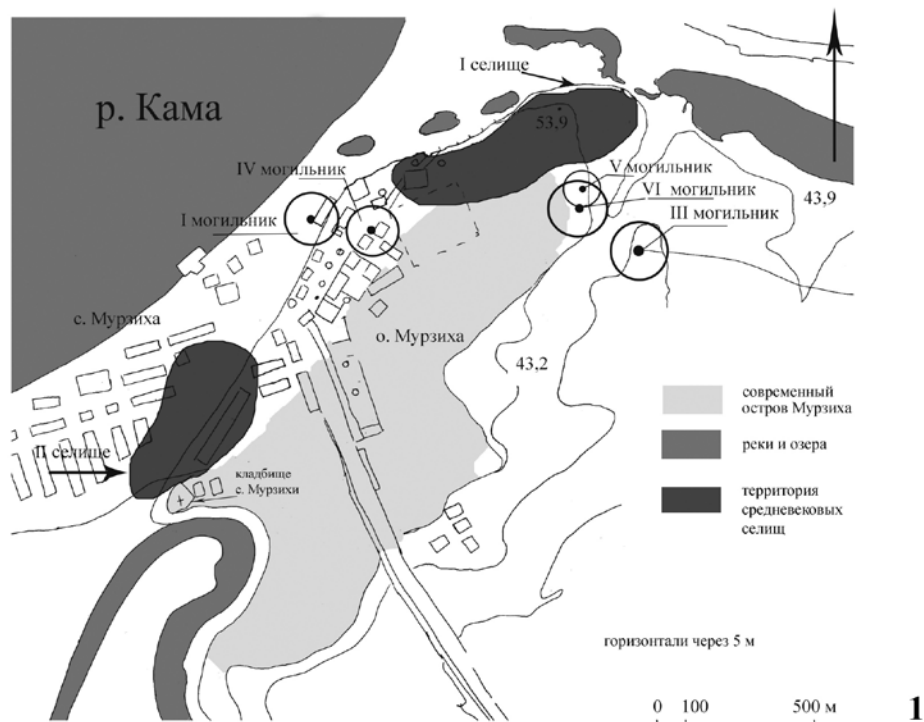

Рис. 9. Расположение могильников и поселений на острове Мурзиха (1) и сводная схема раскопов IV Мурзихинского могильника (2)

Рис. 10. ЖПК №10 IV Мурзихинского могильника. Расчистка.
Вид с запада. Глубина – 40–50 см от поверхности

Всего в наборе было 16 пластин трапециевидной (8 экз.), прямоугольной (7 экз.) и квадратной (1 экз.) формы (рис. 11.-А; 12). В настоящее время они хранятся в НМ РТ (инв. №23461; полевой шифр АКУ-276). Все они литые, имеют сквозные, грубо пробитые отверстия. Отверстия сделаны (скорее всего, пробойником с округлым и прямоугольным окончанием) с лицевой стороны изделия. Декорированы пластины объемными элементами в виде ложек (трапециевидные пластины) в сочетании с гравированным рисунком в нижней части, а также круглыми вдавлениями, образовавшими полусферические выступы на лицевой поверхности (прямоугольные пластины). Причем на прямоугольных пластинах с полусферическими выступами с обратной стороны нанесены глубокие резные прямые линии, которые на лицевой стороне проявлялись в виде небольших валиков, соединяющих полусферы на противоположных сторонах пластины (например, кат., №4). Эти борозды наносились по прямой через параллельные выемки на длинных сторонах пластины либо наискосок и соединяли бороздой предшествующую выемку на противоположной стороне (за исключением первой). После этого на лицевой стороне получался рисунок в виде лесенки (кат., №9) или фигуры, напоминающей S-видный завиток (кат., №8). Технологию изготовления самих пластин еще предстоит изучить, но можно утверждать, что гравировка и чеканка на трапециевидных пластинах выполнялись уже после объемного декора.

Для того чтобы понять, что представляли собой пластины в целом, в комплексе, на момент помещения в землю, опишем расположение пластин, зафиксированное в процессе расчистки и выборки котлована ЖПК №10. На самом верхнем уровне (-40–50 см от поверхности) в южной части гуммированного пятна были выявлены две лежавшие плашмя (лицевой частью вниз) пластины прямоугольной и трапециевидной формы (№2 и 3*). После снятия этих пластин выяснилось, что под пластиной №2 нахо-

* Номера даются по плану полевого чертежа (см.: рис. 11-А; 12).

дится трапецевидная пластина №9, которая, в свою очередь, лежала на пластине №10 (глубина – 45 см) трапецевидной формы, которая была обращена тыльной частью вверх. Под пластиной №7 расчищена пластина №11 прямоугольной формы, лежавшая лицевой частью вверх.

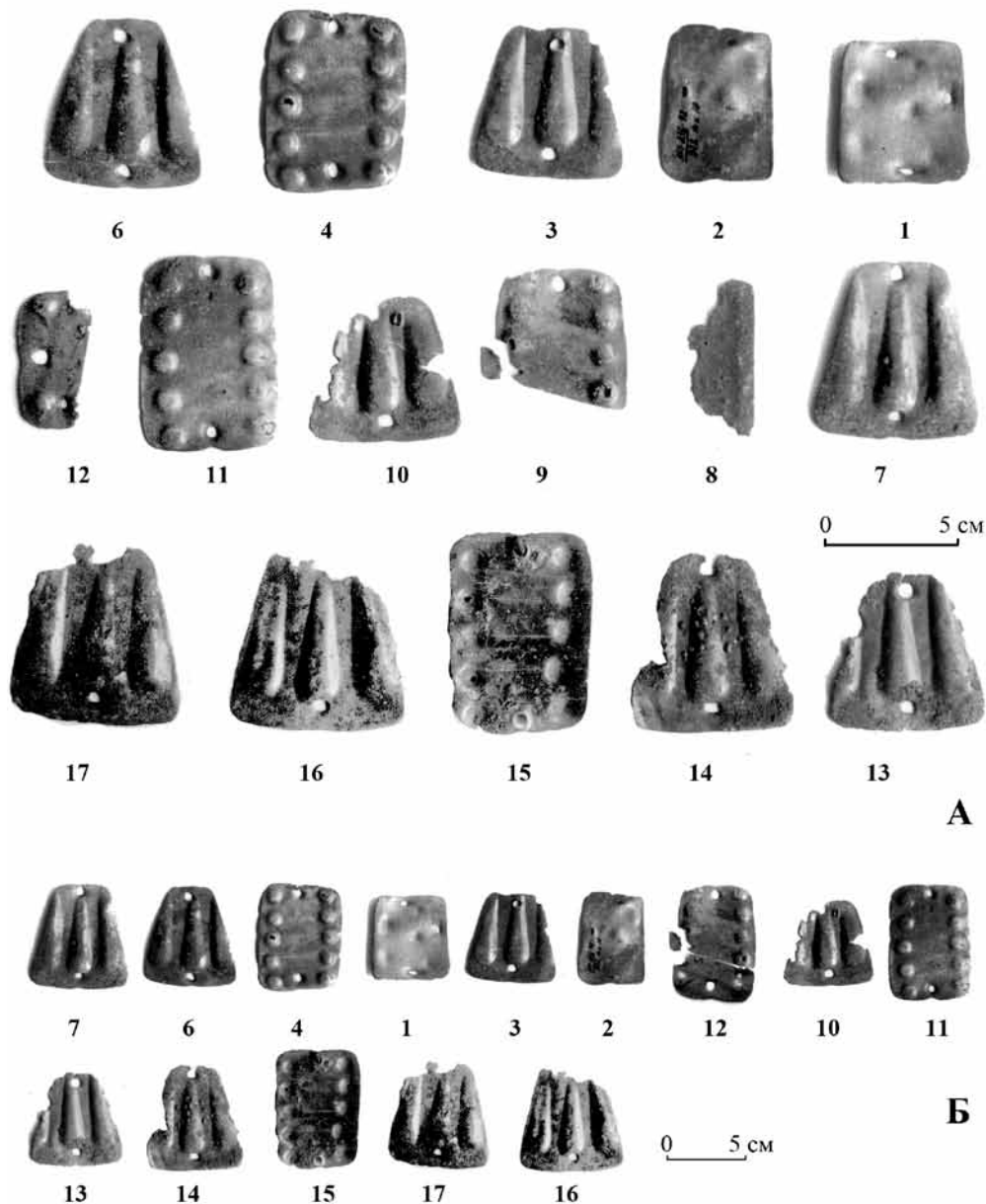

Рис. 11. Бронзовые пластины из ЖПК №10 IV Мурзихинского могильника до реставрации. VII в. до н.э. Собрание НМ РТ, инв. №23461. Номера на рисунке соответствуют номерам по плану и по полевой описи: А – общий вид; Б – реконструкция их расположения и внешнего вида пластины №12 (вместе с ее фрагментом №9)

Несколько пластин, расположенных лицевой частью вниз, в основном трапециевидной формы (№6, 7), находились рядом с кусочком обуглившейся древесины (небольшой дощечки?) (рис. 10). Пластина №6 перекрывала край пластины №1, лежащей поверх пластины №3.

Таким образом, суммировав эти наблюдения, можно предположить, что начальным элементом этой конструкции была небольшая деревянная дощечка (4 x 5 см), к которой кожаными ремешками были прикреплены пластины в следующей последовательности: №7, 6, 4, 1, 3, 2.

У дна ямы пластины располагались с наклоном в 4–5 мм в разные стороны следующим образом: на самом дне были пластины №16 и 17, лежащие друг на друге, причем верхняя (№17) – лицевой частью вверх. На этом же уровне была пластина №14, лежащая обратной стороной вверх. Чуть выше зафиксирована пластина №11, перекрывавшая пластины №17 и 15. Последняя располагалась обратной стороной вверх. Край пластины №15 упирался в плоскость пластины №13, стоявшей вертикально с небольшим наклоном. Под нее заходил край пластины №14. Над пластиной №13 находился фрагмент пластины №12 (глубина – 50 см). На дне ямки под пластинами зафиксированы многочисленные угольки.

Таким образом, последовательность пластин представляется в следующем виде: №9, 10, 8, 11, 12(?), 13, 14, 15, 17, 16. Если принять факт того, что они были соединены кожаным ремешком в верхней и нижней части, то вполне очевидно, что их сложили вместе в несколько раз, чтобы они поместились в небольшую ямку.

Сопоставив взаиморасположение пластин, описанное выше, можно реконструировать их расположение на момент помещения в землю (рис. 12). Начало и конец этого комплекта составляли две пары трапециевидных пластин (№7, 6 и 17, 16), за которыми следовала прямоугольная пластина (№4 и 15). Центральная часть состояла из чередующихся пластин: прямоугольной (квадратной), следующей за ней трапециевидной и прямоугольной (№1, 3, 2) формы. Если обозначить трапециевидные пластины литерой А, а прямоугольные – литерой Б (меньшего размера с тремя отверстиями – литерой Б₁), то получим следующую схему: АА + Б – Б₁ + А + Б₁ – Б + А + ББ(Б) + АА + Б + АА. Обращает на себя внимание наличие двух пластин с тремя отверстиями (№1 и 2), составляющих вместе с трапециевидной пластиной (№3) отдельный блок (Б₁ + А + Б₁). Некоторое сомнение вызывает фрагмент пластины №8 (на схеме мы ее взяли в скобки – (Б)): на сохранившейся части ее не было отверстий для крепления. Входила ли она в первоначальный комплект или была добавлена по каким-то другим соображениям, сейчас установить невозможно.

В данную схему нужно внести еще одно уточнение: пластины №9 и 12 являются, скорее всего, двумя частями одного изделия. Тогда схема будет выглядеть следующим образом: АА + Б – Б₁ + А + Б₁ – Б + А + Б + АА + Б + АА. Очевидно, что пластины чередуются определенным образом. Вполне четко зафиксировано расположение пластин в верхней части ямы, т.е. можно констатировать такую последовательность: две трапециевидные (№7 и 6), одна прямоугольная (№4), далее комплекс пластин несколько меньших размеров (№1, 3, 2), пришитых к основе из ткани (?) или другого материала, кроме кожи, далее возможно предположить два чередования прямоугольной и трапециевидной пластин (№9/12; 10, 11, 13). Пластины №8 мы исключаем. Далее идет трапециевидная пластина (№14), за ней – прямоугольная (№15) и завершают все две трапециевидные пластины (№17, 16), что композиционно соответствует началу комплекса. Схема в окончательном виде реконструируется так: ААБ + Б₁ – А – Б₁ + А +

Б + А + БАА (рис. 11-Б). Общая длина пластин, если они были соединены последовательно, составляла 75–80 см. В целом складывается впечатление, что пластины были собраны специально для этого случая (жертвы или дара), закреплены на кожаных ремешках и зафиксированы деревянной дощечкой.

Имелись ли какие-либо другие закономерности в данном наборе пластин? Можно отметить, что, кроме парных сочетаний трапециевидных пластин и сопутствующих композиций из трапециевидной и прямоугольной пластин, имеется еще одна интересная деталь: на прямоугольных пластинах общее число выпуклых элементов декора всегда составляет число 10 (нанесенных по 5 по длинным сторонам пластины), за исключением двух случаев (кат., №1; 2), когда хаотично расположенные на плоскости пластины полусферы давали в сумме четные числа – 6 или 8.

Прямоугольные пластины с небольшими выпуклыми полусферическими выступами на лицевой стороне на этом памятнике встречаются и в составе погребального инвентаря захоронений. Они, как правило, крупнее тех, что обнаружены в ЖПК №10. Встречены и большие пластины (2 экз.) в погребении №30, одна из которых в 3 раза больше размером (18,5 x 10,5 см), чем рассматриваемые. Вторая пластина из этого захоронения сохранилась фрагментарно, но судя по обломку (8 x 5,5 см) также была весьма крупной. В погребении №29 пластина с хаотично нанесенными вдавлениями была менее крупной (9 x 4,5 см). В составе деталей налобного венчика встречаются и миниатюрные пластинки размером в несколько сантиметров [Руденко, 2002, с. 166, рис. 26.-7, 21, 27, 28, 32, 41]. На пластинах из погребений орнамент нанесен чаще всего по периметру и без дополнительных гравированных рисунков.

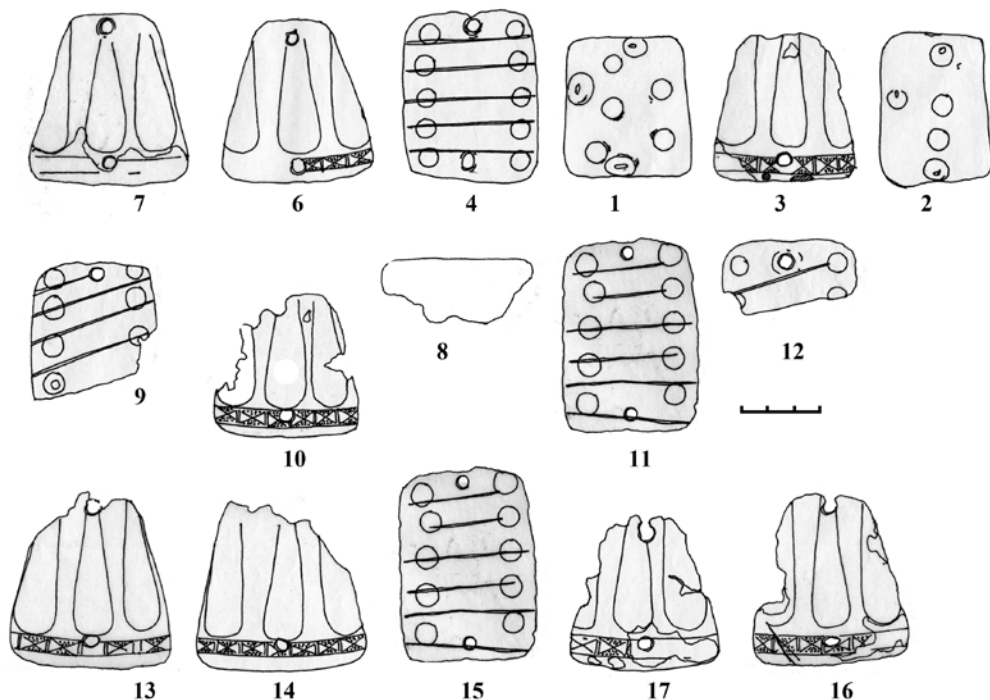

Рис. 12. Прорисовка пластин из ЖПК №10.

Номера на рисунке соответствуют обозначениям по плану и полевой описи

Если миниатюрные пластины квадратной или прямоугольной формы с полусферическими выпуклинами из украшений головного убора известны и на других памятниках VII–VI вв. до н.э., например в погребальных комплексах Старшего Ахмыловского могильника [Патрушев, Халиков, 1982, с. 140, табл. 3.-4в, погр. 20], то пластины трапециевидной формы с гравированным орнаментом в сочетании с ложчатым объемным орнаментом там не известны. Но на этих памятниках имеются пластины с полусферическими выступами, только другой формы – дисковидной или арочной [Патрушев, Халиков, 1982, с. 145, 155, табл. 8.-1д; 18.-1б]. Примечательно, что прямоугольные или квадратные пластины с полусферическими выступами встречаются также в ЖПК того же Старшего Ахмыловского могильника, правда, как украшения головного убора, а крупные прямоугольные пластины из погребений этого некрополя имеют иной декор [Патрушев, Халиков, 1982, с. 172, 188, табл. 35.-1а; 51.-3к].

Датировка ЖПК №10 IV Мурзихинского могильника может быть установлена в рамках VII в. до н.э. – периода функционирования данной части некрополя. По набору вещевого инвентаря из расположенных рядом захоронений можно было бы рассматривать и более широкую дату – рубеж VIII – VII–VII вв. до н.э., соотнеся их со вторым и началом третьего этапа ананьинской КИО (по: [Коренюк, 2000, с. 75]). Однако датировка по материалам могильника в данном случае предпочтительнее. Точных аналогий набору мурзихинских пластин в материалах синхронных памятников Волго-Камья нами не обнаружено. Как уже отмечалось, пластины трапециевидной или подтреугольной формы встречаются на Старшем Ахмыловском могильнике как металлические составные части налобных венчиков, прикрепленных к полоске кожи или ткани [Патрушев, 1984, с. 34, 37, рис. 14; 19.-5, 17], но они ни по размерам, ни по декору и комплекту частей не могут быть сопоставлены с рассмотренными пластинами. В остальных украшениях головного убора из захоронений на IV Мурзихинском могильнике имеют близкие соответствия со Старшим Ахмыловским могильником.

Таким образом, рассмотренные выше предметы, относящиеся к эпохе раннего железного века, демонстрируют, с одной стороны, тесную связь с Центрально-Кавказским регионом в VIII–VII вв. до н.э., являвшимся поставщиком редких в Волго-Камье изделий, использовавшихся здесь в основном для культовых обрядов и церемоний местного населения (атабаевская ваза). Свидетельством также ритуального действия можно считать согнутый железный меч из Чистополя, однако он, скорее всего, был связан с культурой скифского населения. Он является самым северо-восточным по местонахождению артефактом из всех известных на сегодняшний день [Топал, Бруяко, 2012, рис. 3]. Последняя находка также позволяет коснуться сложной проблемы финального этапа средневожского варианта ананьинской КИО, поскольку после V в. до н.э. наступает период запустения этих территорий, длившийся несколько столетий. А.Х. Халиков первоначально считал, что причиной этого были вторжения скифов и других кочевых племен, и хотя в дальнейшем он изменил свою точку зрения, но эта версия остается и по сей день достаточно обоснованной, а новые находки вполне очевидно подтверждают «скифский след» в VII в. до н.э. и на территориях, являвшихся пограничной зоной расселения ананьинских племен в Центральном Закамье. Фигурка ферта из округа Биляра не менее интересна тем, что относится к периоду, когда на территории Центрального Закамья население было крайне малочисленно, и следы его прослеживаются с большим трудом.

**КАТАЛОГ БРОНЗОВЫХ БЛЯХ ИЗ ЖЕРТВЕННОГО КОМПЛЕКСА №10
IV МУРЗИХИНСКОГО МОГИЛЬНИКА (раскопки 1992 г.)**

В коллекции этих находок имеется 16 экземпляров целых и фрагментированных изделий, по полевой описи АКУ-1–4, 6–17 (под №5 на плане был отмечен фрагмент обуглившейся дощечки) (рис. 11.-А). После реставрации часть деталей пластин и декора на ряде артефактов утрачена и сохранилась только в прорисовках (рис. 12). В основной фонд коллекции НМ РТ не включена пластина №8 из-за плохой сохранности. О ее виде можно судить по прорисовке и фото (рис. 11.-А/8). Приводим описание пластин.

1. Пластина подквадратной формы (4,6 x 5,2 см) (рис. 11.-А/1; 13) с тремя сквозными отверстиями овальной формы, украшенная восемью круглыми вдавлениями (в трех из них пробиты отверстия). Покрыта плотной патиной темно-зеленого цвета. По плану №1, гл. – 40 см.

НМ РТ, инв. №23461-78 (полевой шифр: АКУ-275/371).

2. Пластина прямоугольной формы (5,7 x 4,1 см) (рис. 11.-2; 14) с тремя сквозными отверстиями неправильной формы, украшенная шестью круглыми вдавлениями, в трех из которых пробиты отверстия. Покрыта плотной патиной темно-зеленого цвета. По плану №2, гл. – 40–42 см.

НМ РТ, инв. №23461-79 (полевой шифр: АКУ-275/372).

Рис. 13. Пластина №1 ЖПК №10
IV Мурзихинского могильника.
НМ РТ, инв. №23461-78 (АКУ 276/371)

Рис. 14. Пластина №2 ЖПК №10
IV Мурзихинского могильника.
НМ РТ, инв. №23461-79 (АКУ 276/372)

3. Пластина трапециевидной формы (3,7–5,4 x 5,5 см) с объемным орнаментом из трех ложчатых элементов и двумя сквозными отверстиями сверху и снизу. На лицевой стороне в нижней широкой части нанесен гравированный рисунок, состоящий из ленты шириной 0,6 см, разделенный вертикальными линиями на прямоугольники, перечеркнутые крест на крест, а получившиеся в результате этого треугольные фигуры украшены точками. По плану №3, гл. – 40–45 см; зафиксирована в положении лицевой частью вниз.

НМ РТ, инв. №23461-80 (полевой шифр: АКУ-275/373).

4. Пластина прямоугольной формы (5 x 6,5 см) (рис. 11.-А/4; 16) с двумя сквозными отверстиями круглой формы, украшенная пятью круглыми вдавлениями, с каждой из длинных сторон пластины (всего 10 элементов). Покрыта плотной патиной зеленого и темно-зеленого цвета. По плану №4, гл. – 40–42 см, зафиксирована тыльной стороной вверх.

НМ РТ, инв. №23461-81 (полевой шифр: АКУ-275/374).

5. Пластина трапециевидной формы (3–6 x 6 см) (рис. 11.-А/6; 17) с объемным орнаментом из трех ложчатых элементов и двумя сквозными отверстиями сверху и снизу (верхнее после реставрации силь-

Рис. 15. Пластина №3 ЖПК №10
IV Мурзахинского могильника.
НМ РТ, инв. №23461-80 (АКУ 276/373)

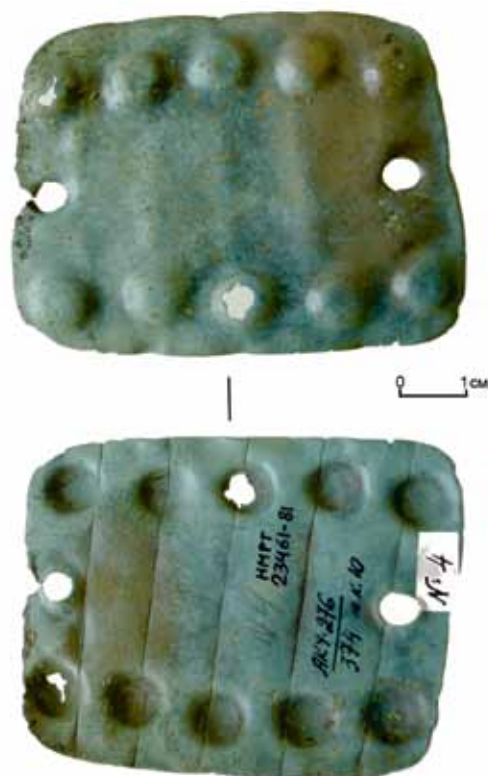

Рис. 16. Пластина №4 ЖПК №10
IV Мурзахинского могильника.
НМ РТ, инв. №23461-81 (АКУ 276/374)

но расширилось за счет обломившейся верхней части пластины). На лицевой стороне в нижней широкой части нанесен гравированный рисунок, состоящий из ленты шириной 0,6 см, разделенный вертикальными линиями на прямоугольники, перечеркнутые крест на крест. До реставрации была видна только правая часть орнамента; после очистки коррозия была удалена, и рисунок стал видим полностью. На некоторых участках поверхности пластины сохранилась плотная патина темно-зеленого цвета (рис. 17). По плану №6, гл. – 40–45 см; зафиксирована в положении – лицевой частью вниз.

НМ РТ, инв. №23461-82 (полевой шифр: АКУ-275/375).

6. Пластина трапециевидной формы (3,5–6 х 6,6 см) (рис. 11.-А/7; 18) с объемным орнаментом из трех ложчатых элементов и двумя сквозными отверстиями сверху и снизу. На лицевой стороне в нижней широкой части нанесен гравированный рисунок, сильно поврежденный коррозией (аналогичный орнаменту на пластине №3, кат. №3). По плану №7, гл. – 45–46 см; зафиксирована лицевой частью вниз. После реставрации удалены окислы, но была разрушена верхняя часть пластины.

НМ РТ, инв. №23461-83 (полевой шифр: АКУ-275/376).

Рис. 17. Пластина №6 ЖПК №10
IV Мурзихинского могильника.
НМ РТ, инв. №23461-82 (АКУ 276/375)

Рис. 18. Пластина №7 ЖПК №10
IV Мурзихинского могильника.
НМ РТ, инв. №23461-83 (АКУ 276/376)

7. Пластина прямоугольной формы (2,5 x 5,8 см) (рис. 11.-А/8), фрагмент, без сквозных отверстий. По краю и на поверхности имеются едва различимые точечные вдавления. Сильно корродирована. По плану №8, зафиксирована в вертикальном положении, в 2–2,5 см от обуглившейся дощечки.

Полевой шифр: АКУ-275/377.

8. Пластина прямоугольной формы (4,7 x 5 см) (рис. 11.-А/9; 19), $\frac{1}{3}$ утрачена. Фрагмент имеет одно сквозное отверстие круглой формы, украшена семью круглыми вдавлениями, соединенными между собой косыми бороздками, прорезанными с тыльной стороны. Покрывается плотной патиной темно-зеленого цвета. По плану №9, гл. – 40–45 см; лежала лицевой стороной вниз. Нижняя ее часть зафиксирована отдельно (пластина №12; кат. №11).

НМ РТ, инв. №23461-84 (полевой шифр: АКУ-275/378).

9. Пластина трапециевидной формы (3–5,5 x 5,5 см) (рис. 11.-А/10) с объемным орнаментом из трех ложчатых элементов и двумя сквозными отверстиями сверху и снизу. На лицевой стороне в нижней широкой части нанесен гравированный рисунок, состоящий из ленты шириной 0,6 см, разделенный вертикальными линиями на прямоугольники, перечеркнутые крест на крест, а получившиеся в результате этого треугольные фигуры сверху и снизу украшены точками. Пластина сильно повреждена коррозией; имеются утраты на боковых сторонах и сверху. После чистки большая часть пластины выкрошилась. По пла-

Рис. 19. Пластина №9 ЖПК №10
IV Мурзихинского могильника.
НМ РТ, инв. №23461-84 (АКУ 276/378)

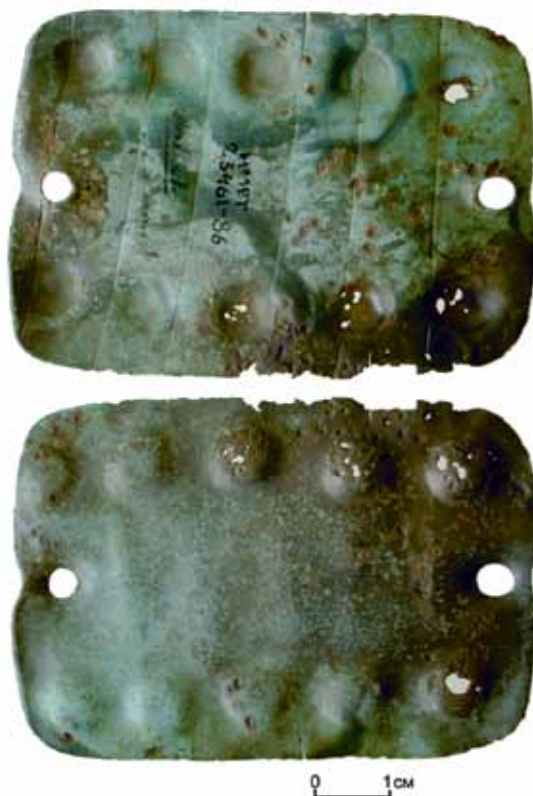

Рис. 20. Пластина №11 ЖПК №10
IV Мурзихинского могильника.
НМ РТ, инв. №23461-86 (АКУ 276/380)

Рис. 21. Пластина №12 ЖПК №10
IV Мурзихинского могильника.
НМ РТ, инв. №23461-87 (АКУ 276/381)

ну №10, гл. – 45–47 см; зафиксирована
лицевой частью вниз.

НМ РТ, инв. №23461-85 (полевой
шифр: АКУ-275/379).

10. Пластина прямоугольной фор-
мы (5 x 7 см) (рис. 11.-А/11; 20) с тремя
сквозными отверстиями круглой фор-
мы, украшенная пятью круглыми вдавления-
ми по боковым сторонам, соединенными
с тыльной стороны прямыми бороздка-
ми. Покрывается плотной патиной темно-зе-
леного цвета. По плану №11, гл. – 55 см;
находилась лицевой частью вверх.

НМ РТ, инв. №23461-86 (полевой
шифр: АКУ-275/380).

Рис. 22. Пластина №13 ЖПК №10
IV Мурзихинского могильника.
НМ РТ, инв. №23461-88 (АКУ 276/382)

Рис. 23. Пластина №14 ЖПК №10
IV Мурзихинского могильника.
НМ РТ, инв. №23461-89 (АКУ 276/383)

11. Пластина прямоугольной формы (5 x 2,5) (рис. 11.-А/12; 21), фрагмент, возможно, часть пластины №9 (кат. №8). На фрагменте сохранилось одно сквозное отверстие круглой формы. Украшена тремя круглыми вдавлениями, поврежденными коррозией. Покрыта патиной, корродирована. По плану №12, гл. – 50 см.

НМ РТ, инв. №23461-87 (полевой шифр: АКУ-275/381).

12. Пластина трапециевидной формы (4–6,3 x 6,5 см) (рис. 11.-А/13; 22) с объемным орнаментом из трех ложчатых элементов и двумя сквозными отверстиями овальной формы сверху и снизу. Утрачена часть верхнего края пластины. На лицевой стороне в нижней широкой части нанесен гравированный рисунок, аналогичный рисункам на таких же пластинах из этого набора. После чистки рисунок заметен плохо; повреждена одна из боковых сторон. По плану №13, гл. – 50–55 см; зафиксирована в положении на боку наклонно, лицевой частью вверх.

НМ РТ, инв. №23461-88 (полевой шифр: АКУ-275/382).

13. Пластина трапециевидной формы (4–6,5 x 5,7 см) (рис. 11.-А/14; 23) с объемным орнаментом из трех ложчатых элементов и двумя сквозными отверстиями овальной формы сверху и снизу (сохранилось только одно – снизу). На лицевой стороне в нижней широкой части нанесен гравированный рисунок, состоящий

Рис. 24. Пластина №15 ЖПК №10
IV Мурзихинского могильника.
НМ РТ, инв. №23461-90 (АКУ 276/384)

Рис. 25. Пластина №17 ЖПК №10
IV Мурзихинского могильника.
НМ РТ, инв. №23461-92 (АКУ 276/386)

из ленты шириной 0,6 см, разделенный вертикальными линиями на прямоугольники (семь элементов), перечеркнутые крест на крест, а получившиеся в результате этого треугольные фигуры украшены точками. По плану №14, гл. – 52–58 см; зафиксирована лицевой частью вниз.

НМ РТ, инв. №23461-89 (полевой шифр: АКУ-275/383).

14. Пластина прямоугольной формы (6,8 x 5,2 см) (рис. 11.-А/15; 24) с двумя сквозными отверстиями круглой формы, украшенная пятью круглыми вдавлениями по боковым сторонам. Лицевая сторона сильно нарушена коррозией. Патина темно-зеленого цвета. Имеются утраты металла, края пластины выкрошены. По плану №15, гл. – 55 см, зафиксирована лицевой частью вниз.

НМ РТ, инв. №23461-90 (полевой шифр: АКУ-275/384).

15. Пластина трапецевидной формы (3,5–6 x 6,6 см) (рис. 11.-А/16) с объемным орнаментом из трех ложчатых элементов и двумя сквозными отверстиями сверху и снизу. На лицевой стороне в нижней широкой части нанесен гравированный рисунок, аналогичный тому, который имеется на других трапецевидных пластинах из ЖПК №10. Пластина частично пострадала от коррозии: имеются утраты на боковых сторонах и на месте рисунка. По плану №16, гл. – 58 см.

НМ РТ, инв. №23461-91 (полевой шифр: АКУ-275/385).

16. Пластина трапецевидной формы (3–5,7 x 6 см) (рис. 11.-А/17; 25) с объемным орнаментом из трех ложчатых элементов и двумя сквозными отверстиями сверху и снизу. На лицевой стороне в нижней широкой части нанесен гравированный рисунок, испорченный коррозией, но, судя по всему, аналогичный тому, который имеется на других трапецевидных пластинах из ЖПК №10. Пластина сильно пострадала от коррозии, особенно боковые стороны и верхняя часть. По плану №17, гл. – 55–58 см; зафиксирована лицевой частью вверх.

НМ РТ, инв. №23461-92 (полевой шифр: АКУ-275/386).

Автор благодарит А.А. Кутуева, директора ГБУК «Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник», за возможность ознакомиться с находкой железного меча из Чистопольского района.

Библиографический список

Брилева О.А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. – X в. н.э.). М. : Таус, 2012. 424 с.

Ворошилов А.Н. Случайные находки архаических акинаков как источник по истории лесостепного Подонья в раннескифскую эпоху // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. СПб., 2008. С. 91–96.

Денисов А.В. Случайные находки клинкового оружия раннего железного века с территории Самарского Поволжья // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки СОКМ. Вып. XV. Самара : ООО «Офорт», 2010. С. 222–230.

Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант: САИ. Вып. 2–5. М. : ИА РАН, 1995. 166 с.

Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М. : ИА РАН, 1996. 164 с.

Коренюк С.Н. Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Труды ГИМ. Вып. 122. М. : ГИМ, 2000. С. 68–79.

Марков В.Н. Исследования городища Черепашье // Археологические открытия 1983 года. М. : Наука, 1985. С. 162.

Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н.э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола : Марийское кн. изд-во, 1984. 230 с.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М. : Наука, 1982. 300 с.

Руденко К.А. Малополянское V селище // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 185–197.

Руденко К.А. Остров «Мурзиха» и его окрестности. Хронологический атлас археологических коллекций НМ РТ (1991–1999 гг.). Опыт микрорегионального исследования. Каталог археологических коллекций НМ РТ. Казань : РИЦ «Школа», 2002. 208 с.

Руденко К.А. Декоративно-прикладное искусство раннеананьинского времени (по материалам IV Мурзихинского могильника в Татарстане, предварительный анализ) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. : ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 1. С. 226–231.

Рябкова Т.В. Изделия с перегородчатой инкрустацией в предскифских и раннескифских памятниках // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. Т. II. С. 163–168.

Топал Д.А., Бруяко И.В. Находки клинкового оружия ранних кочевников из Оргеевского района (Республика Молдова) // *Stratum plus*. 2012. №3. С. 1–11.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М. : Наука, 1977. 264 с.

Хомчик М.О., Шовкопляс Г.М. Знахідки ранньої пори залізного віку з Києва (із збірок Державного історичного музею УРСР // *Археологія*. 1984. №46. С. 80–86.

K.A. Rudenko

UNIQUE FINDS OF THE EPOCH OF EARLY IRON FROM TATARSTAN

In the article the unique finds of an epoch of the early Iron Age are considered. It is the bronze vessel made on the Caucasus at the end of VIII – the beginning of VII century B.C. At this time it was delivered to Middle Volga region. It is a unique find of the whole bronze vessel of an epoch of the early Iron Age in territory of Tatarstan. The small bronze figurine was made in the Caucasus. It represents a standing person in a high hairdress. It is dated by IV century BC – II century AD. It was found in Biljarsk which is located in Alekseevsky area of Tatarstan. It was stored by the Kazan collector A.F. Lihachev. Now the artefact is in the National museum of the Tatarstan republic. A unique find is the iron Scythian sword (akinakes) second half VII century BC, found out in a city of Chistopol in Tatarstan. It has been bent during some ritual. It is the most northern find of swords «tip Kelermes» in the Eastern Europe. The set from 16 bronze decorated plates of the trapezoid, rectangular and square form which have been found out on IV Murzihinsky burial ground of an epoch of the early Iron Age is interesting as well. They were connected with each other by thin leather thongs. Plates were put in a small hole, near to ancient burial places. These plates are dated by VII century BC. They were possibly made in the Caucasus.

Keywords: archaeology, Scythians, Scythian sword, akinakes, Ananino culture, Tatarstan, Caucasus, a sword, ritual, Ural Mountains, Volga, the early Iron Age.

НОВАЯ НАХОДКА БРОНЗОВОГО ТОПОРА С ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ*

Впервые публикуется случайная находка крупного металлического топора, который обнаружен в окрестностях с. Тюменцева Алтайского края (Россия). Изделие ныне хранится в Тюменцевском районном историко-краеведческом музее. Оно было передано для изучения в Алтайский государственный университет. С помощью портативного рентгенофлюоресцентного спектрометра получена информация о том, что топор изготовлен из медно-оловянного сплава. Кроме этого, определены параметры и вес довольно редкой находки, археологический контекст которой пока не ясен, но авторы не исключают ее связь с наличием поселения эпохи бронзы в долине речки Медведки. Указать культурную принадлежность и датировку изученного изделия довольно сложно, так как большинство аналогичных предметов найдены случайно и не соотносятся с конкретным памятником. Морфологические особенности топора демонстрируют переходные черты, характерные как для изделий андроновской культурно-исторической общности, так и для степных и лесостепных культур периода поздней бронзы. На территории Алтайского края уже обнаружен ряд таких находок, что обозначает необходимость их детального рассмотрения и специального изучения.

Ключевые слова: Лесостепной Алтай, эпоха бронзы, металлический топор, рентгенофлюоресцентный анализ, аналогии, датировка, музей.

DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-09

Введение

В 2014 г. в фонды Тюменцевского районного историко-краеведческого музея (Алтайский край, Россия) поступил металлический «вислообушный» топор (ТРИКМ; ОФ №3195). Предмет найден в окрестностях с. Тюменцева, примерно в 1–3 км к северо-востоку от этого районного центра, в долине небольшой речки Медведки, входящей в систему притоков Кулунды (рис. 1). Археологический контекст находки до конца не ясен. Не исключено, что топор происходит с территории поселения эпохи бронзы, о чем свидетельствовал грунт, покрывавший поверхность сильно окислившегося металлического предмета.

Основная задача статьи – ввести в научный оборот наиболее полные сведения о важном элементе материальной культуры эпохи бронзы. Приводимая информация, как и само изделие, публикуются впервые. Дальнейшие исследования и сравнительный анализ с другими подобными предметами, обнаруженными на территории Верхнего Приобья и сопредельных регионов, позволят решать вопросы, которые возникли при изучении находки.

Материал, методы, результаты

Вес топора, зафиксированный с помощью электронных почтовых весов, составил 1,542 кг. Общая длина предмета – 24,85 см, ширина рабочей части – 4,75 см (рис. 2–3). Лезвие было заточено, но на нем имеются зазубрины. Видно, что топор использовал-

* Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14. Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии» и по проекту №1006 «Использование естественно-научных методов в реконструкциях историко-культурных процессов на Алтае в древности» в рамках базовой части государственного задания.

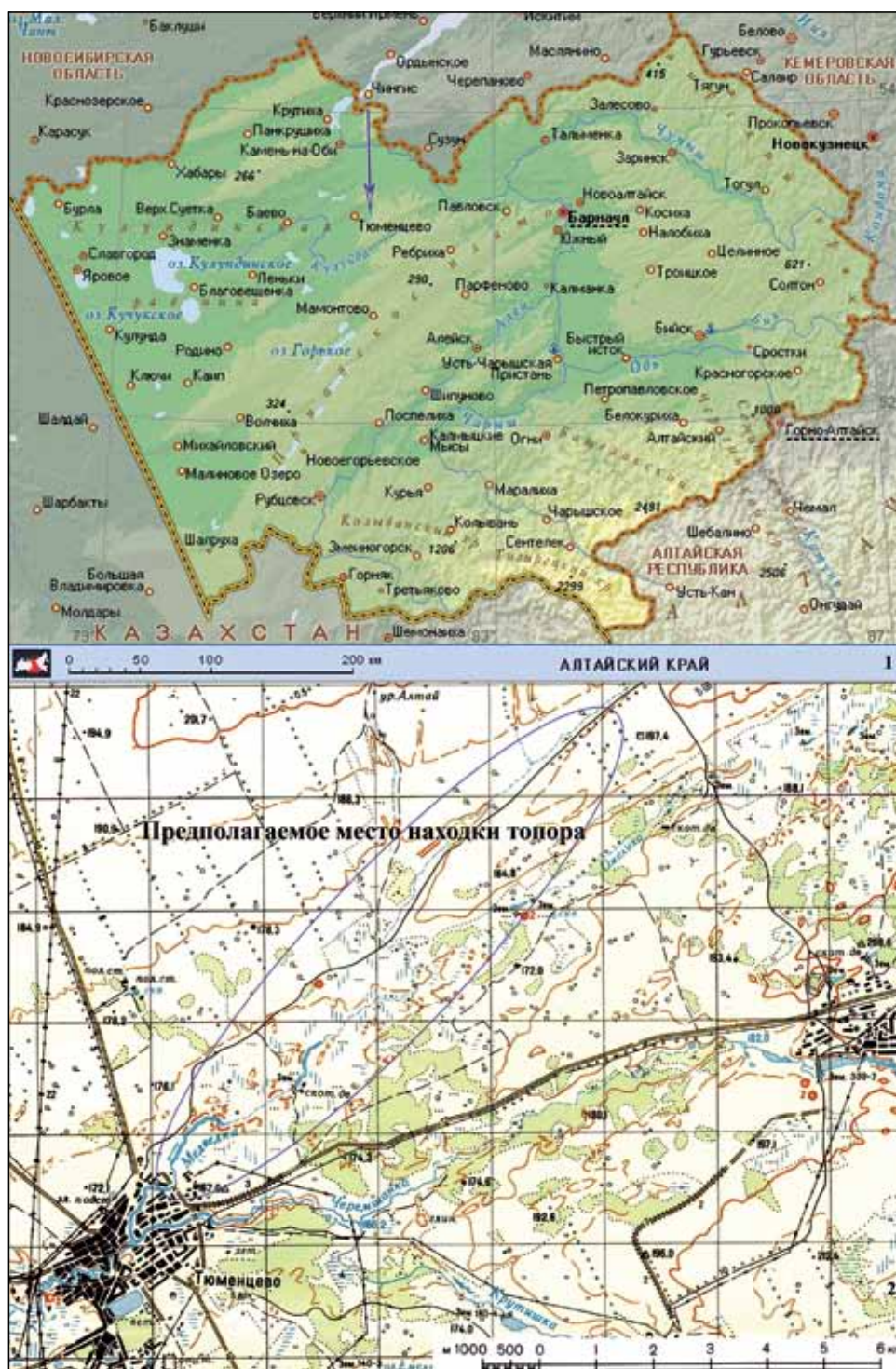

Рис. 1. Место находки вислобушного топора на современных картах

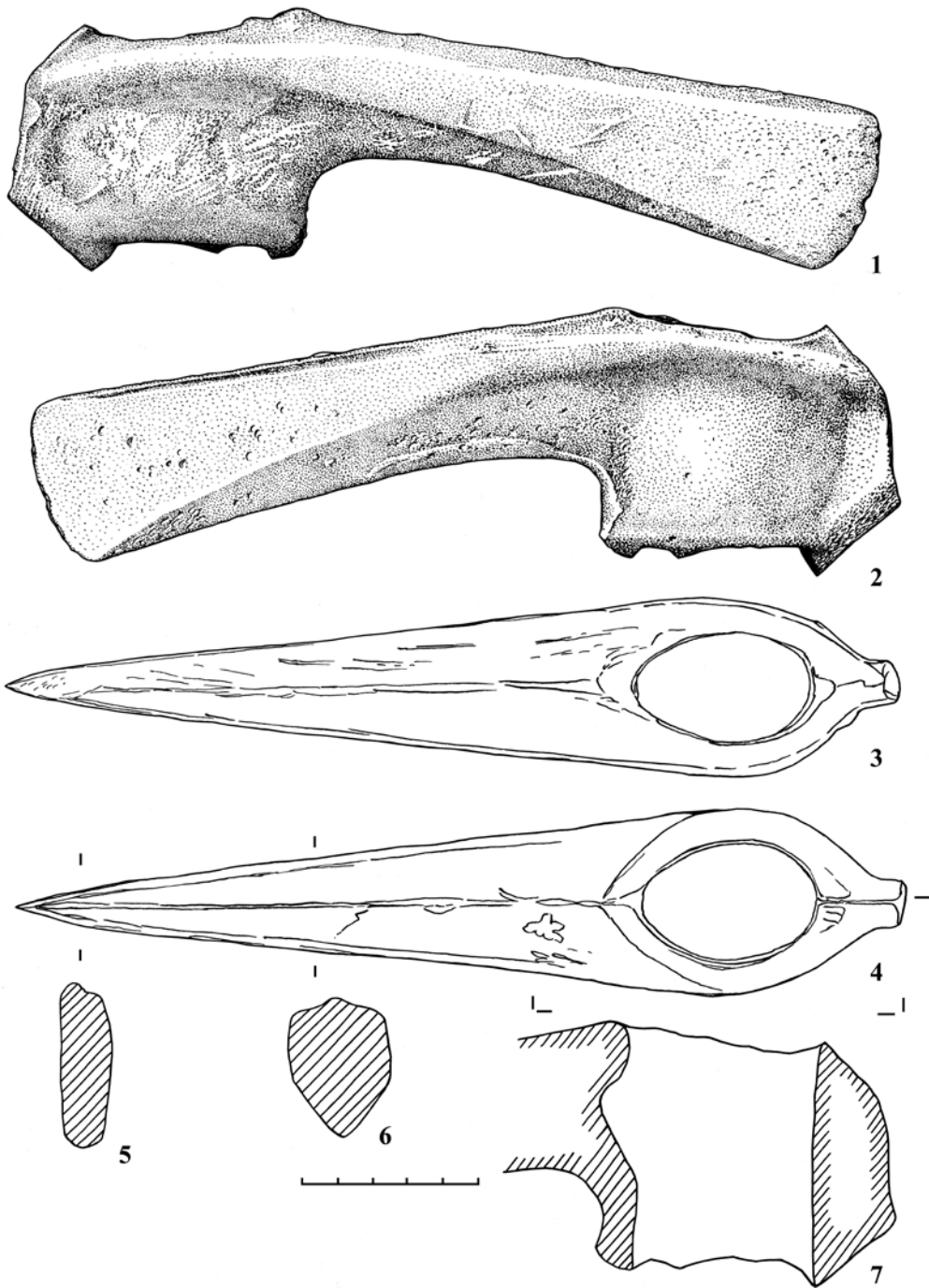

Рис. 2. Бронзовый топор из окрестности с. Тюменцева: 1–2 – вид сбоку; 3 – вид сверху, со стороны спинки; 4 – вид снизу; 5 – разрез клинка у лезвия; 6 – разрез клинка в средней части; 7 – разрез втулки топора. Рисунок выполнен А.Л. Кунгуровым

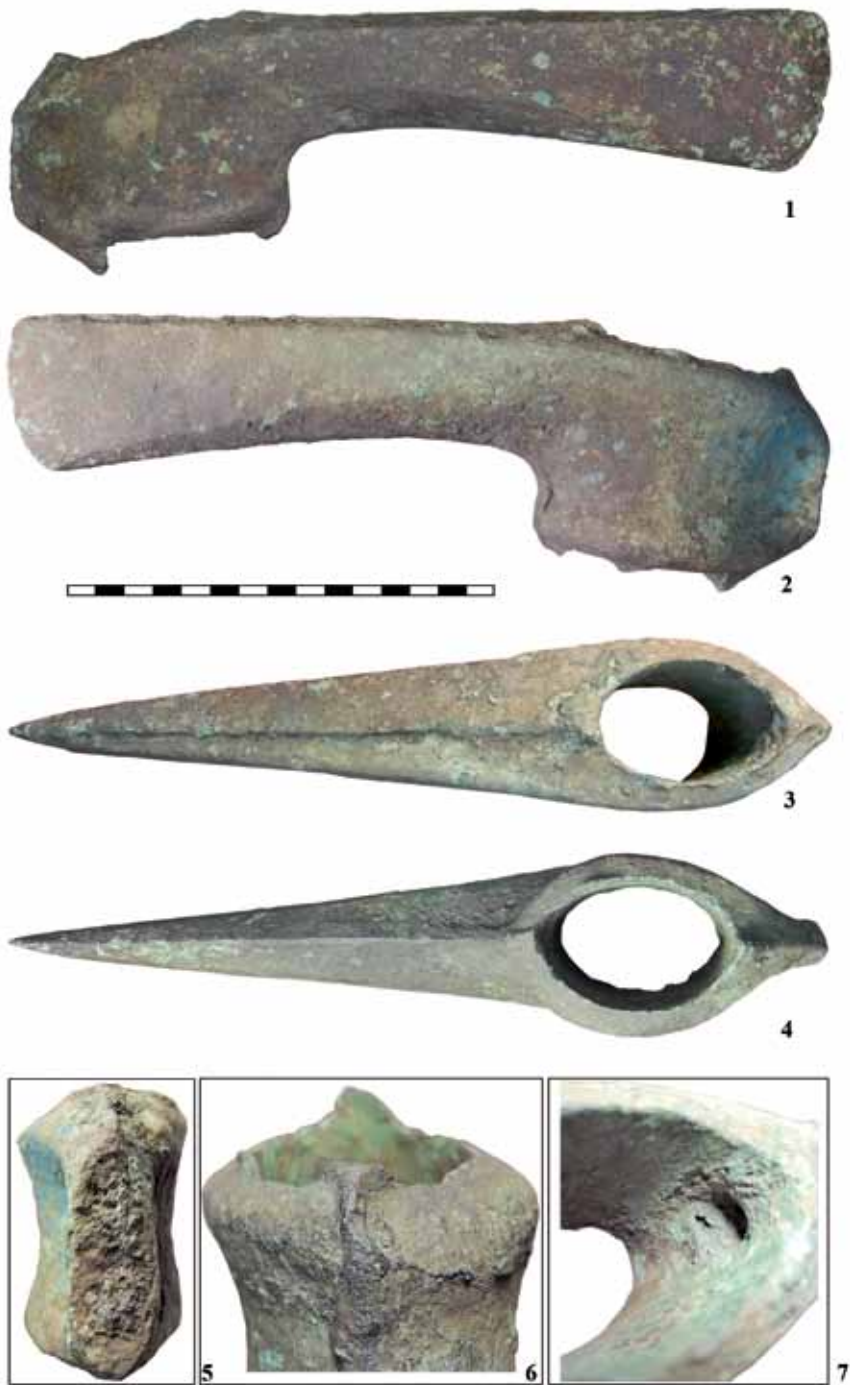

Рис. 3 (фото). Бронзовый топор из окрестностей с. Тюменцева: 1–2 – вид сбоку; 3 – вид сверху, со стороны спинки; 4 – вид снизу; 5 – вид со стороны обуха; 6 – вид нижней части втулки со стороны клинка (перевернуто); 7 – выемка на внутренней поверхности проушины. Фото авторов

ся в работе. Поверхность изделия покрыта мощными окислами темно-коричневого, грязно-зеленого и сине-фиолетового цвета. Часть таких проявлений фиксируется в виде аморфных пятен.

Топор изготовлен в двухстворчатой форме. Об этом свидетельствуют литейные швы, которые хорошо видны на клинке и обухе (рис. 2.-3-4; 3.-3-6). По верхнему краю клинка (на «спинке») проходит широкий литейный шов, частично снятый и зашлифованный (рис. 2.-3; 3.-3). Снизу (на «брюшке») литейный шов тоньше (рис. 2.-4; 3.-4, 6). Возможно, вверху при заполнении металлом створки формы повело, и они слегка раздвинулись. Об этом свидетельствует и деформированная втулка. На обухе топора хорошо видно место слома литника (рис. 3.-5). Это позволяет утверждать то, что металл в литейную форму заливался именно с данной стороны. Многочисленные дефекты при отливке топора, вероятно, свидетельствуют об издержках при его производстве и недостаточном качестве литейной формы. По-видимому, литейные швы и место слома литника специально не подрабатывались, а отмеченные следы зашлифовки возникли в процессе использования изделия.

Топор имеет длинный массивный клинок, крупную втулку и слегка изогнутое лезвие (рис. 2-3). Длина клинка (от втулки до лезвия) – 16,2 см. Ширина изделия на стыке втулки и клинка – 3,85 см, а толщина – 4,1 см. Пятигранный клинок постепенно уплощается и расширяется у лезвия. Ширина клинка к лезвию уменьшается равномерно. В самой широкой части (у втулки) его размеры составляют 4,6 см, а в центре – 3,1 см. Верхний торец клинка («спинка») практически плоский. Слабо выраженное ребро здесь демонстрирует литейный шов (рис. 2.-3; 3.-3). Пятка и носок закруглены.

Форма отверстия втулки топора (проушина) овальная. Размеры этой части такие: вверху – 5,2 x 3,4 см, внизу – 5,1 x 3,4 (практически идентичны). На внутренней стороне поверхности втулки (со стороны* клинка) имеется выемка округлой формы глубиной около 1 см (рис. 2.-7; 3.-7), по-видимому, связанная с особенностями технологии изготовления изделия.

Внешние размеры втулки топора внизу, учитывая выступ на обушке, – 8,6 x 4,9 см. Высота (по центру) с одной стороны – 5,75 см, а с другой – 5,9 см (без учета крайних выступов). Верхний край имеет слабый скос к обушке. Внизу и вверху втулки, в месте соединения створок литейной формы, есть небольшие острые выступы. Их происхождение, возможно, связано с оформлением функциональных деталей, укрепляющих соединение топора с топорищем (бородок). Такие детали могли являться литейным браком, но в пользу их функционального значения свидетельствует наличие подобных выступов на других «вислообушных» топорах [Бехтер, Хаврин, 2002, рис. 1.-9].

Орнамент на втулке нет. Внизу и вверху по краям боковых сторон (щёк) проходят два валика-утолщения. Их профиль округлый, края сглажены, ребер нет. Валик с верхнего края втулки постепенно переходит на клинок топора, тем самым образуя и усиливая его боковую грань. Обух топора представляет собой характерный выступ – «гребень», который является продолжением указанных валиковых утолщений на щеках втулки, формирующих край обуха. Отверстия на обухе нет, но имеются углубления с двух сторон. Толщина «гребня» в середине заметно меньше, чем по краям. Его поверхность в этом

* В ответ на наш запрос специалисты из Государственного Эрмитажа Р.С. Минасян и Е.А. Шаблавина указали, что углубление, скорее всего, является литейной раковиной, образовавшейся в процессе кристаллизации металла.

месте неровная. Возможно, что для изготовления рассматриваемого топора прототипом являлось изделие с наличием отверстия-петли на обухе. Но уже отмеченные издержки при отливке привели к тому, что предполагаемое отверстие заполнилось металлом. При этом следует обратить внимание на хорошо заметные скошенности внизу иверху обуха, придающие трапецевидный вид абриса «гребня» (рис. 3.-1–2).

С помощью портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США), который имеется на кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, получена серия показателей, указывающих на состав сплава и особенности процесса окисления металла во время нахождения в грунте. Для этих исследований использовался программный режим «Аналитический».

Сначала тестировался участок втулки в месте, где отпал заметный слой окислов: Cu (медь) – 45,76%; Sn (олово) – 39,93%; Fe (железо) – 13,68%; Pb (свинец) – 0,42%; As (мышьяк) – 0,21%. Эти данные указывают на наличие основы сплава (Cu), легирующей добавки (Sn) и рудных примесей (Fe, Pb, As). Существенное количество железа связано с активным и длительным процессом взаимодействия изделия с окружающей средой. Это заключение иллюстрируется нижеприводимыми определениями.

Затем в разных местах исследовалась поверхность металла у лезвия, где были механически удалены результаты коррозии. Получены результаты, которые наиболее адекватно характеризуют состав сплава:

Cu – 82,2%; Sn – 17,45%; Fe – 0,2%; Pb – 0,15%;

Cu – 79,08%; Sn – 20,37%; Fe – 0,4%; Pb – 0,15%.

Эти показатели указывают на традиционный «стандарт», фиксируемый при изучении изделий верхне-обского и восточно-казахстанского ареалов распространения памятников андроновской культуры развитой бронзы.

Для понимания наличия повышенного содержания железа на окисленной поверхности прибором в разных местах дважды тестировались края защищенного участка. Выявлены такие схожие поэлементные ряды:

Cu – 71,55%; Sn – 27,02%; Fe – 1,17%; Pb – 0,26%;

Cu – 71,32%; Sn – 26,94%; Fe – 1,44%; Pb – 0,29%.

Приведенные данные свидетельствуют об увеличении количества не только железа, но и олова. Такая ситуация отражает уже многократно отмеченную особенность поведения легирующей добавки при окислении древних бронзовых предметов.

На заключительной стадии тестировалась поверхность топора, покрытая существенным слоем коррозии. Полученные сведения подтверждают обозначенную тенденцию:

– сторона клинка: Cu – 31,54%; Sn – 55,21%; Fe – 12,18%; Ti – 0,42%; Pb – 0,39%; As – 0,26%;

– сторона втулки: Cu – 44,18%; Sn – 48,42%; Fe – 7,08%; Pb – 0,32%.

Все зафиксированные результаты стабильно демонстрируют медно-оловянный сплав с рудными примесями. Выявленный в окислах мышьяк (As) может косвенно указывать на использование центрально-казахстанских медных руд.

Обсуждение

По терминологии, которой придерживается большинство исследователей, рассматривавших подобные изделия, топор из с. Тюменцева относится к типу «вислообушных

топоров с гребнем» [Кузьмина, 1966, с. 11; Аванесова 1991, с. 11; Агапов, 1988, с. 85; Иванов С.С., 2014, с. 94] или «гребенчато-вислообушных» [Гришин, 1971, с. 23].

По классификации, разработанной Н.А. Аванесовой [1991, с. 15], данное изделие ближе всего к топорам типа В («вислообушные с гребнем») – варианты В1 и В2. По морфологическим признакам топору из Тюменцева аналогичны изделия, найденные в с. Лялино (Барнаульский округ)*, под Семипалатинском и в Минусинском крае [Аванесова, 1991, рис. 13.-41, 52, 60; Грязнов, 1956, с. 20, рис. 5.-1].

Определение культурной и хронологической принадлежности «вислообушных топоров с гребнем», имеющих разные варианты оформления, затруднено тем, что большинство таких предметов обнаружено случайно и не привязано к конкретным комплексам. Н.А. Аванесова [1991] предложила относительную хронологию развития форм «вислообушных топоров с гребнем», разработанную на основе типологического анализа. Наиболее ранними, по ее мнению, являются вислообушные топоры типа А («гладко-вислообушные»), несколько позднее использовались топоры типа Б («без гребня, с утолщениями по краям втулки»), и на завершающем этапе были распространены изделия типа В («с гребнем») [Аванесова, 1991, с. 11–15]. Тенденцию хронологических изменений морфологии топоров Н.А. Аванесова [1991, с. 16] связывает с выбором наиболее совершенных форм усиления втулки и клинка топора, стремлением придать прочность и предохранить от излома стенки втулки и обуха. Появление валиков по краям втулки, а затем гребня на обухе топоров обеспечивало надежность его использования (при этом чрезмерно не утяжеляло орудие и экономился металл). Наиболее совершенными в данном отношении являются изделия с гребнем и валиками с выраженными гранями, дающими дополнительную жесткость стенкам втулки. Повидимому, такие изделия демонстрируют одну из поздних форм гребенчатых топоров.

Не исключено, что гребень мог возникнуть и развиваться как деталь оформления вислообушных топоров вследствие процесса их изготовления, т.е. при литье в двусторончатой форме, в которой канал заливки металла располагался с обуха изделия. Увеличение размера полости со стороны обуха, возможно, требовалось для лучшего залива металла и его равномерного распределения по форме.

В культурном и хронологическом отношении Н.А. Аванесова [1991, с. 12–14] связывает вислообушные топоры типа А («гладко-обушковые») с петровскими и раннеалакульскими памятниками. Изделия типа Б («с валиковыми утолщениями»), по ее мнению, бытовали в период распространения федоровских комплексов. Топоры типа В («с гребнем») характерны для культур периода поздней бронзы (поздний этап развития андроновской общности) [Аванесова, 1991, с. 15].

С.А. Агапов [1988, с. 85–86] тип «вислообушных топоров с гребнем» относит ко времени распространения памятников саргаринско-алексеевской культуры. В рамках финальной бронзы подобные изделия рассматривают А.В. Бехтер и С.В. Хаврин [2002, с. 75].

На широкий период бытования «вислообушных топоров с гребнем» в рамках развитой и поздней бронзы указывает Е.Е. Кузьмина [1966, с. 13]. С.С. Иванов [2013, с. 487; 2014, с. 91, 95] считает, что топоры с гребнем относятся к андроновской культурно-исторической общности, хотя датирует их XII–X вв. до н.э.

* Топор найден в 1889 г. Не исключено, что название деревни – Лялино. Такое село находится в Здвинском районе Новосибирской области (Бараба). Данное обстоятельство требует специального рассмотрения.

Ряд находок вислобушных топоров и их вотивных аналогов на памятниках Лесостепного Алтая и Барабы свидетельствует о том, что относительная хронология выделенных Н.А. Аванесовой [1991] типов не столь однозначна.

На территории Лесостепного Алтая находка топора типа Б («с валиками без гребня», по Н.А. Аванесовой) происходит с поселения Крестьянское-4а, которое Г.Е. Иванов [1998, с. 101; 2000, с. 26] датирует концом II тыс. до н.э. и относит к кругу памятников культур валиковой керамики. К тому же Г.Е. Иванов [2000, с. 26] доказывает, что топоры типа Б, соотносимые Н.А. Аванесовой с федоровскими комплексами, сосуществовали с «вислообушными топорами с гребнем».

В свою очередь, В.И. Молодин считает, что найденные в Барабе топоры с гребнем и выделенным обушком бытуют в андроновский период. Он объясняет данное заключение их схожестью с подвесками в виде миниатюрных вислообушных топоров из андроновских могильников [Молодин, Новиков, Софеев, 2000, с. 162; Молодин, Ермакова, 2009, с. 236]. Важно то, что на подвесках из памятников Старый Тартас-4 [Молодин, Новиков, Гришин, 1998, с. 297, рис. 2.-б; Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, с. 60–61, рис. 10] и Ланин лог [Аванесова, 1991, с. 14; рис. 13.-63] акцентирован ряд таких особенностей морфологии вислообушных топоров, как утолщения в виде валиков на втулке и выступ (гребень?) на обухе. Соответственно можно предположить, что для древнего мастера, который их изготовил, именно эти детали осознавались как наиболее значимые черты, демонстрирующие признаки вислообушных топоров.

Общая морфология топора из Тюменцева (слабо выраженные валики по краям втулки без четких граней в рельефе) имеет переходные формы, характерные как для типа Б1 («без гребня с усилением обуха топора», по Н.А. Аванесовой), так и типа В1 («с гребнем»). Оформление рассматриваемого топора близко к деталям, фиксируемым на подвеске из Старого Тартаса-4. Поэтому по морфологическим особенностям однозначно нельзя отнести данное изделие только к андроновской культуре или к культурам поздней бронзы. Данный топор представляет собой переходную форму между андроновскими изделиями без гребня и топорами поздней бронзы, имеющими выраженные реберчатые валики по втулке и обуху, а также петли на обухе. В связи с этим пока можно предложить только предварительные хронологические рамки существования этого предмета – середина – 2-я половина II тыс. до н.э.

На сегодняшний день с территории Лесостепного Алтая известна уже существенная серия вислообушных топоров, большая часть из которых имеют гребень. Такие изделия найдены в окрестностях сел Мамонтово [Иванов Г.Е., 1982, рис. 2.-1; 2000, рис. 2.-5], Урлапово [Кирюшин, Иванов Г.Е., 1996, с. 84, рис. 2], Северка [Папин, Федорук, Шамшин, 2006, с. 86–87, рис. 5], Лялино (Лянино) [Грязнов, 1956, с. 20, рис. 5.-1; МАЭС ТГУ, №2822], Бор-Форпост [РИКМ им. В.М. Комарова, ОФ №306], а также в пос. Северном [Уманский, 1967, с. 99] и на памятнике Крестьянское-4а [Иванов Г.Е., 2000, с. 25–26, рис. 7.-1]. Топоры с территории Алтая имеются в коллекциях П.К. Фролова [Аванесова, 1991, рис. 13.-50; ГЭ №1122/84] и Л.И. Шренка [Аванесова, 1991, рис. 13.-54–55; МАЭ №35-11, 35-14].

Заключение

Как отмечают многие исследователи, границы распространения вислообушных топоров на территории Западной Сибири совпадают с ареалом андроновской историко-культурной общности [Аванесова, 1991; Кузьмина, 1966, с. 12]. Причем по

количеству находок (уже, как минимум, 11 топоров) территория Лесостепного Алтая выделяется среди других регионов Западной Сибири. Не исключено, что такое число обнаруженных топоров в степных и на западе лесостепных районов Алтая связано с восточной зоной распространения памятников саргаринско-алексеевской культуры. Именно с этой культурой связываются многочисленные находки вислообушных топоров [Агапов, 1988, с. 85–86]. По-видимому, неслучайно то, что большая часть вислообушных топоров с данной территории – это поздние формы изделий с гребнем, имеющие ярко выраженные ребра на валиках – усилителях краев втулки.

Таким образом, вислообушный топор с гребнем, найденный около с. Тюменцева, типичен для изделий эпохи бронзы Лесостепного Алтая, Восточного Казахстана и сопредельных регионов. Морфологические особенности данного топора демонстрируют переходные черты, характерные как для изделий андроновской историко-культурной общности, так и для культур периода поздней бронзы. Эта находка является еще одним свидетельством того, что процессы трансформации культур на территории Лесостепного Алтая в конце эпохи бронзы имели сложный характер. Не исключено, что вислообушный топор из окрестностей с. Тюменцева происходит с еще неоткрытого поселения, поиск которого становится более актуальным в связи с тем, что на этом памятнике можно обнаружить довольно редкие для Лесостепного Алтая комплексы, демонстрирующие переходные черты от андроновской общности к культурам финальной бронзы.

Библиографический список

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент : Фан, 1991. 200 с.
- Агапов С.А. О культурной принадлежности «топоров с гребнем» // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул : Изд. ИИФиФ СО АН СССР, АГУ, 1988. С. 85–86.
- Бехтер А.В., Хаврин С.В. Степные бронзы из провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и проблемы восточной линии синхронизации // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ ; Чита : Изд-во Бурят. ун-та, 2002. С. 73–78.
- Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. М. : Наука, 1971. 108 с. (САИ. Вып. В3-12).
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1956. 256 с. (МИА. Вып. №48).
- Иванов Г.Е. К археологической карте верховьев Касмалы // Археология и этнография Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 24–52.
- Иванов Г.Е. Поселение эпохи поздней бронзы Крестьянское 4 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 99–102.
- Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района. Мамонтово ; Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2000. 160 с.
- Иванов С.С. Новые находки вислообушных топоров из Прииссыккулья // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы : ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 485–488.
- Иванов С.С. Новые находки орнаментированных вислообушных топоров эпохи бронзы из Кыргызстана // Теория и практика археологических исследований. 2014. №1 (9). С. 91–100.
- Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. М. ; Л. : Наука, 1966. 152 с. (САИ. В4-9).
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е. Новые находки металлических изделий из Шипуновского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 81–88.

Молодин В.И., Ермакова Н.В. Бронзовый вислообушной топор из Центральной Барабы // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. XV. С. 334–336.

Молодин В.И., Новиков А.В., Гришин А.Е. Результаты последнего года полевых исследований могильника андроновской культуры Старый Тартас-4 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. IV. С. 294–299.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №3. С. 48–62.

Молодин В.И., Новиков А.В., Софеев О.В. Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области // Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Новосибирск : Изд. НПЦ по сохранению историко-культурного наследия, 2000. Вып. 4. 224 с.

Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Находки бронзовых предметов с территории Кулундинской степи // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 83–96.

Уманский А.П. Памятники андроновской культуры на Алтае // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово : Изд. КГПИ, 1967. Вып. 1. С. 96–100.

A.A. Tishkin, Ya.V. Frolov

NEW FIND OF THE BRONZE AXE FROM THE TERRITORY OF FOREST-STEPPE ALTAI

The casual find of a large metal axe which was found in the neighborhood of the village of Tyumentsevo of Altai Krai (Russia) is for the first time published in article. The artifact is nowadays kept in the Tyumentsevo regional local history museum. It was transferred for studying to the Altai State University. By means of a portable X-ray fluorescent spectrometer information that the axe is made of a copper and tin alloy is received. Besides, parameters and weight of quite rare find which archaeological context isn't clear yet are determined, but authors don't exclude its communication with existence of the settlement of an era of bronze in the valley of the small river of Medvedka. It is quite difficult to specify cultural accessory and dating of the studied artifact as the overwhelming quantity of similar subjects is found incidentally and doesn't correspond to a concrete site. Morphological features of an axe show transitional lines, characteristic both for products of an Andronovo cultural and historical community, and for steppe and forest-steppe cultures of the period of Late Bronze Age. In the territory of Altai Krai a number of such finds is found already that designates need of their detailed consideration and special studying.

Keywords: Forest-steppe Altai, Bronze Age, metal axe, X-ray fluorescent analysis, analogies, dating, museum.

А.П. Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЕ АРХЕЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ГОРНОМ АЛТАЕ (начало XXI в.)

Базой для проведения совместных российско-польских археологических исследований традиционно являются учебный полигон-стационар, работающий на протяжении последних 14 лет в окрестностях с. Манжерок Майминского района Республики Алтай, и Центральноалтайский археологический отряд Института археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ СО РАН). На протяжении последних десяти лет проведено несколько экспедиций и летняя полевая школа по археологическим практикам (2009 г.). В ходе совместных экспедиционных российско-польских археологических работ в Горном Алтае исследовано более десятка курганов пазырыкской и кара-кобинской культур (Чултуков Лог-1), выявлены новые местонахождения петроглифов (Аных), проведены рекогносцировочные раскопки поселения майминской археологической культуры Чултуков Лог-9. Впервые выполнено компьютерное моделирование каменных погребальных сооружений скифского времени Горного Алтая с детализацией всех последовательных этапов их сооружения. Достигнутые результаты совместных полевых исследований на Алтае неоднократно публиковались в научных изданиях Ягеллонского университета в г. Кракове (*Rechercher Archeologiques Nouvelle*), Института археологии и этнографии СО РАН (Археология, этнография и антропология Евразии), НГПУ (Вестник педагогических инноваций), а также в научно-популярных журналах в России (*National Geographic. Россия*), Польше (*Zotchłaniwiękow*) и различных электронно-информационных ресурсах.

Ключевые слова: Горный Алтай, российско-польские археологические экспедиции.

DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-10

На протяжении более 150-летнего периода археологического изучения Горного Алтая на его территории работали различные совместные археологические экспедиции с участием зарубежных специалистов.

С 2004 г. по инициативе студентов (Л. Олещак, В. Холевы) профессора Института археологии Ягеллонского университета в Кракове Яна Хохоровского началось сотрудничество с польскими коллегами в рамках совместных полевых проектов в Горном Алтае. На протяжении последних десяти лет проведены несколько экспедиций и летняя полевая школа по археологическим практикам (2009 г.). Базой для совместных российско-польских археологических исследований традиционно являются учебный полигон-стационар, вот уже 14 лет работающий в окрестностях с. Манжерок Майминского района Республики Алтай, и Центральноалтайский археологический отряд Института археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ СО РАН) [Бородовский, Бородовская, 2013].

Студенты и преподаватели ИИГСО НГПУ и Института археологии Ягеллонского университета принимали участие в научных конференциях в России (2007 г.) и Польше (2012 г.). Профессор Ян Хохоровский и профессор А.П. Бородовский неоднократно выступали с лекциями перед студентами НГПУ (2009 г.) и Института археологии Ягеллонского университета (2006, 2012 г.). Аспиранты этих вузов (Лукаш Олещак и А.А. Бодрова) проходили научные стажировки в России (2010, 2011, 2012, 2013 гг.) и Польше (2012 г.).

В ходе совместных экспедиционных российско-польских археологических работ в Горном Алтае исследовано более десятка курганов пазырыкской и кара-кобинской культур (Чултуков Лог-1), выявлены новые местонахождения петроглифов (Аных),

проведены рекогносцировочные раскопки поселения майминской археологической культуры Чултуков Лог-9 (рис. 1, 2).

Итогом этих работ стал целый ряд результатов, достигнутых впервые. Прежде всего отметим радиоуглеродные даты, полученные в Польше (г. Краков) после совместных исследований археологических памятников эпохи железа горной долины Нижней Катунь (городища Манжерок-3, Барангол-5, поселение Чултуков Лог-9, кур-

Рис. 1. Российско-польские археологические исследования на курганной группе Чултуков Лог-1

Рис. 2. Студенты Ягеллонского университета на раскопках курганов памятника Чултуков Лог-1

ганная группа Чултуков Лог-1), которые открывают новые перспективы для их абсолютного датирования [Бородовский, Олещак, 2014]. Не менее важным итогом стала возможность корреляции поселенческих (Чултуков Лог-9) и погребальных комплексов (Чултуков Лог-1) гунно-сарматского времени (майминская культура) на основании сходства предметного комплекса (керамики и украшений). Впервые выполнено компьютерное моделирование каменных погребальных сооружений скифского времени Горного Алтая с детализацией всех последовательных этапов их сооружения.

Достигнутые результаты совместных полевых исследований на Алтае неоднократно публиковались в научных изданиях Ягеллонского университета в г. Кракове (*Rechercher Archeologiques Nouvelle*) [Borodovski, 2010; Borodovski, Oleszczak, 2012], Института археологии и этнографии СО РАН (Археология, этнография и антропология Евразии) [Бородовский, Бородовская, 2009], НГПУ (Вестник педагогических инноваций) [Бородовский, Бородовская, 2010], а также в научно-популярных журналах в России (*Nationalgeographic. Россия*) [Бородовский, 2004], Польше (*Zotchlaniwiewkow*) [Oleszczak, 2005] и различных электронно-информационных ресурсах [Шаинян, 2013; Crossley, 2013; В могиле..., 2013; Rosyjsko-polskie, 2013]. В 2013 г. широкий интерес вызвало интервью Лукаша Олещака в передаче ВГТРК «Вести-Новосибирск», вышедшей в праздничный для отечественных археологов день – 15 августа.

Кроме исследовательской программы, в ходе совместных экспедиционных проектов 2004–2014 гг. проводились учебные археологические экскурсии на территории различных районов Горного Алтая (долина р. Урсул, Теньгинское озеро, Нижняя Чуя, урочище Сальджар, Денисова пещеру). Российские и польские студенты знакомились с наиболее типичными археологическими памятниками Горного Алтая (каменными изваяниями, петроглифами, «царскими» курганами пазырыкской культуры, чашечными камнями и пещерами).

Современное международное сотрудничество НГПУ с одним из ведущих учебных и археологических учреждений Польши – Институтом археологии Ягеллонского университета во многом продолжает традиции тесных научных связей между российскими и польскими исследователями и педагогами. Еще в конце XIX столетия вклад польских исследователей (Я.Д. Черский, А.Л. Чекановский и Ю.Д. Талько-Гринцевич) был достаточно заметен в российской и сибирской археологии. Не менее символично и то, что современным биографом Ю.Д. Талько-Гринцевича является самый известный в России польский археолог Ян Хохоровский, который уделяет особое внимание поиску следов пребывания этого первого исследователя хунну в Сибири.

С 2015 по 2017 г. будет реализовываться совместный экспедиционно-исследовательский проект №2014/13/N/HS3/0460 «Ранний железный век Северного Алтая – археологические исследования и анализ источников», поддержанный польской стороной.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что исходя из давних исторических и культурных связей Россия и Польша «обречены» на сотрудничество в самых различных областях, включая научную и образовательную сферы.

Библиографический список

- Бородовский А.П. Бижутерия из кургана // *Nationalgeographic. Россия*. 2004. Дек. С. 16.
Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины Нижней Катуни в эпоху палеометалла. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. 220 с.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Триквестры скифского времени Северного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. №4 (40). С. 51–55.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Учебный полигон (стационар) для проведения археологических практик студентов ИИГСО НГПУ на Северном Алтае // Вестник педагогических инноваций. 2010. №4 (24). С. 5–17.

Бородовский А.П., Олещак Л. Естественнонаучное датирование археологических памятников эпохи раннего железа в горной долине Нижней Катунь // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. С. 131–133.

В могиле сибирской принцессы-девственницы найдено ожерелье Клеопатры // FederalPost. 2013 [Электронный ресурс]. URL: fedpost.ru/sobytiya/41353-v-mogile-sibirskoj-princessy-devstvennicynajdeno-ozherele.html (дата обращения: 06.04.2015).

Шаинян К. Алтай, хайвей и бусы Клеопатры // Радио Свобода. 2013 [Электронный ресурс]. URL: www.svoboda.org/content/article/24893374.html (дата обращения 06.04.2015).

Borodovskiy A.P. Southern Siberia bone carving of Scythian time // Recherches archeologiques Nouvelle serie 2. Krakow, 2010. P. 21–32.

Borodovskiy A.P., Oleszczak L. Intermountain valley of the lower Katun at the hunno-sarmation time // Rechercher Archeologiques Nouvelle Serie. Vol. 4. Krakow, 2012. P. 97–112.

Crossley L. The brilliant beads of 'Cleopatra's necklace': Ancient Egyptian jewellery plucked from burial mound of Siberian 'virgin princess' // Mail Online. 2013 [Electronic resource]. URL: www.dailymail.co.uk/news/article-2272817/Ancient-Egyptian-necklace-skeleton-virgin-priestess-Siberian-burial-mound.html (дата обращения: 06.04.2015).

Oleszczak L. Altajskie kurhany skute loden // Z otchłani wieków. 2004–2005. №1–4. P. 161–169.

Rosyjsko-polskie badania wykopaliskowe na Altaju w Rosji // Nauka w Polsce. 2013 [Electronic resource]. URL: <http://naukawpolsce.pap.pl/aktualnosci/news,394795,rosyjsko-polskie-badania-wykopaliskowe-na-altaju-w-rosji.html> (дата обращения: 06.04.2015).

A.P. Borodovskiy

RUSSIAN AND POLISH ARCHEOLOGICAL EXPEDITIONS IN THE ALTAI MOUNTAINS (at the beginning of the 21st century)

The base for performing of joint Russian and Polish archeological research for the latest 14 years is traditionally represented by the testing field site near the town of Manzherok, Maima district, the Altai Republic, and the Central Altai archeological group of the Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS (IAE SB RAS). During the last decade, several expeditions and a summer archeological school practice was conducted (2009). In the course of the joint Russian and Polish archeological expeditions in the Altai mountains, over a dozen of the burial mounds of the Pazyryk and Cara-Coby cultures (Chultukov Log-1) were explored, new locations of petroglyphs were discovered (Anyyakh), the exploratory excavations of the settlement of the Maima archeological culture – Chultukov Log-9 – were conducted. The computer modelling of stone burial structures of the Scythian time of the Altai mountains with the detailed specification of all the subsequent stages of their construction was performed for the first time.

The achieved results of the joint studies were included into the scientific publications of the Jagiellonian University (Cracow) (Rechercher Archeologiques Nouvelle Serie Rechercher Archeologiques Nouvelle Serie), the Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS (Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia), NSPU (Bulletin of Pedagogical Innovations) as well as in popular science magazines in Russia (National Geographic. Russia), Poland (Recherches archeologiques Nouvelle serie) and in various electronic information resources.

Keywords: the Altai mountains, Russian and Polish archeological research.

А.П. Бородавский

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

**СЕКЦИЯ АРХЕОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ
МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК И ИСКУССТВ (SGEM)
(Албена, Болгария)***

Междисциплинарная научная конференция SGEM проходит с 2001 г. и является одним из престижных научных международных мероприятий. В своей деятельности конференция SGEM охватывает 27 направлений различных сфер наук о земле. Организатором конференции является Болгарская академия наук. В прошлом году конференция SGEM существенно расширила научный диапазон, включив 15 направлений социальных наук и искусств: психологию, психиатрию, социологию, здравоохранение, образование, политические науки, право, финансы, экономику, туризм, антропологию, археологию, историю, философию, историю искусств, архитектуру и дизайн. Археологическая секция включала в себя рассмотрение целого комплекса проблем и направлений, в том числе методы полевых и камеральных исследований, виртуальную археологию, методы анализа древних технологий, археологическую теорию, интерпретацию, реконструкцию, классификацию и экспериментальную археологию.

Ключевые слова: Болгария, междисциплинарные исследования, археология, конференция.

DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-11

1–10 сентября 2014 г. в Албене (Болгария) проходила ежегодная Международная мультидисциплинарная научная конференция социальных наук и искусств (SGEM), в составе которой впервые была сформирована секция археологии (3–9 сентября 2014 г.) [International..., 2014]. Организатором этого научного мероприятия являлась Болгарская академия наук (рис. 1).

Состав секции был представлен 15 докладами исследователей из нескольких стран Южной, Центральной и Восточной Европы (Польша, Чехия, Румыния, Хорватия, Сербия, Косово, Албания, Болгария), а также Российской Федерации (Республика Татарстан, Алтайский край, Новосибирская область, Республика Алтай). Авторы представляли целый ряд европейских (Варшавский университет, Риекский университет, Белградский университет, Тиранский университет, Приштинский университет, Бабес-Болярский университет, университет Александра, Иоанна Гузы), российских университетов (Алтайский государственный университет, Горно-Алтайский государственный университет, Казанский федеральный университет, Удмуртский университет, Новосибирский государственный педагогический университет) и несколько академических институтов (Институт археологии и этнографии СО РАН, Институт археологии и Институт истории Татарской академии наук) Российской Федерации.

Тематика докладов археологической секции охватывала широкий хронологический (от эпохи Античности до Средневековья) и территориальный (Балканы, Карпаты, Поволжье, Горный Алтай) диапазон. Основными тематическими блоками стали во-

* Работа выполнена в рамках проекта Алтайского государственного университета «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии» (№2013-220-004-129), поддержанного грантом Министерством образования и науки РФ (постановление №220).

просы исследования древних и средневековых фортификационных сооружений Польши, Албании, а также результаты естественно-научного изучения керамики от эпохи энеолита (триполье-кукутени), средней бронзы до Средневековья в Румынии и Волжской Болгарии и эпохи древнего металла в Хорватии.

Другими направлениями археологической секции в Албене являлись итоги исследования погребальных комплексов эпохи Античности в Сербии и Албании, результаты мониторинга темпов разрушения археологических памятников на побережье водохранилищ (Поволжье), изучение древних кладов Южной Сибири и социальная интерпретация планиграфии археологических объектов периода средней бронзы на территории Карпат в Румынии. Из всех этих направлений особо следует отметить те, которые соотносятся с особенностями археологического наследия Болгарии и имеют теоретико-прикладное значение при изучении и сохранении археологического наследия в целом. Прежде всего подчеркнем то, что территория Болгарии наиболее насыщена кладами различного времени и изучение этого вида археологических памятников крайне актуально для всей Евразии в целом. Не менее значимы разработки, анализирующие закономерности пространственно-временного размещения археологических объектов, и мониторинг их современного состояния как наиболее действенного средства сохранения археологического наследия.

Следует также отметить, что в содержательной части практически всех докладов на археологической секции был очень значителен объем применения естественно-научных (рентгенофлуоресцентного, спектрального, радиоуглеродного) методов и статистического анализа при обработке массового археологического материала. Такие особенности не только в полной мере отвечают мультидисциплинарному характеру всей конференции, но и отражают самый современный уровень археологических исследований, проводимых в различных вузах и академических учреждениях Центральной, Южной и Восточной Европы. Одним из таких примеров являются разработки польских археологов, выполненные на основе современных возможностей программного обеспечения и компьютерной техники для визуализации археологических объектов (замков, городищ). Создание объемных изображений этих объектов в формате 3D позволяет наиболее корректно моделировать не только особенности рельефа местности, на которых расположены сооружения оборонительного назначения, но и пространственные характеристики их архитектурных конструкций.

Не менее разнообразной и насыщенной была экскурсионная программа конференции. Участники получили возможность посетить различные археологические памятники северо-западного Причерноморья. Среди них – Археологический музей г. Варны, центральными экспонатами которого являются предметный комплекс энеолитического Варненского некрополя, оставленного представителями древнейшей элиты Евразии эпохи энеолита, Фракийские курганы на месте Варненской битвы (1444 г.), а также античный и средневековый г. Несебр (рис. 2). Последний культурно-исторический комплекс имеет особое значение, поскольку это один из древних городов, существенно пострадавший в древности от сейсмоактивности. Исследования в этом археолого-геологическом направлении являются актуальными в рамках междисциплинарного изучения и позволяют в формате тесной научной кооперации решать важные проблемы различных дисциплин.

Рис. 1. Открытие конференции SGEM (г. Албена, Болгария)

Рис. 2. Экскурсия участников конференции в ранневизантийскую базилику Св. Софии (г. Несебр)

В качестве рекомендации для повышения уровня проведения упомянутой выше конференции в будущем необходимо назначать куратором археологической секции представителей болгарских археологов или участников этого научного мероприятия. Кроме этого, языковое пространство конференции нуждается во включении русского языка в перечень рабочих, как это делается в последнее время в аналогичных конференциях, проводимых в Турции.

Библиографический список

International multidisciplinary scientific conferences on social science & arts 3–9 september 2014, Bulgaria. SGEM conference on anthropology, archaeology, history, philosophy. Conference proceedings. Albena, 2014. P. 307–429.

A.P. Borodovski

SECTION OF ARCHAEOLOGY INTERNATIONAL CONFERENCE MULTIDISCIPLINARY SOCIAL SCIENCES AND ARTS (Albena, Bulgaria)

SGEM Multidisciplinary Scientific Conferences were established in 2001 year with the main idea of focusing on the World's Scientific Elite in the most recent and innovative areas of Science. SGEM Conferences are well known and recognized as one of the most prestigious and with big impact factor events in the International Scientific World. SGEM Conferences. Until now it has been covering all areas of the Geosciences, with a total of 27 scientific fields. The Organizer of the conference is the Bulgarian academy of sciences.

Last year SGEM Multidisciplinary Scientific Conferences expanded its presence in the International Scientific World through the new Scientific Events – SGEM Conferences on Social Sciences, covering 15 scientific fields of Social Sciences and Arts – Psychology, Psychiatry, Sociology, Healthcare, Education, Political Sciences, Law, Finance, Economics, Tourism, Anthropology, Archaeology, History, Philosophy, History of Arts, Contemporary Arts, Performing & Visual Arts, Architecture, and Design. Archaeology includes resources on the study of material remains (such as fossils, relics, artifacts, and monuments) of past human life and activities. This section covers resources concerned with all aspects of archaeology including methods of detection and analysis: Methods and Theory in Archaeology (Remote Sensing, Field Survey, Excavation, Analysis, Virtual Archaeology etc.), Asia's Ancient Cultures and Civilizations, Ancient Technology (Methods, Techniques, Analyses and Approaches etc.), Archaeological Survey and Excavation (Buried Along with a Body, Domestic Setting, Votive Offerings, Hoards etc.), Archaeological Classification and Analysis, Archaeological Interpretation and Reconstruction (Theories, Global Scope, development, Experimental Archeology etc.).

Keywords: Bulgaria, multidisciplinary research, archaeology, conference.

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ КОНСКОЙ МАСКИ РАННЕГО ЭТАПА ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Пазырыкская культура Алтая широко известна благодаря уникальной сохранности вещевых комплексов из курганов Пазырыка. Именно из этих курганов происходят конские головные уборы с зооморфными навершиями, преображающими коня для загробного мира. В рамках пазырыкской культуры скифского времени известны также элитарные могильники в Центральном Алтае – Башадарские и Туэктинские курганы с подкурганной мерзлотой. Практически все они ограблены, и находки в них перемешаны, но по косвенным признакам понятно, что там также были захоронения коней в конских головных уборах. Вместе с тем не существует точных сведений о характере крепления их на голове лошади, а также о крое, специальных исследований и реконструкций в историографии крайне мало. Описаны прежде не опубликованные фрагменты конских головных уборов из Первого Туэктинского кургана (коллекция №2179, Государственный Эрмитаж). Целью данной работы являлось создание конской маски с деревянными навершиями, имитирующими рога горного козла, прототипом которой послужили археологические находки из Первого Туэктинского кургана. Проведен рентгенофлюоресцентный анализ металлических составляющих, изучено кожевенное сырье с помощью макрофотографий, выполнен ксилотомический анализ деревянных наверший. На основе созданной графической реконструкции сшит конский головной убор в натуральную величину.

Ключевые слова: Центральный Алтай, эпоха раннего железа, пазырыкская культура, конские маски, конские головные уборы, рентгенофлюоресцентный анализ, реконструкция.

DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-12

Хорошо известно, как выглядели конские головные уборы из Пазырыкских курганов (Горный Алтай). Благодаря усилиям ученых [Грязнов, 1950; Руденко, 1953; Баркова, 1999; Полосьмак, 2005] и реставраторов [Чехова, 2010] эти произведения скифо-сибирского звериного стиля представлены в экспозиции Государственного Эрмитажа.

Фрагменты конских масок сохранились также в ранних курганах пазырыкской культуры – во Втором Башадарском и Первом Туэктинском курганах (Центральный Алтай). Тем не менее внешний облик и особенности конских масок того времени нам не известны, поэтому основным объектом данного исследования стали остатки конских масок (головных уборов) из Первого Туэктинского кургана (коллекция №2179).

Перед тем, как дать описание кожаных фрагментов конских головных уборов и их метрические данные, хотелось бы отметить, что везде под кожей шла войлочная основа, которая сохранилась лишь в нескольких случаях.

Инвентарный №2179/954 (рис. 1.-1)

Сильно деформированная основная часть маски без ремней для крепления, но с ярко читаемыми отверстиями для ушей. Ширина в затылочной части – примерно 14,4 см. В этом месте проходит довольно толстый ремешок, который, возможно, завязывался под ганашей. Длина этого предмета – примерно 14 см. Диаметр выемки под ухо – примерно 4,6 см. Обычно уши пришивали с помощью витых сухожильных нитей правой крутки (Z) [Иерусалимская, 2005, с. 86]. Примером могут служить сохранившиеся фрагменты №2179/935б и №2179/955-956а. Если правильно расположить этот фрагмент, то на лобной части (исходя из анатомии головы лошади) крепились рога,

Рис. 1. Фрагменты кожаных конских масок из Первого Туэктинского кургана (фотографии В.С. Бусовой): 1 – конский головной убор (номер хранения 2179/954); 2 – конский головной убор (номер хранения 2179/955-956а); 3, 4 – фрагменты лопастей от конских головных уборов (номера хранения 2179/955-956б, в); 5 – конский головной убор (номер хранения 2179/935а); 6 – конский головной убор (номер хранения 2179/935б); 7, 8, 9, 10 – фрагменты нащечных лопастей от конских головных уборов (номера хранения 2179/957а, 957б, 957в, 957г)

а специальные места под крепления ушей находятся чуть выше на макушке. Довольно сложно судить о площади покрытия конской головы этим головным убором из-за сильной деформации объекта на фоне неудачной реставрации (быстрая сушка).

Характерной особенностью туэктинских масок является довольно толстый и эластичный «потайной» шов, который идет на затылке, скрепляя два края одного куска кожи. Примером могут служить фрагменты масок №2179/935 (а, б), №2179/954 и №2179/955-956а. Для него тоже использованы сухожильные нити, которые в равной степени удачно амортизируют любые природные, механические влияния и дышат вместе с кожей.

Диаметр отверстия под рог равен примерно 4,2 см. Использован метод крепления рогов с помощью кожаной втулки.

Инвентарные №2179/955-956 (а, б, в) (рис. 1.-2, 3, 4)

Фрагмент кожаной маски (а) (рис. 1.-2) с затылочным «потайным» швом, благодаря которому образована небольшая «оборка» для макушки лошадиной головы. Сохранилось отверстие под ухо, но сам кожаный чехол лировидной формы пришит при реставрации неверно (об этом можно судить по оригинальному фрагменту высотой 2,7 см). На нем есть остатки сухожильных нитей, в то время как реставраторы использовали шерстяные нити. Хорошо читаются остатки войлока на тыльной стороне, который использовался в качестве основы для создания более комфортных условий для лошади. В сторону от уха уходит большая вырезанная лопасть, возможно, это и есть нащечное продолжение маски. Этот конский головной убор тоже имеет участок с остатками перфораций для крепления рогов, остатки кожаных ремешков. Данная маска является составной, сделана из разных по качеству выделки кож. Более тонкая кожа со следами перфорации под крепления рогов служила, скорее всего, для уплотнения этого места на лобной части. Размеры ее таковы (при том, что она не сильно деформирована, а лишь уплощена): максимальная ширина – примерно 16,3 см, максимальная длина – 31 см, длина «уха» – примерно 11 см, диаметр отверстия для уха – 4,5 см. Затылочный шов доходит до одной линии с ушами, его примерная длина – 8,8 см.

Фрагмент светлой тонкой кожи (б) (рис. 1.-3), похожей на часть лопасти от маски №2179/955-956а, но с ней не стыкующийся, сильно покороблен. Правда, имеет с двух сторон обрезанные края. Длина – 14,3 см, ширина – 9,3 см.

Кусок темной тонкой кожи (в) (рис. 1.-4) не относится ни к седлам, ни к узде, применение его не совсем ясно, но он может принадлежать конскому головному убору. Имеет следующие размеры: длина – 12,5 см, ширина – 7,9 см.

Инвентарные №2179/935 (а, б) (рис. 1.-5, 6)

Две маски из Первого Туэктинского кургана, которые точно описал и снабдил рисунком С.И. Руденко [1960, с. 137], идут под одним номером. Реконструкция не предлагалась. В инвентарной книге обозначены как обрывки предмета неизвестного назначения. Размеры: 26 x 31 и 25 x 31 см. Обе они сделаны из двух слоев толстой кожи и грубо прошиты сухожильными нитками (настрочной шов). «Украшены» бронзовыми коваными заклепками-гвоздями, которые выпирают на внутренней стороне, что доставило бы дискомфорт любому животному. Вещь (а) (рис. 1.-5) имеет шов в затылочной части, выемки сделаны по краям под уши, но места крепления не сохранились.

На лобной части вырезан большой кусок верхнего слоя маски, нижний же оставлен, но задет. По качеству вырезки создается впечатление, что грабители не захотели вырывать рога (или наверхие) или снимать их аккуратно, а решили просто вырезать вместе с креплением. Но почему они тогда не забрали бронзовые гвозди? Вокруг этого места сохранилось пять из шести бронзовых гвоздиков-заклепок. Под вырезанным слоем кожи сохранился один из двух сильно окисленных гвоздиков. Маска покороблена, оборвана со всех сторон и предположительно имеет следы починок. С внутренней стороны зафиксированы следы войлока.

Вторая маска (б) (рис. 1.-6) сохранилась лучше. Она тоже сделана довольно грубо, из двух слоев кожи. Затылочной части здесь нет, но хорошо заметен шов в нижнем слое, скрепляющий два края. Верхний слой нашит аппликациями, прошит крупными сухожильными нитками. Под уши сделаны выемки. Сохранилось одно ухо из более тонкой кожи в один слой. На налобной части нашита округлая аппликация кожи, на которой сохранилось по кругу пять из десяти бронзовых гвоздиков. В круге, который образуют гвоздики, видимо, находились наверхие или рога, кто-то грубо вырезал то или иное, задев и нижний слой маски. По бокам от налобной части пришиты прямоугольные фрагменты кожи, возможно, сюда пришивали боковые лопасти маски. Под вырезанным украшением с гвоздиками торчит ремешок (или узкая полоска) тонкой светлой кожи, его назначение тоже не совсем понятно. На этом головном уборе, независимо от сохранности, довольно много следов использования.

Инвентарные №2179/957 (а, б, в, г) (рис. 1.-7, 8, 9, 10)

Под №2179/957 отобраны четыре наиболее подходящих фрагмента. Это просто куски кожи без каких-либо особо примечательных следов проработки, все они могли быть нащечными лопастями масок. Между собой они не стыкуются, имеют разную степень сохранности и различное качество выделки. Эти фрагменты интересны тем, что есть возможность увидеть, как обшивался край кожаного изделия.

Наиболее крупный фрагмент (а) (рис. 1.-7) имеет длину 25 см, ширину – 11,6 см. Применительно к реконструкции его стоит рассматривать в вертикальном положении. У него есть выемка с углублением, возможно, под скулу (примерно глубиной 1,2 см), и похоже, что фрагмент сшит из двух кусков толстой кожи соединительным петельным швом.

Фрагмент (б) (рис. 1.-8) имеет длину 15,4 см по обшитому сухожильной нитью краю, в ширину – примерно 3,8 см. Предположительно, имеет войлочную основу и внешний слой кожи.

Фрагмент (г) (рис. 1.-9) похож на верхний край нащечной лопасти маски. В длину – 15,4 см. Довольно грубая кожа с участками «щетины».

Фрагмент (в) (рис. 1.-10) – в длину 26,3 см, в самой широкой части – 10,3 см. Довольно грубый кусок двойной кожи вполне мог быть частью лопасти конской маски.

Если говорить о рогах, венчавших эти маски, то нельзя точно сказать, что «туэктинцы» не использовали зооморфных наверхий, но таковых не найдено. Может быть они были из настолько драгоценного материала, что грабители унесли их полностью. Конские маски из Туэктинских и Башадарских курганов венчали «козлиные» деревянные рога. В Первом Туэктинском кургане находилось примерно 16 рогов, некоторые из них имеют следы огня или сохранились только в виде обломков. Также хранится множество украшений от этих рогов (наверхий и фестонов).

Инвентарные №2179/891-893 (рис. 2.-1)

Округлые фрагменты от деревянных рогов называют полукружиями или фестонами. Под одним номером может идти целая коллекция таких украшений. В основном, они двусоставные (полые внутри) и имеют сверху отверстие для крепления кожаного навершия либо фигурки животного. В среднем 6–7 см в длину, 5 см высотой, 2–3 см шириной.

Инвентарные №2179/887-890 (рис. 2.-2)

Сохранились верхние концы деревянных составных рогов, которые ошибочно принимают за маленькие рожки [Руденко, 1960, с. 161; табл. LXVIII.-1, 2, 3, 4]. Поражает мастерство человека, подгонявшего эти детали. Видны четыре сквозных отверстия для соединения на штифтах (№2179/887). Длина их колеблется от 9,7 до 17 см.

Инвентарный №2179/878 (рис. 2.-3)

Деревянный рог с фестонами длиной 55 см составлен из двух частей. На каждом «полукружии» есть отверстия для крепления дополнительных деталей. У этого предмета очень странный способ крепления к маске, и пока с ним не удалось определиться.

Инвентарные №2179/885-886 (рис. 2.-4)

Деревянный трехсоставной рог с широким треугольным желобком снаружи. По краям имеются небольшие отверстия с деревянными шпильками, возможно, для крепления войлока или кожи (облицовочный материал). В длину они примерно 62 см. В нижней части есть следы железного штифта, который мог быть частью распорки между рогами.

Инвентарный №2179/884 (рис. 2.-5)

Обожженные обломки пары деревянных рогов с полыми фестонами и штифтовым креплением. К ним подходит часть рога №2179/883.

Инвентарный №2179/879 (рис. 2.-6)

Деревянный рог от конского головного убора с 11 фестонами, девять из которых были изготовлены вместе с основой рога, а два посажены на деревянных штифтах (возможно, было еще и двенадцатое полукружие). В.П. Мыльников (д.и.н., зав. отделом музееведения ИАЭТ СО РАН) при предварительном осмотре сообщил, что, скорее всего, такой рог делали из вертикального спила кедра. Этот рог парный, и если взглянуть на конструкцию второго изделия, можно прийти к выводу, что два отдельных фестона получились из-за ошибки мастера. Фестоны не выбраны внутри, следовательно, у мастера не было задачи облегчить рог. Средняя толщина каждого фестона варьируется от 1,5 до 1,8 см, средняя ширина у основания – от 5,2 до 7 см, а высота – от 2,5 до 4,9 см. Длина всего рога – 58,5 см. Толщина от самого нижнего края – 4,8 см, сужается к вершине до 1,9 см. Диаметр отверстий для привязывания рога к маске – 0,7–0,8 см. Всего четыре сквозных отверстия, в двух из которых сохранились фрагменты кожаных ремней. Место крепления, т.е. нижняя часть рога, заложено.

Инвентарный №2179/880 (рис. 2.-6)

Деревянный рог от конского головного убора, парный предыдущему, с двенадцатью фестонами («полукружиями» – по инвентарной книге). Этот рог отличается тем, что вырезан абсолютно из цельного вертикального спила дерева. Один фестон утерян. Длина всего изделия – около 60 см. Материалом служил кедр, а фестоны не «выбраны» изнутри. Средняя толщина каждого фестона – примерно от 1,9 до 1,6 см, средняя

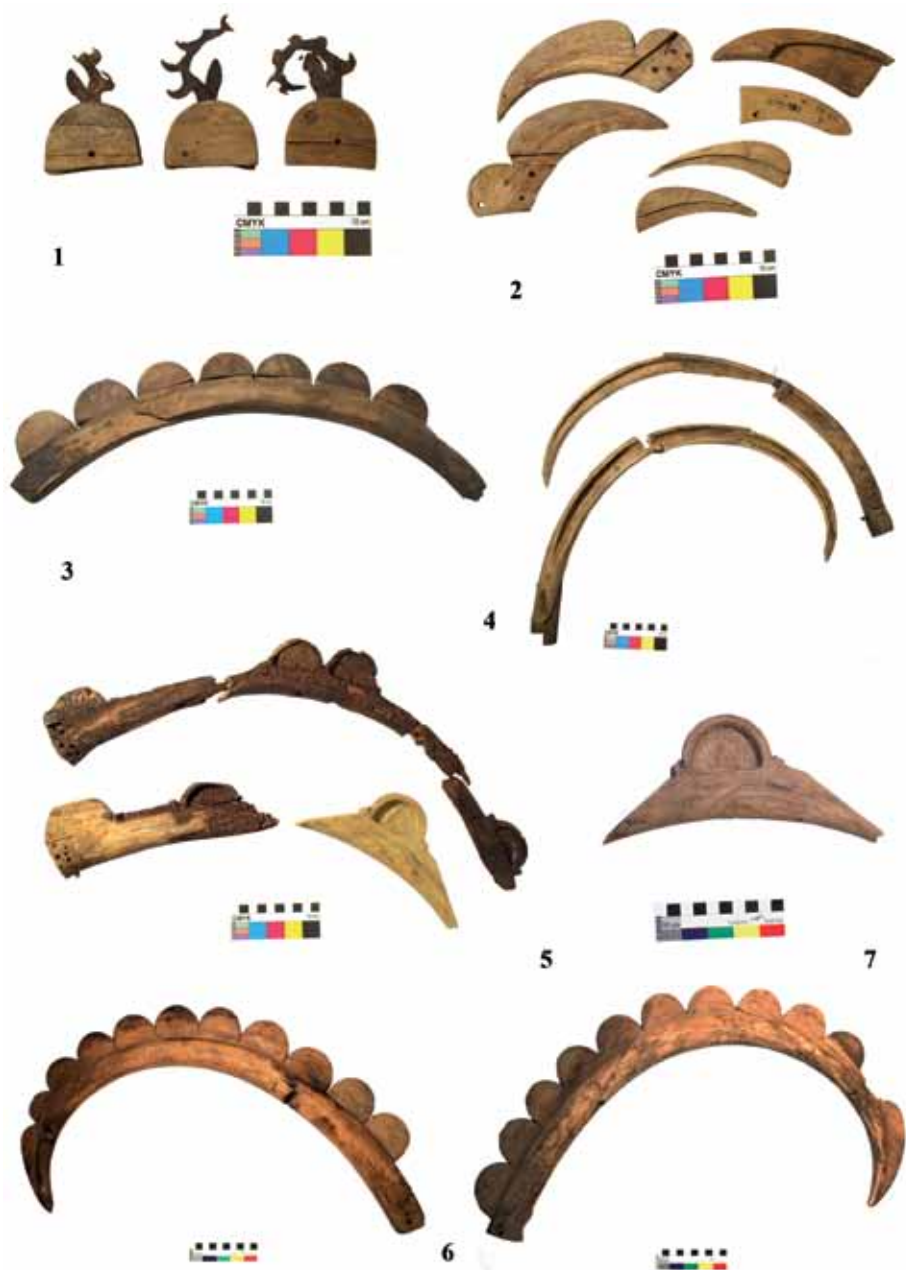

Рис. 2. Фрагменты деревянных наверший от конских масок из Первого Туэктинского кургана (фотографии В.П. Мыльникова и В.С. Бусовой): 1 – фестоны от деревянных рогов (номера хранения 2179/891-893); 2 – верхние концы от деревянных рогов (номера хранения 2179/887-890); 3 – деревянный рог (номер хранения 2179/878); 4 – деревянные составные рога (номера хранения 2179/885-886); 5 – деревянные рога во фрагментах (номер хранения 2179/884); 6 – деревянные рога (номер хранения 2179/879-880); 7 – фрагмент деревянного рога (номер хранения 2179/883)

ширина у основания варьируется в пределах 6,3–7,8 см, высота – примерно 3,4–4,9 см, за исключением крайнего продолговатого фестона (как и на 2179/879) с длиной у основания 13,8 см, высотой 2,4 см и шириной 1,5 см. Толщина всего рога – от 1,4 до 3,6 см. Оба рога – с выпуклой лицевой стороной и плоской тыльной. Для крепления просверлено три сквозных отверстия с остатками жестких кожаных шнуров – это даже не шнуры, а грубые кожаные подпрямоугольные вырезки из шкуры. Оба рога имеют характерный срез и залощенность на торцевой площадке.

Инвентарный №2179/883 (рис. 2.-7)

Обломок деревянного рога от конской маски с фестонем, полым внутри. Длина – 21,1 см. Фестон «выбран» изнутри очень грубо, но можно проследить, как мастер работал стамеской. Сверху фестона есть отверстие под штифт, на котором могла крепиться деревянная фигурка. Толщина рога – 2,7 см. С лицевой стороны рог имеет округлую форму, а с внутренней уплощен. Ширина фестона у основания – 6,7 см, высота – 4,2 см. Фестон сделан цельно с основой рога.

Вопросы крепления и устойчивости

Любой исследователь, когда-либо сталкивавшийся с темой реконструкции конского убранства, невольно задавался вопросом, как оно крепилось. Деревянные рога, служившие навершиями конских головных уборов, достигали в длину 60 см и в сыром виде имели довольно значительный вес – по 500 грамм каждый рог, пара весит 1 кг (вес взвешенных автором рогов получен по точной копии с изделий под инв. №2179/879-880 (рис. 2.-6)). Возникает закономерный вопрос, требующий разрешения: как они крепились к кожаной основе?

Археологическая информация по данному вопросу скудна. В Первом Туэктинском кургане есть две костяные обоймы (инв. №2179/898-899 [Руденко, 1960, табл. LXVIII.-5, 6]) с отверстиями под штифты, а на наиболее представительных фрагментах кожаных изделий есть остатки ремешков и следы перфорации. Наиболее информативным источником можно считать нижние части восьми пар рогов из Первого Туэктинского кургана. Почти все они имеют разные варианты фиксации на масках.

Обгоревшие обломки деревянных рогов с полыми фестонами и фестонем-утяжелителем в основании (№2179/884 (рис. 2.-5)) стыкуются с изделием №2179/954 (рис. 1.-1) сильно деформированной кожаной маской открытого типа с кожаными втулками. Отверстия на втулке совпадают с отверстиями на основании рога. Кожаная полоска обхватывала место крепления не до конца и, возможно, дополнительно подклеивалась. В фестоне-утяжелителе укреплен деревянный штифт, который мог быть частью распорки между парой рогов у основания. Вокруг палочки-распорки обвивался кожаный шнурок, отверстия для которого проходят по всей налобной части маски. Предпочтительное соответствие этих предметов друг другу обусловлено и степенью сохранности кожи, которая изначально была сыромятной, а в процессе горения рогов сильно деформировалась из-за влияния тепла (что может быть связано и с процессом раскопок курганов с мерзлотной линзой – оттаивание с помощью теплой воды).

Второй, более сложный, вариант – кожаная маска под номером 2179/955-956а (рис. 1.-2) и фрагменты деревянных составных полых рогов с резьбой №2179/886 (рис. 2.-4). Основание рогов вырезано отдельно (является более тяжелым) и имеет темный след от некогда приклеенной кожаной втулки. Рифленый нижний торцевой край

имеет рельефную вырезку. Следовательно, рог вставлялся в кожаную втулку, и через нижний край продевался кожаный шнур, скреплявший рог с кожаной подкладкой маски довольно плотно. Рифленость торца давала возможность свободно вести шнур вверх/вниз, как иглу при шитье. У основания рога прослеживается железный штифт, который мог служить распоркой.

Пара рогов с 13 полыми фестоном (№2179/881-882) представлена в экспозиции Государственного Эрмитажа [Руденко, 1960, табл. LXX]. К ним присоединены костяные обоймы №2179/898-899 с отверстиями по нижнему краю [Руденко, 1960, табл. LXVIII.-5, 6]. Эти обоймы по обхвату рога (незамкнутый овал) схожи с кожаными втулками. Соотнести этот метод крепления с определенной маской сложно, ибо на оставшихся двух определяемых масках вырезана кожа в месте крепления рогов (№2179/935а, б (рис. 1.-5, 6)).

Совершенно по-иному смотрится сильно фрагментированный деревянный рог с закрытыми фестоном и отверстиями на них для установки фигурок кошачьих хищников №2179/877 [Руденко, 1960, табл. LXXII]. Всего 15 фестонов, если считать уплощенный на верхнем конце (без фигурки). Если обратить внимание на нижний конец рога, то здесь нет отверстий, но торец имеет залощенный срез, а также есть следы приклеиваемой кожаной втулки и штифта-распорки на высоте 5 см.

Малоинформативными оказались деревянные рога, покрытые золотом и серебром, из Второго Башадарского кургана (№1793/357) [Руденко, 1960, с. 78]. Та деревянная часть, которая не имела непосредственного контакта с металлами, почти истлела и подверглась разрушению. Но на конце видны сквозные петлевидные отверстия, расположенные параллельно основанию.

Деревянные рога, использованные для реконструкции (№2179/879-880 (рис. 2.-6)), имели самую сложную и спорную конструкцию. Если учитывать их общий вес (1 кг) и отсутствие распорок, то можно выдвинуть два предположения об их креплении на маске. Достоверно читаются три сквозных отверстия, расположенных друг над другом, и одно сквозное, идущее снизу с противоположной стороны от фестонов и выходящее под последним фестонем. Можно предположить, что толстый кожаный шнур шел через четыре отверстия и у фестоном завязывался узлом, о чем свидетельствует залощенность. Таким образом достигалось определенное натяжение, держащее рог на голове в правильном положении.

Кроме устойчивого крепления рогов к маске, остро стоит вопрос падения этих высоких наверший друг на друга. В 11-м Берельском кургане достоверно зафиксированы рельефные скульптуры в виде рогов горного козла с деревянной распоркой, привязывавшейся с двух сторон кожаными шнурками: «Один из этих рогов перевязан кожаными шнурками в двух местах. Ко второму такими же шнурками привязана рейка из обработанного дерева через отверстие в утолщенном конце, прямоугольная в сечении» [Самашев, 2011, с. 131].

Применение естественно-научных методов при комплексном исследовании конских масок из Туэктинских курганов

Произведен анализ происхождения материалов и некоторых технологических аспектов производства конских головных уборов из курганов Туэкты (Центральный Алтай). Исследования выполнены (РФА-анализ) на базе Отдела научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа, за что автор выражает благодарность

С.В. Хаврину. За консультацию по кожевенному сырью – благодарность А.В. Курбатову (Институт истории материальной культуры РАН), а за проделанные работы по кислотохимическому анализу дерева – М.И. Колосовой (Государственный Эрмитаж).

Два конских головных убора из Первого Туэктинского кургана были украшены бронзовыми гвоздиками-заклепками, назначение которых угадывается с трудом (рис. 1.-5, 6). С одной стороны, они могли соединять два слоя толстой кожи у основания рогов, но проходили насквозь и могли причинить дискомфорт лошади, с другой стороны, – просто нести декоративную функцию. Так или иначе, «позолоченные» рога были вырезаны из маски грабителями несколькими ловкими движениями ножом, а заклепки остались на месте. Были отобраны четыре заклепки, с которых взяли пять проб, результаты представлены в таблице. Исследование состава сплава металлических изделий проведено в Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа на спектрометре ArtTAX.

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа изделий №2179/935а, б

Курган		Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Прочие
к. 1 кол. 2179	935а	Заклепка	Осн.	3–4	–	–	<0,9	Bi<0,2
	935а	Заклепка	Осн.	4–6	–	–	<0,7	Bi<0,3, Au
	935а	Заклепка	Осн.	4–5	–	–	<0,6	Bi<0,2
	935б	Заклепка	Осн.	3–5	–	–	<0,8	Bi<0,3
	935б	Ножка заклепки	Осн.	03.05.14	–	–	<0,7	Bi<0,2

Материал исследованных изделий – мышьяковистая медь, что характерно для пазырыкского металла [Дашковский, Тишкин, Хаврин, 2007; Хаврин, 2007]. Данную небольшую выборку, кроме отсутствия в сплаве олова (в качестве легирующего элемента), объединяет однородность рудного состава – наличие мышьяка, сурьмы, висмута и отсутствие свинца. Среди всего массива скифских бронз Саяно-Алтая такой состав наиболее часто встречается в памятниках пазырыкской культуры: Боротал-1, курган №7; Второй Башадарский курган; Третий Пазырыкский курган; Рубцовский могильник, курган №10.

В данном случае мы имеем дело с простыми гвоздиками-заклепками, попадающими в первую, наиболее раннюю группу мышьяковистых бронз. Возможно, простота сплава гвоздиков для конской маски лишь подчеркивает вероятность использования этих непарадных предметов в повседневной жизни.

Определение кожевенного сырья по рисунку мерей

Каждый вид животного имеет характерный для него рисунок мерей кожи. Сохранность кожаных изделий из Туэктинских курганов неудовлетворительная (имеется множество утрат и потертости, плохо читается меря). С помощью микроскопа удалось подтвердить наличие подшиваемого под маску войлока, волокнистые следы которого встречаются на поверхности кожаных фрагментов масок.

Описание материала, из которого изготовлены кожаные маски, составляет важную информативную базу о кожевенном деле древних кочевников. Из шкуры животного выделывали либо мех, либо кожу. Для выделки кож удаляли ороговевший слой (эпидермис) с волосным покровом и подкожный слой, оставляя только дерму. С этим средним слоем уже работал мастер, стараясь сделать его прочным и эластичным разными способами, первым из которых было смягчение жиром и копчение дымом костра.

Следы массового кожевенного производства появляются в бронзовом веке. Дубление растительными танидами (кора сосны, чернильные орешки) известно уже около 4–5 тыс. лет и является заключительной стадией работы с кожей, в результате чего она становится водоотталкивающей и эластичной [Осипов, 2006, с. 33].

Эпидермальный слой не является ровным, а образует бороздки, валики, выступы. Эпидермис повторяет неровности подлежащей соединительной ткани с развивающимися сосками, валиками и волосяными сумками. Расположение валиков-вдавлений не является общим для всех видов животных. «У каждого вида расположение валиков и бороздок очень характерно, оставаясь заметным и в готовом фабрикате» [Румянцев, 1934, с. 17]. Такой рисунок кожи читается не на всех участках: на голове, ногах, брюхе менее заметен, чем на спине, боках и груди млекопитающих [Румянцев, 1934, с. 18].

Нам уже известно, что «по данным раскопок, в интересующее нас время там разводили лошадей и крупный рогатый скот (в том числе яков); из мелкого рогатого скота были козы и овцы» [Руденко, 1953, с. 70]. Конские шкуры шли на изготовление одежды, сосудов и ремней. Второе место в хозяйстве занимала овца – из ее шерсти делали войлок. В Пазырыкских курганах найдены меха степной кошки, белки, соболя, выдры, в Катандинском кургане – мех горностая, а в Шибинском – беличьи или собольи меха. Высока вероятность, что такое разнообразие мехов диких животных служило только декоративным целям. В пищу употреблялось мясо лошадей, овец и крупного рогатого скота [Руденко, 1953, с. 77].

Работа с археологическими кожами осложняется и тем, что все исследуемые образцы находятся на музейном хранении, и потому нельзя использовать метод озоления (сжигание навески в 1–3 г) для определения химических компонентов дубления.

При обработке кожевенного сырья растительными дубильными веществами сохраняются волосы в фолликулах. Например, в телячьей коже фолликулы имеют одинаковый размер и расположены правильными рядами. Чем старше животное, тем больше размеры фолликул и расстояний между ними. Козья шкура имеет регулярные ряды крупных и мелких фолликул, тогда как овечья шкура обладает мелкими фолликулами, расположенными группами [Осипов, 2006, с. 34].

Отдельные фрагменты масок (инвентарный №2179/957 б, в, г) достаточно точно определяются по рисунку мереи, чему способствует хорошая сохранность кожи. В остальных случаях чтение рисунка затруднено.

Инвентарный №2179/957б – образец 4 (рис. 3.-1). Со стороны мереи с десятикратным увеличением хорошо видна щетина животного. Распределение стволов равномерное и не рядное. Скорее всего, это сыромятная кожа, т.е. она не подвергалась дублению. А.В. Курбатов определяет все представленные кожи как конские. В данном случае для нащечных лопастей маски могла использоваться либо телячья, либо жеребья шкура, чему соответствует рисунок мереи. К примеру, М.А. Очир-Горяева [2012, с. 338] пишет об использовании во Втором Башадарском кургане шкуры черного жеребенка и красного фетра при создании 56 квадратов на седле коня №2.

Инвентарный №957б – образец 5 (рис. 3.-2). С шестидесятикратным увеличением на представленном образце хорошо виден парный рост волос. Похожие пучки волос отмечаются на кожах свиней и телят. В Средние века именно кожу свиньи использовали для упряжи в силу повышенного содержания жиров и сквозного роста волосяных

каналов [Осипов, 2006, с. 58], что не годилось для обуви, но идеально подходило для изготовления упряжи. Данный образец кожевенного сырья довольно спорный. Скорее всего, была использована шкура телянка.

Инвентарный №2179/957в – образец 4 (рис. 3.-3). Фрагмент лопасти маски с подкладкой из войлока с шестидесятикратным увеличением. Хорошо видны фолликулы. Данный образец похож на шкуру крупного рогатого скота (корова, бык). Для самих масок, возможно, тоже использовалась кожа крупного рогатого скота, скорее всего, полукожник (шкурка подтелка или бычка в возрасте 0,5–1,5 года).

Кожный покров лошади в общем построен по тому же принципу, что и кожный покров крупного рогатого скота [Браун, 1933, с. 136].

Инвентарный №2179/954 – образец 1 (рис. 3.-4). Конский головной убор с шестидесятикратным увеличением, судя по всему, прошел превентивную реставрацию, был укреплен клейким веществом типа мучного клейстера, широко использовавшегося в 50-е гг. XX в. при консервации органических изделий. Но по слабо читающимся волосяным отверстиям можно предположить, что использовалась кожа крупного рогатого скота [Haines, 2006, с. 18].

Таким образом, можно прийти к следующим выводам: судя по всему, для масок использовалась довольно жесткая сыромятная кожа крупного рогатого скота, все нити сделаны из расщепленных сухожилий. Для нащечных лопастей применялась более тонкая кожа жеребят либо телят. На масках сохранились следы войлока, фиксируемые с помощью макрофотографии.

Определение породы дерева у рогов из Первого Туэктинского кургана методом микроскопии (ксилотомический анализ)

Основным компонентом древесины являются волокна целлюлозы, скрепленные лигнином. Плотность, твердость, пористость, гибкость и крепость древесины являются различными для всех видов дерева. В зависимости от нужд мастера-резчика использовался тот или иной сорт древесины.

Исследователи полагают, что все сплошные и составные рога изготовлены из кедра [Мыльников, 2011, с. 159]. Признавая важность таких диагностических признаков дерева, как вес, цвет, запах, анатомы древесины согласны, что гарантию дают только исследования микроструктуры [Вихров, 1959, с. 7]. Считается, что существовала устойчивая традиция в выборе материала для изготовления конкретной категории инвентаря: украшения человека и коня – из сибирского кедра, крупная посуда (блюда-столики) – из прикорневой части ствола березы, сосуды – из капы [Мыльников, 2011, с. 168].

Например, в 2010 г. при реставрации конской маски из Пятого Пазырыкского кургана определены следующие породы древесины: голова оленя сделана из сибирской сосны, а каркас оленьих рогов – из жимолости [Чехова, 2010, с. 78].

Восемь проб древесины с деревянных «рогов» из Первого Туэктинского кургана были идентифицированы микроскопическим методом по анатомическим признакам к.б.н. М.И. Колосовой (Государственный Эрмитаж). В результате изделия под инвентарными номерами 2179/883, №2179/887-890, №2179/879-880, №2179/878 определены как изделия из сибирского кедра (*Pinus sibirica*), а №2179/885-886, №2179/884 – изделия из сибирской ели (*Picea obovata*). Это подтверждает преимущественное использование кедра пазырыкскими мастерами.

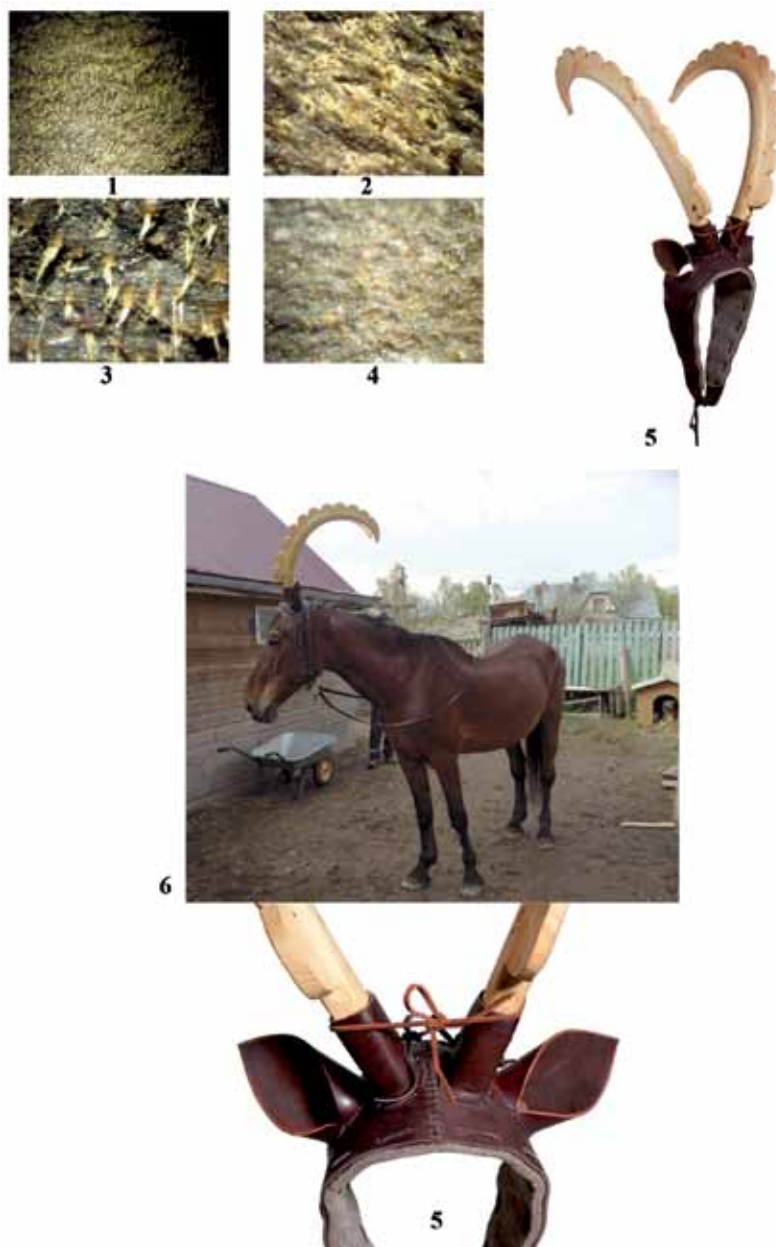

Рис. 3. Макрофотографии рисунка мереи кожи конских масок из Первого Туэктинского кургана: 1 – фрагмент 9576-4 (со стороны мереи, с десятикратным увеличением; конская кожа); 2 – фрагмент 9576-5 (тот же образец с шестидесятикратным увеличением); 3 – фрагмент 957в-4 (фрагмент лопасти маски с подкладкой из войлока с шестидесятикратным увеличением; кожа КРС); 4 – конская маска 954-1 (конский головной убор с шестидесятикратным увеличением; кожа КРС); 5 – фотография и реконструкция В.С. Бусовой; конская маска раннего этапа пазырыкской культуры; 6 – примерка головного убора на живую лошадь (май 2014 г., Санкт-Петербург)

Реконструкция

Реконструкция ставит своей целью воссоздание первоначального облика чего-либо, выполняемого в натуре или выражающееся в сопоставлении описания объекта, его чертежа, рисунка, модели. Для этого на основе подробного изучения сохранившихся объектов или их фрагментов следует аргументировать и научно обосновать реконструкцию. Наиболее актуален комплексный подход, где используются все доступные источники: археологические, иконографические, письменные [Тишкин, Горбунова, 2004, с. 91].

М.П. Грязнов представил ряд реконструкций конских масок по материалам Первого Пазырыкского кургана [Грязнов, 1950, рис. 10, 16, 38; табл. XIII, XXIII]. С.И. Руденко приводил графические реконструкции вместе с полевыми фотографиями [Руденко, 1953, рис. 134, 137]. В этом обоим авторам помогли подкурганная мерзлота (следовательно, хорошая сохранность материала) и положение вещей «*in situ*», чего не было с вещами из Туэктинских курганов.

Крым Алтынбеков (Алматы, Казахстан) подтверждает, что лучше всего получается понять археологический материал в процессе реставрации и реконструкции. Действительно, методика разбора монолитов конских захоронений в лабораторных условиях, извлекаемых из царских курганов Береля, уже получила всемирную известность. В Берельских курганах Восточного Казахстана обнаружено пять масок, все с деревянными «козлиными» рогами, хотя хронологически эти курганы соотносятся с курганами Пазырыка.

В 11-м кургане – три пары рогов, в 10-м кургане – одна пара рогов, и в 4-м кургане – еще одна пара. Но от самих масок остались лишь элементы войлока и фрагменты кожи (в 11-м кургане). Авторы утверждают, что основа берельских масок сделана из войлока, поверх которой нашивались аппликации декора из меха и кожи, а гнезда для рогов могли быть из кожи, войлока и кости. Богато украшенные реконструкции были представлены на международных выставках и опубликованы [Алтынбеков, 2014, с. 168–176]. На живых коней маски не примеряли, потому что кони должны быть подготовленными (со слов К. Алтынбекова). Основной гарантией устойчивости деревянных рогов-наверший на конских масках из Берельских курганов по-прежнему считают деревянную перемычку между рогами, закрепляемую при помощи сухожилий, продетых в отверстия и прикрепленных к вырезам полукружий годовых колец на высоте 15–20 см над макушкой лошади [Мыльников, 2011, с. 161]. Вызывает сомнение лишь то, что находка распорной планки единична, а в курганах Центрального и Восточного Алтая подобные изделия не встречаются.

На первом этапе, в ходе исследования фрагментов масок из Первого Туэктинского кургана, созданы две графические реконструкции [Бусова, 2013, с. 73]. Использовался макет из бумаги для рассмотрения крепления деревянных рогов к кожаной основе (втулки), а также выструганы рога из сосны с наиболее спорным вариантом крепления к основе, с тремя сквозными отверстиями у основания (мастер М.И. Иванов). В оригинале рога, взятые за образец, были сделаны из продольного спиля дерева, т.е. это цельное изделие. В нашем случае рога составные.

На втором этапе, для создания маски в натуральную величину, потребовалось обратиться к кожевенным дел мастерам, так как предполагалось сделать маску из кожи крупного рогатого скота. «Натуральная научная реконструкция позволяет помимо первоначального облика восстановить технологию изготовления, понять особенности

устройства, эксплуатационные возможности и функциональные качества предмета» [Нестеров, 2013, с. 63]. Для такой работы нужны специальные инструменты и определенные профессиональные навыки.

Толщина кожи – 0,3 см (использовалась кожа коровы (взрослая особь)), толщина подкладки из войлока – 1 см. Маска сшивалась нитками изо льна, в оригинале же использовались расщепленные сухожилия. Маска №2179/935(б) (рис. 1.-6) состояла из двух кусков кожи, сшитых между ушами и «рогами». Именно ее крой и был взят за основу. Сделана из двух листовидных кусков кожи, сшитых на макушке переметочным швом, сквозным швом пришиты футляры для ушей и втулки для рогов (рис. 3.-5). Войлок из шерсти овцы могли подклеивать, но в данном случае он закреплен с помощью толстого кожаного ремешка, который окантовывает все изделие по краю, как на изделиях с инвентарными №2179/954 (рис. 1.-1) и 2179/955-956(а) (рис. 1.-2). Набор инструментов, использовавшихся для создания изделия: шило, ножницы, иглы железные, пробойник для круглых отверстий. При воссоздании внешнего облика конского головного убора нас больше всего волновал вопрос устойчивости рогов. В курганах Береля использовалась деревянная распорка между рогами, которая не давала распадаться рогам в разные стороны. В курганах Туэжты такой находки нет. Следовательно, можно было предположить, что была аналогичная замена, которая не сохранилась. Для закрепления рогов, как и предполагалось автором ранее, использовался кожаный шнур, который проходит через три сквозных отверстия внутри цилиндрической кожаной втулки, с помощью натяжения между рогами конструкция держится превосходно. С правой внешней стороны каждого рога (на уровне первого фестона) кожаный шнурок выходит и завязывается узелком. Ценность научного эксперимента проявилась и в том, что мастер пожелал самостоятельно разобраться с креплением к уже созданным деревянным рогам. В результате этого он соединил их с маской в точности так, как и предполагал автор, тем самым подтвердив теоретические доводы (мастер-кожевник А.П. Глызин-Богославский).

Заключительным этапом исследования стала экспериментальная примерка воссозданного конского головного убора на живую лошадь (рис. 3.-6). Для этого опытный конюх выбрал на конюшне самую старую лошадь (37 лет), не способную оказать сопротивление не очень естественной процедуре примерки головного убора с тяжелыми рогами (1 кг). Конструкцию надели на голову со стороны гривы, продели уши в отверстия и подвязали для устойчивости современной уздой без капсюля. Убор в целом сел хорошо, был достаточно устойчив. Рога прекрасно держались, лошадь могла идти в такой маске шагом и даже слегка наклонять голову. Однако примерка показала, что наклоняться за кормом и совершать резкие и быстрые движения в таком уборе с рогами лошадь не должна. Также в процессе примерки стало понятно, что далеко не на всякую лошадь можно надеть такую тяжелую и неудобную конструкцию. В связи с этим экспериментом возникло предположение о том, что мотивы украшения рогами головными уборами двух самых старых коней (конь №2 и 10 – оба старше 20 лет) в Первом Пазырыкском кургане могли быть не только и не столько ритуальными, сколько чисто практическими [Грязнов, 1950, с. 31, 39].

Важно понимать, что комплексное исследование, к которому привлекаются все доступные автору материалы, методы и способы интерпретации, является авторским прочтением. Зачастую использовались источники из разных областей знания и соб-

ственные умозаключения, что может быть спорным, но такой тип построения естествен для человеческого мышления [Черносвитов, 1991, с. 7]. Разумеется, такая модель не может быть полной, она просто не в состоянии осветить все аспекты вопроса. Важной задачей остается сделать ее хотя бы внутренне непротиворечивой.

Используя главное исследовательское средство реконструкции – моделирование, мы создали конский головной убор раннего этапа пазырыкской культуры, опираясь на все возможные источники, известные на данный момент. Мы постарались сделать ее в достаточной мере научной. К сожалению, процесс был осложнен плохой сохранностью материала и почти полным отсутствием иконографических источников. Присутствует полное понимание, что данная работа является авторским прочтением и не может быть полностью достоверной.

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам: для более раннего этапа пазырыкской культуры, представленного находками конских масок из Туэктинских и Башадарских курганов, характерны козлорогие навершия головных уборов коней, в отличие от более поздних наверший с оленьими рогами и сценами терзания из курганов Пазырыкского урочища. Такая разница в традициях, вероятно, связана с резкой сменой в мировоззренческой парадигме пазырыкского общества. Следы ремонта и изношенность на исследуемых изделиях свидетельствуют об их неоднократном использовании в различных ритуалах, последним из которых, вероятно, стал погребальный обряд; для изготовленных ритуальных масок использовались типовые гвоздики-заклепки из самой ходовой бронзы местного производства; маски делались из сыромятных шкур крупного домашнего скота или лошадей; рога выполнены из кедра и ели; осуществленная фактическая реконструкция и примерка головного убора на коня позволили экспериментально подтвердить конструктивную схему изготовления как самого убора, так и крепления к нему деревянных рогов.

Выражаю благодарность специалистам, без которых работа над этой темой не была бы возможной: Е.В. Степановой (Государственный Эрмитаж), Л.Л. Барковой (Государственный Эрмитаж), С.В. Хаврину (Государственный Эрмитаж), К. Алтынбекову (Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым», Алма-Ата, Казахстан).

Библиографический список

Алтынбеков К. Возрожденные сокровища Казахстана: опыт научной реставрации. Алматы : Остров Крым, 2014. 360 с. : ил.

Баркова Л.Л. Конская маска из Первого Пазырыкского кургана // АСГЭ. Вып. 34. СПб., 1999. С. 97–101.

Браун А.А., Островская П.И. Материалы по топографической анатомии кожного покрова. III. Лошадь // Архив анатомии, гистологии и эмбриологии. Т. XII. М., 1933. С. 121–137.

Бусова В.С. О конских масках раннего этапа пазырыкской культуры // Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии. СПб. : Нестор-История, 2014. С. 71–74.

Вихров В.Е. Диагностические признаки древесины главнейших лесохозяйственных и лесопромышленных пород СССР : учебное пособие. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 132 с.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л. : Гос. Эрмитаж, 1950. 92 с.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Результаты спектрального анализа металлических изделий из могильника пазырыкской культуры Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай) // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 202–206.

Иерусалимская А.А. Словарь текстильных терминов. СПб. : Гос. Эрмитаж, 2005. 96 с.

Мыльников В.П. Резьба по дереву в скифское время (Северная Азия). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. 188 с.

Нестеров Е.А. Научные реконструкции в экспозиционной интерпретации древней и средневековой истории Алтая // Вестник Томского государственного университета. 2013. №369. С. 63–66.

Осипов Д.О. Обувь московской земли XII–XVIII вв.: Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М.: ИА РАН, 2006. 202 с.: ил.

Очир-Горяева М.А. Древние всадники степей Евразии. М.: Таус, 2012. 472 с.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с. + 120 табл.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с. + 128 табл.

Румянцев А.В. Микроструктура кожи и методы ее микроскопического исследования. М.: Гос. изд-во легк. промышл., 1934. 73 с.

Самашев З. Берел. Алматы: Таймас, 2011. 236 с.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья: учеб.-метод. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 126 с.: ил.

Хаврин С.В. Металл памятников пазырыкской культуры из курганов Чуи и Урсула // Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 278–281.

Черносвитов П.Ю. Проблема исторических реконструкций как задача моделирования // Методы реконструкции в археологии. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО РАН, 1991. С. 6–22.

Чехова Е.А. Конская маска с головой оленя из пятого кургана могильника Пазырык // Отчет Государственного Эрмитажа 2010 год. СПб., 2011. С. 77–78.

Haines B.M. The fibre structure of leather // Kite M., Thomson R. (Eds.). Conservation of Leather and Related Materials, Butterworth Heinemann-Elsevier. Oxford, 2006. P. 11–21.

V.S. Busova

EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION HORSE-MASK OF EARLY PAZYRYK CULTURE

Pazyryk culture of Altai is widely known for its unique preservation of things from Pazyryk barrows. In those burial mounds horse headgears with zoomorphic tops, that transforming horses to the afterworld were found. As part of the Pazyryk Scythian period known as the elite barrows in the Central Altai: Bashadarskie and Tuektinskije burial mounds with permafrost beneath barrows. Almost all of them looted, and finds in them are mixed, but on circumstantial evidence, it is clear that there were also burial places of horses in horse-masks. However, accurate information about the nature of their attachment to the horse's head and a structure – does not exist, special studies and reconstructions in historiography is extremely small. Described unpublished fragments of horse-masks from the First Tuektinskij barrow (collection number 2179, the State Hermitage). The aim of this work was to create a horse mask with wooden tops, imitating horns of a mountain goat, the prototype of which served as the archaeological finds from the First Tuektinskij barrow. We used an x-ray fluorescence analysis of metal components, studied leather under the microscope, made analysis of wooden tops. On the basis of established graphic reconstruction, horse headgears in full size were made.

Keywords: Central Altai, early Iron age, the Pazyryk culture, horse masks, horse headgears, x-ray fluorescence analysis, reconstruction.

КРИТЕРИИ РЕКОНСТРУКЦИИ ОДЕЖДЫ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА*

Современное состояние источниковой базы предметного комплекса одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа ставит перед исследователями задачу создания новых, выполненных на высоком технологическом уровне реконструкций костюма обозначенной культурно-исторической общности. Особое значение для реализации заявленной задачи имеет теоретическая база метода археологической реконструкции. В статье дана характеристика основных видов реконструкции одежды: описательный, графический, 3D и модельный. Методы рассмотрены с позиции системного подхода. Анализ обозначенных методов позволил автору выявить некоторые критерии, способствующие повышению качества реконструкции одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа. По мнению автора, к числу первостепенных критериев следует отнести наличие систематизированной источниковой базы предметного комплекса одежды и опору при создании реконструкции на конкретный эталонный комплекс находок. Кроме этого, в работе отмечается общее развитие метода реконструкции одежды носителей археологических культур скифского времени Северной Азии, приводятся примеры отдельным типам реконструкции, сравниваются уровни реконструкций одежды населения Верхнего Приобья и сопредельных территорий эпохи раннего железа.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, эпоха раннего железа, проблемы реконструкции одежды.

DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-13

Одним из наиболее актуальных вопросов современной археологии Северной Азии является проблема презентации материалов на суд научной общественности. Сегодняшние реалии информационного общества требуют от исследователя представления результатов его работ на новом технологическом уровне в доступной для потребителя форме. Не являются исключением в этом отношении и реконструкции одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа.

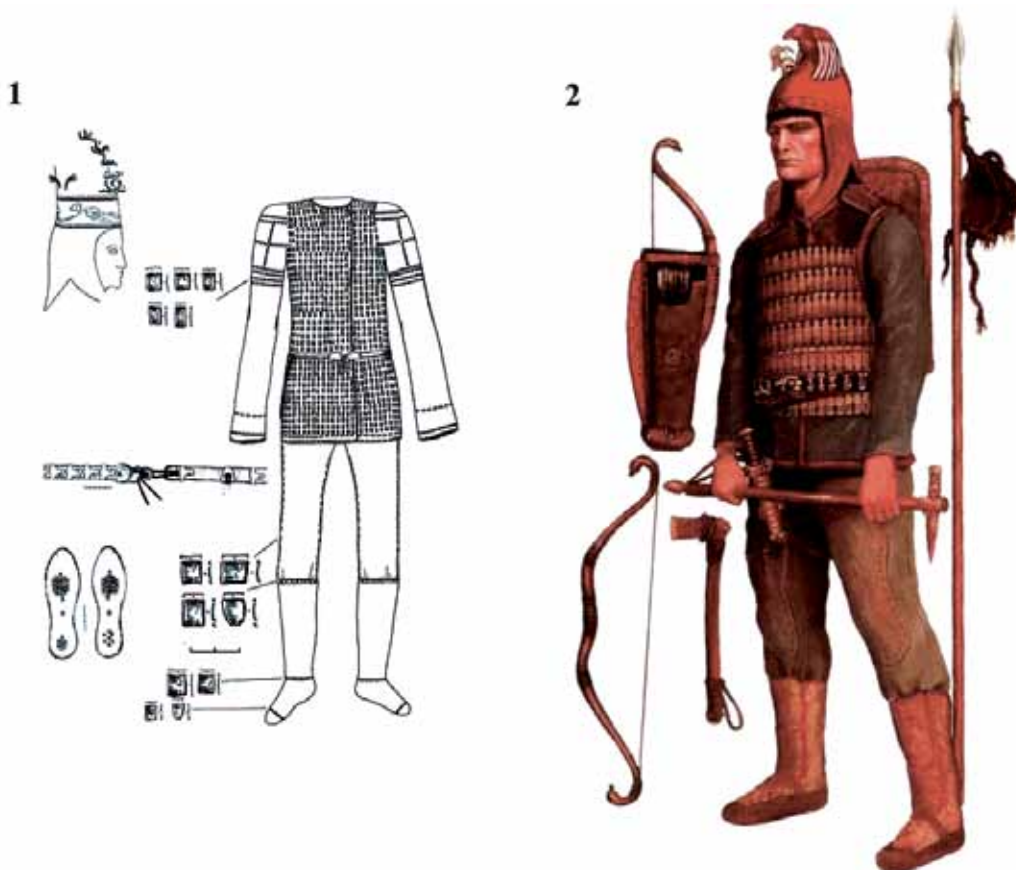
Традиционно в археологических исследованиях используются описательный, графический и модельный способы реконструкции одежды. В последнее время к ним добавился еще один метод – 3D-моделирование. Все обозначенные методы условно подразделяются на полную и частичную реконструкцию. В специальной литературе тематика изучения и реконструкции одежды обретает высокую популярность. Так, методологическую основу нашего исследования составляют наработки С.В. Трифановой [2006], З.В. Доде [2008], С.А. Яценко [2009], И.А. Усовой [2012].

Описательная реконструкция одежды населения Верхнего Приобья встречается в большинстве работ, охватывающих те или иные аспекты данной проблематики, и, как правило, представляет собой словесное описание предметного комплекса ансамбля костюма или его элемента конкретного погребения или культурно-исторической общности в целом [Грязнов, 1956; Могильников, 1997; Троицкая, 1994; Уманский и др., 2005; Шульга, 2003; 2008; Шульга и др., 2009].

В специальной литературе представлены варианты графической реконструкции одежды скифского времени Верхнеобского региона и ее компонентов. К примеру,

* Исследования проведены за счет гранта Российского научного фонда (14–50–00036) «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии».

реконструкция костюма «золотого человека», погребенного в кургане №9 могильника Локоть-4а, приведена в работе П.И. Шульги [2003, рис. 36, 37] (рис. 1.-1), а в работе А.И. Соловьева [2003, с. 6] представлена абстрактная реконструкция костюма большереченского воина (рис. 1.-2). Обе реконструкции объединяют перенос форм одежды «пазырыкцев» Горного Алтая и «золотого человека» из кургана Иссык на одежду населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа. Это объясняется тем, что органические находки в Приобье, как правило, не сохраняются, а территориальная, культурная и хронологическая близость обозначенных общностей должна, по мнению авторов, свидетельствовать о схожести их материальной культуры, в том числе костюма. Как известно из ряда письменных и этнографических источников у племен, проживающих в непосредственной близости друг о друга, зачастую наблюдается выраженная дифференциация костюма [Вся история Древней Греции, 2009, с. 234–256; Головченко, Телегин, 2012, с. 70–72], проявляющаяся в различном отношении к отдельным элементам предметного комплекса одежды. Одежда и ее предметный комплекс в данном контек-

Графическая реконструкция костюма населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа: 1 – костюм «золотого человека» из кургана 9 могильника Локоть-4а [Шульга, 2003, с. 178, 179]; 2 – реконструкция облика воина большереченской культуры [Соловьев, 2003, с. 6]

сте выполняют функцию социального, племенного и родового определителя (служат маркером «свой – чужой»). Исходя из этого нам представляется, что подобный подход нуждается в дополнительном обосновании.

Еще один ряд графических реконструкций посвящен воссозданию образов отдельных компонентов костюма, в частности поясам. Наибольший вклад в развитие данного направления внесен П.И. Шульгой [2003; 2008, с. 116–119; 2010], в дальнейшем его разработки нашли широкое распространение в статьях исследователей. Проблемной областью обозначенных работ является опора при реконструкции поясного набора на оформление конской упряжи.

На данный момент нам не известно модельных реконструкций населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа, несмотря на наличие эталонных комплексов, таких как «золотой человек» из кургана №9 могильника Локоть-4а. Между тем материалы памятников скифского времени степей Казахстана вводятся в научный оборот в сопровождении ряда модельных реконструкций, в этом отношении достаточно упомянуть опыт публикации костюмных комплексов курганов Иссык и Чиликты [Культура ранних кочевников Казахстана, 2008, с. 524–527]. Сказанное правомерно и для метода 3D-моделирования.

В контексте нашего исследования предметного комплекса одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа особое значение имеют критерии научной реконструкции костюма. Условно эти критерии можно разделить на основные (необходимые для создания реконструкции) и дополнительные (необходимые для проверки получившейся реконструкции).

Основополагающим критерием реконструкции одежды является наличие систематизированной источниковой базы, которая позволяет установить точное соответствие между конкретным элементом одежды и предметным комплексом, к ней относящимся. В этом отношении уместно отметить, что предметный комплекс одежды населения Верхнего Приобья до сих пор целенаправленной систематизации не подвергался. Отдельные описания его категорий содержатся в работах Т.Н. Троицкой и А.П. Бородавского [1994], В.А. Могильникова [1997], П.И. Шульги [2003], А.П. Уманского, А.Б. Шамшина и П.И. Шульги [2005], Я.В. Фролова [2008], П.И. Шульги, А.П. Уманского и В.А. Могильникова [2009].

Вторым по важности критерием является опора при реконструкции одежды или ее элемента на реальный эталонный комплекс конкретного погребения, что исключает погрешности, вызываемые «собираем» абстрактного костюма из множества находок различного контекста. Важным условием выполнения этого пункта является тщательность фиксации процесса раскопок. Характеристика контекста обнаружения предметного комплекса одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа в таких случаях и является своеобразной описательной реконструкцией костюма. Графические реконструкции рассматриваемой одежды, как уже отмечалось выше, по объективным и субъективным причинам носят собирательный характер (см. рис.).

Реконструкция может осуществляться любым из вышеобозначенных методов. Самая простая и быстрая описательная реконструкция представляет собой повествовательный текст, описывающий костюм, одежду, ее компоненты и предметный комплекс. Основной плюс описательной реконструкции – точная передача особенностей, деталей, ориентация на фантазию читателя; главный минус – отсутствие картин-

ки-образа. Поэтому описательная реконструкция должна дополняться визуализацией – графической и модельной. Примером реконструкции такого рода может являться описание захоронения «золотого человека» из кургана №9 Локоть-4а, исследованного П.И. Шульгой [2003, с. 25].

Графическая реконструкция представляет собой рисунок человека в воссоздаваемой одежде, при этом, как правило, детально прорисовываются предметный комплекс одежды, черты лица и половые признаки персонажа. Основные достоинства графической реконструкции – образность и запоминаемость; недостатки – неточности в прорисовке, а также отсутствие информации о покрое и сырьевой основе одежды, креплении предметного комплекса в совокупности с субъективными наблюдениями художника (см. рис.).

3D-модель костюма – тоже рисунок, в силу компьютерных технологий лишенный ряда недостатков, связанных с неполнотой передачи информации, однако процесс создания 3D-реконструкции длителен, требует у исследователя особых навыков и технических возможностей.

Модельная реконструкция, полностью или частично изготовленная из натуральных материалов (шерсть, кожа, глина, пластик), представляет собой макет костюма в натуральную (или уменьшенную) величину. Достоинства модели – образность, осязаемость, точность в передаче деталей; недостаток – ограниченная мобильность при презентации.

В идеале при публикации эталонного комплекса находок должны презентоваться все рассмотренные виды реконструкции, но в научной литературе по археологии Верхнего Приобья эпохи раннего железа таких прецедентов нет. В этом отношении необходимо отметить, что перед их созданием полученные результаты необходимо проверить на соответствие дополнительным критериям научной реконструкции.

Во-первых, полученная реконструкция должна отражать системный подход к анализу источников. В большинстве случаев органическая основа одежды в погребениях не сохраняется, но из проведенных анализов отдельных находок нам известны некоторые особенности покроя одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа, и их необходимо использовать.

Во-вторых, полученный макет необходимо критически рассматривать через призму немногочисленных изобразительных источников по одежде населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа.

Руководствуясь высказанными соображениями, мы предполагаем осуществить реконструкцию одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа.

Библиографический список

Вся история Древней Греции : сборник переводов произведений древних авторов / Геродот (пер. Г.А. Стратановского), Фукидид (пер. Ф.Г. Мищенко), Ксенофонт (пер. Л.И. Горбачевского). М. : АСТ Астрель, 2009. 1306 с.

Головченко Н.Н., Телегин А.Н. Кожаные и войлочные головные уборы носителей археологических культур скифо-сакского мира: морфология и назначение // Древности Сибири и Центральной Азии : сборник научных трудов. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2012. №4 (16). С. 70–72.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1956. 256 с. (МИА. Вып. №48).

Доде З.В. Костюм населения Северного Кавказа VII–XVII веков (реконструкция этносоциальной истории) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008. 35 с.

Культура ранних кочевников Казахстана. Археологическая коллекция ЦГМ РК : каталог. Алматы, 2008. 553 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М. : Изд-во Ин-та археологии РАН, 1997. 195 с.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение от каменного века до средневековья. Новосибирск : ИНФОЛИО-ПРЕСС, 2003. 222 с.

Трифанова С.В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи : дис. ... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2006. 288 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск : ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. 184 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с.

Усова И.А. Костюм кочевников Южной Сибири и сопредельных территорий периода поздней древности и раннего средневековья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2012. 24 с.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул : Азбука, 2008. 479 с.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае: Раннескифское время. Барнаул : Азбука, 2008. Ч. I. 276 с.

Шульга П.И. О назначении «поясных» бляшек на Верхней Оби и в Горном Алтае // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул : Азбука, 2008. С. 116–119.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.

Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М. : Вост. лит., 2006. 664 с.

N.N. Golowchenko

THE CRITERIA FOR RECONSTRUCTION CLOTHES SETTLEMENT VERHNEGO PRIOB'YA IN EARLY IRON AGE

The current state of the source base object complex garments population of Verhneobskoi pool (Early Iron Age) has set the task of creating new studies performed at a high technological level of reconstructions which suit designated cultural-historical community. Of particular importance for the realization of the stated problem is the theoretical basis of the method of archaeological reconstruction. The paper presents the characteristics of the main types of reconstruction of clothing: the narrative, graphics, 3D and model. Methods are considered from the perspective of a systematic approach. The analysis of indicated methods has allowed the author to identify some criteria that promote quality of reconstruction clothing population of Verhneye Priob'ye in Early Iron Age. According to the author, the primary criteria include: the presence of a systematic source base complex subject of clothing and support in reconstructing a reference to a particular set of findings. In addition, the method of clothes' reconstruction has been used. The clothes can be referred to the archaeological cultures of Scythian time in the North Asia, there are examples of specific types of reconstruction, a comparison of the level of reconstruction of the population of the Verhneye Priob'ye clothing and adjacent territories the early Iron Age.

Keywords: Verhnee Priob'e, the Early Iron Age, the problem of reconstruction of clothing.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АлтГУ – Алтайский государственный университет (г. Барнаул).
АН МНР – Академия наук Монгольской Народной Республики.
АН СССР – Академия наук Советского Союза.
БГИАПМЗ – Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник (с. Билярск, Алексеевский район, Республика Татарстан).
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГБУК – Государственное бюджетное учреждение культуры.
ГИМ – Государственный исторический музей (г. Москва).
ГМВ – Государственный музей Востока (г. Москва).
ГЭ – Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург).
ДОКМ – Донецкий областной краеведческий музей (г. Донецк, Украина).
ЖПК – жертвенно-поминальный комплекс.
ИГЕМ – Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии (г. Москва).
ИИГСО – Институт истории, гуманитарного и социального образования (г. Новосибирск).
ИИМК – Институт истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург).
ИИФиФ – Институт истории, философии и филологии (г. Новосибирск).
ИПОС – Институт проблем освоения Севера (г. Тюмень).
КГПИ – Кемеровский государственный педагогический институт.
КИО – культурно-историческая общность.
ЛГПУ – Липецкий государственный педагогический университет.
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (г. Томск).
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет.
НКГРЭ – Норильская комплексная геологоразведочная экспедиция.
НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан (г. Казань).
НПЦ – Научно-производственный центр.
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет.
РАН – Российская академия наук.
РГНФ – Российский государственный научный фонд.
РИКМ им. В.М. Комарова – Районный историко-краеведческий музей им. В.М. Комарова (с. Волчиха, Алтайский край, Россия).
РИО – редакционно-издательский отдел.
РФА – рентгено-флюоресцентный анализ.
САИ – Свод археологических источников.
СО – Сибирское отделение.
СОКМ – Самарский областной краеведческий музей.
ТРИКМ – Тюменцевский районный историко-краеведческий музей (с. Тюменцево, Алтайский край, Россия).
ХАЦ – Химико-аналитический центр.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бородовский Андрей Павлович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 630090, г. Новосибирск, пр-т ак. Лаврентьева, 17; тел. +7 913-708-98-56; altaicenter2011@gmail.com

Бусова Варвара Сергеевна, реставратор Всероссийского художественно-научно-реставрационного центра им. академика И.Э. Грабаря, сотрудник Тувинской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН; 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Галерная, д. 29, кв. 12; тел. 8-921-300-92-98; kulturnijkarman@gmail.com

Вертман Евгений Густавович, кандидат технических наук, заместитель директора ООО «Химико-аналитический центр «Плазма»; 634063, г. Томск, ул. Ив. Черных, д. 32, кв. 272; тел. 8-960-978-8129; rodnikweg@yandex.ru

Головченко Николай Николаевич, аспирант 1-го курса кафедры теории, культуры и музеологии ИИГСО НГПУ, инженер-исследователь ИАЭТ СО РАН, зав. кабинетом археологии ИФ Алтайского государственного педагогического университета; 658065, Алтайский край, Первомайский район, с. Повалиха, ул. 1-я Набережная, 12/1; тел.: 8-913-093-48-14; nikolai.golowchenko@yandex.ru

Горбунов Вадим Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; тел. (3852)291256; gorbunov@hist.asu.ru

Марсадолов Леонид Сергеевич, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа; 190000, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34; тел. сл. (812) 710-95-07; marsadolov@hermitage.ru

Мунхбаяр Чулуунбат Боролдой, кандидат исторических наук, преподаватель Ховдского государственного университета (Монголия); munkh_boroldoi@yahoo.com

Мухарева Анна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии Кемеровского государственного университета, научный сотрудник Алтайского государственного университета; 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6; mukhareva@mail.ru

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор Казанского государственного университета культуры и искусств; 420059, г. Казань, Оренбургский тракт, 3, КГУКИ; тел.: (843) 537-31-27; murziha@mail.ru

Серегин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, АлтГУ, каб. 211; тел. (3852) 291256; nikolay-seregin@mail.ru

Соенов Василий Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории, руководитель Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета; 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Улагашева, д. 16, кв. 5; тел. 8-913-697-88-12; soyonov@mail.ru

Сотникова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии, философии и методики преподавания историче-

ского факультета Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева; 626150, Тюменская обл., г. Тобольск, ул. Знаменского, 58; тел. (3456) 223-142; svetlanasotnik@mail.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, проректор по научному и инновационному развитию Алтайского государственного университета; 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 603; тел. (3852) 291204; tishkin210@mail.ru

Трифанова Сынару Вениаминовна, кандидат исторических наук, руководитель отдела исторических наук Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета; 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1; trifanovasv@mail.ru

Фролов Ярослав Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 321а; тел. (3852) 291254; frolov_jar@mail.ru

Цимиданов Виталий Владиславович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея, г. Донецк, Украина; 83048, Украина, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 189-А; archaeodon@front.ru

Правила оформления статей для журнала «Теория и практика археологических исследований»

Уважаемые коллеги!

С 2013 г. традиционный сборник кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета решено издавать в формате журнала с периодичностью два номера в год. Для этого проведена работа по получению ISSN и включению журнала в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Редколлегия принимает к печати статьи в соответствии со следующей **основной тематикой**:

1. Теоретические и методические проблемы археологии.
2. Использование естественно-научных методов в археологических исследованиях.
3. Зарубежная археология.
4. Результаты изучения материалов археологических раскопок.
5. Социальные реконструкции в археологии.
6. История археологических исследований.
7. Новые археологические открытия.

Кроме этого, будут опубликованы аналитические обзоры, рецензии, заметки, хроника, сообщения, информация библиографического характера, сведения о персоналиях.

Предполагается осуществлять **тематические выпуски**.

Редколлегия обращает внимание авторов на важность соблюдения обязательных **требований к оформлению публикации**.

Объем статьи – до 1 печатного листа (40 тыс. знаков с пробелами). В исключительных случаях редколлегия принимает к рассмотрению работы большего объема (до 1,5 п.л.), если они содержат значимые и признанные научным сообществом результаты. Статья должна содержать резюме (аннотацию) и список ключевых слов на русском и английском языках, а также перевод названия статьи на английский язык. Объем резюме (аннотации) должен составлять не менее 1000 знаков (без пробелов).

Все текстовые материалы должны быть предоставлены в формате Word. Иллюстрации хорошего качества принимаются в размере, не превышающем формат В5 с учетом полей (не более 200 x 135 мм). Каждая иллюстрация должна иметь отдельную нумерацию и подпись. В тексте ссылки на них даются последовательно (примеры ссылок на рисунки и отдельные позиции изображений такие: (рис. 1; рис. 2–5; рис. 6.-3)). Графические иллюстрации принимаются в формате tif (разрешение не менее 300 dpi). К статье можно приложить не более четырех качественных фотографий, которые будут помещаться в отдельной вклейке с подписями или внутри текста. Все используемые таблицы должны иметь отдельную нумерацию со ссылками в тексте (например: (табл. 1)). Каждая таблица должна иметь собственное название.

Подрисуночные подписи и список сокращений прилагаются отдельными файлами.

Библиографические ссылки на публикации в тексте заключаются в квадратные скобки, внутри которых указываются фамилия одного или первого автора, год издания, страница, рисунок, таблица (например: [Потапов, 1961, с. 5, рис. 2.-8; Шишкин и др., 2011, с. 143–145, табл. 2]). В конце статьи помещается библиографический список в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их количества), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства (если его

Hovd is given in the article. This territory is connected with east spurs of the Mongolian Altay. Considered finds come from funeral objects. The analysis of the received materials and results of radio-carbon dating allowed to carry out cultural and chronological attribution of the studied archaeological monuments, and also to reconstruct some elements of the production technology of stone capacities. Territorial distribution of similar finds allowed to designate areas of existence of traditions of production and use of the vessels made of stones. Design features of the studied funeral constructions and not numerous ware complex have compliances in materials of Xinjiang and the adjacent regions dated by early Bronze and united in a Chemurchek culture/community. Besides, similarities to other archaeological find from Kazakhstan and the South of Siberia are noted.

Keywords: the Mongolian Altay, early Bronze age, funeral constructions, radio carbon dating, stone vesse.

Образцы составления библиографического описания

Монография:

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 346 с.

Статья в сборнике:

Войтов В.Е. Могильники Каракорума (по материалам работ 1976–1981 гг.) // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск : Наука, 1990. С. 132–149.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 96–106.

Статья в журнале:

Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №3. С. 63–77.

Автореферат:

Савинов Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур в Южной Сибири : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1987. 54 с.

Полная версия правильно оформленной статьи высылается по электронной почте на указанные ниже адреса не позднее 15 апреля (для первого номера каждого года) и не позднее 15 сентября (для второго). В течение двух месяцев после получения материалов редколлегии проводится обязательное рецензирование, а затем извещает автора(ов) о решении и сделанных замечаниях. Если решение в целом положительное, то автору(ам) дается месяц на доработку текста. После этого в редколлегию высылается законченная электронная версия статьи, а также подписанный автором (авторами) печатный вариант работы.

Авторы статей также сообщают следующие данные, которые публикуются в конце каждого номера журнала: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность, почтовый адрес (с индексом), контактный телефон, адрес электронной почты.

Просьба присылать статьи и материалы одновременно на следующие электронные адреса: tishkin210@mail.ru; kuzmar@hist.asu.ru

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№1 (11)

2015

Редактор: Е.М. Федяева
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 02.07.2015. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 70х100/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 14,5. Тираж 500 экз. Заказ №229.